

историко-краеведческий альманах

Бежецкий Край

выпуск № 12

Листая прошлого страницы

Бежецк 2014

ББК 63.3(2Рос-4Тв)
М 69

ISBN 978-5-903791-18-7
ISBN 978-5-903791-36-3 (выпуск №12)

**Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №12**
2014. — 144 стр., 45 ил.

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев.
E-mail: bezhkray@yandex.ru

Сайт альманаха: <http://bezhkray.ru/>
Администратор сайта
Сергей Бривер

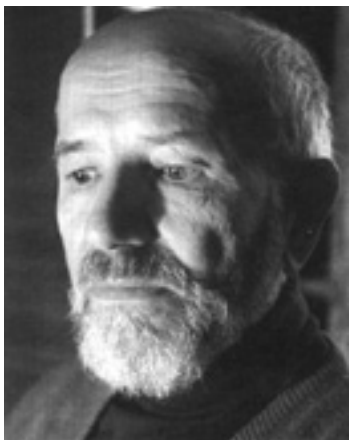
Данный выпуск альманаха осуществлён
при финансовой поддержке
ООО «Селена».
Генеральный директор
Алексеев Игорь Анатольевич

© Альманах «Бежецкий край», 2014
© Издательство «Ванчакова линия», 2014
© Эскиз обложки: РА «Позитив». Николай Колыгин, 2014
© ОАО «ТОТ» Ржевская типография, 2014

Мир и слово как вечные ценности

**Владимир Вениаминович
Бибихин**

С чьим именем ассоциируется тот или иной город? Вопрос не праздный. Что касается Твери, то анкетирование на просторах России и ближнего зарубежья показывает безраздельное лидерство певца неприкаянных душ Михаила Круга. Хочется, чтобы в Ржеве, Торопце, Бежецке было по-другому. И уж совсем несбыточная мечта: чтоб при упоминании Бежецка сразу возникало имя неведомого сейчас многим философа Владимира Бибихина. Когда Россия вновь станет цивилизованной, читающей, думающей, так обязательно и будет. «Жаль только, жить в эту пору прекрасную...»

Его слава, понимание значимости написанного им пришли, как всегда, после кончины. Буквально через несколько дней, в декабре 2004 года, – в многочисленных некрологах и на интернет-форумах. Вот довольно дальний адрес – «Сибирская православная газета»: «Когда верстался номер, в котором мы готовили публикации о А.Ф. Лосеве, в редакцию пришло печальное известие, что в воскресенье 12 декабря в 7 часов утра отошёл ко Господу выдающийся философ и христианский мыслитель Владимир Вениаминович Бибихин. Ученик и многолетний помощник А.Ф. Лосева, он давно заявил о себе как даровитый и самобытный мыслитель и талантливый переводчик философской классики. Благодаря его подвижническим усилиям к русскому читателю пришло знаменитое «Бытие и время» и целый ряд других работ Мартина Хайдеггера, основные богословские тексты св. Григория Паламы, оригинальный Боэций Дакийский. Это был изысканный и самоотверженный исследователь, трепетный ценитель и большой мастер слова, которое для него было главным орудием умозрения. Владимир Вениаминович много сделал, чтобы расчистить путь к свободной творческой мысли следующим поколениям. Российская тускнеющая на глазах после кончины С.С. Аверинцева культура потеряла ещё одного своего ревнителя и успешного делателя. Настоящий философ незаменим по определению, но те, кто чувствует себя в долгу перед

трудами и надеждой Биbihина, обязательно будут читать и пересчитывать его книги, слушать записи лекционных курсов и непременно благодарить философа за его находки в области духа и смысла. Вечная ему память!»

Владимир Вениаминович Биbihин родился 29 августа 1938 года. Как писала Рената Гальцева, «его знали как рафинированного интеллигента. А между тем мало кто мог предположить, что вышел он из не очень образованной, многодетной, вечно бедствующей семьи родом из Бежецка Тверской губернии». Без связей на философский факультет МГУ не брали, а других возможностей заниматься философией не было. Тогда Биbihин стал филологом и переводчиком. Скромное «кандидат филологических наук», конечно, смотрелось вызовом со стороны человека с необъятной эрудицией, переводящего со всех живых европейских языков и двух классических.

Три года Биbihин прослужил в армии, затем был рабочим, учился в институте сельского хозяйства, в Московском энергетическом институте, а окончил 1-й Московский педагогический институт иностранных языков им. М. Тореца, где параллельно английскому и французскому самостоятельно изучил испанский, немецкий, санскрит и другие новые и древние языки, посещал лекции и семинары на филфаке МГУ. Много лет он преподавал в лучших московских вузах (МГУ, МГИМО и др.) и параллельно с этим с 1972 по 2004 год работал научным сотрудником Института философии АН СССР.

Владимир Вениаминович перевёл и отреферировал бесчисленное количество новейших зарубежных трудов по философии и филологии для изданий Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Его переводы, и с этим согласны все, представляют собой не только филологическое, но и философское достижение. В них пересмотрены известные отечественной традиции принципы интерпретации текста. В переводах и истолкованиях классических и новейших авторов он решал ту же задачу, что и в собственных трудах, – «громадную задачу философского обживания русского языка». Он переводил с латыни создателя учения о бесконечном кардинала Николая Кузанского и основателя дидактики Яна Амоса Коменского, с немецкого – творца квантовой механики Вернера Гейзенберга и основателя общей теории языка Вильгельма фон Гумбольдта, с французского – создателя «театра жестокости» Антонена Арто, с итальянского – творца «нового сладостного стиля» и открывателя современной поэзии Петрарку. Его интересовали в первую очередь основатели и создатели.

Много лет Биbihин был секретарём Алексея Фёдоровича Лосева – последнего русского философа-классика. Страшной и изломанной была судьба этого титана. Он написал монбланы трудов и заслуживает глубокого почитания, несмотря на многое, что допустил в свою душу и жизнь сам. Биbihин по доброй воле долго пробыл рядом со слепым мудрецом, читая

ему греческих классиков. Он был верным и старательным секретарём, многому учился у Лосева, но – только тому, чему сам хотел научиться. После кончины старого философа Биbihин успел опубликовать книгу о нём.

В период «перестройки» Биbihин начал читать свои знаменитые лекции в 1-й поточной аудитории гуманитарного корпуса МГУ. (Мне однажды выпала честь стоять за этой кафедрой, и поджилки до сих трясутся при одном воспоминании). Теперь эти лекции изданы отдельными книгами: «Язык философии», «Мир», «Слово и событие», «Узнай себя». Одна из его тогдашних слушательниц недавно сказала: «Я ходила слушать Биbihина, как люди ходят слушать музыку». В течение четырнадцати лет, с 1989 по 2003 год (причём последние десять лет – безвозмездно), Биbihин читал большой цикл курсов, каждый раз объявляя новую тему. Общим для всех этих курсов можно считать тонкое соединение философской и лингвистической ткани. В них Биbihин говорит и пишет о слове, языке, событии, детском отношении к миру, свободе, праве, правде, русской истории, разбирает древнеиндийские гимны, Данте, Пушкина, Толстого, Мандельштама, Лорку, Гераклита, Гегеля, Хайдеггера.

Мартин Хайдеггер и Людвиг Витгенштейн всегда оставались двумя важнейшими для него философами XX века. Как уникальный по глубине и адекватности переводчик Хайдеггера, Биbihин в 1990-е годы на какое-то время оказался в центре ожиданий перевода главного творения великого философа – «Бытия и Времени». Но ожидание затянулось запредельно, а когда перевод вышел, аудитория перегорела, и не в последнюю очередь – из-за набравшего в России невероятную силу политического зомбирования. В последние месяцы жизни, уже тяжело больной, Биbihин вёл семинар по раннему Хайдеггеру, а последний вечер своей жизни провёл за правкой книги о Витгенштейне.

В последние годы жизни Владимира Вениаминовича его университетские дела шли тяжело. Эпоха романтизма на созданной когда-то Вячеславом Ивановым кафедре истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ закончилась, все подтянулись и застегнулись, и Биbihин стал многими восприниматься как анахронизм. За пределами вуза, в общественно-политической жизни, философ тоже оказался несовпадающим с окружением, человеком, шагающим не в ногу. К сожалению, даже его светлой головы в довольно крайней форме коснулась «демократическая шизофрения». Он уходил из жизни мучительно, но мужественно, держа в руках перо.

Назовём некоторые из вышедших посмертно книг нашего земляка: «Витгенштейн. Смена аспекта» (2005), «Алексей Фёдорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев» (2006), «Введение в философию права» (2005), «Внутренняя форма слова» (2008), «Грамматика поэзии» (2009), «Ранний

Хайдеггер: Материалы к семинару» (2009), «Чтение философии» (2009), «Энергия» (2010), «Дневники Льва Толстого» (2012). В последней работе Владимир Вениаминович пишет: «Дневники Толстого и его записные книжки – это вспышки озарений, и как человек, чтобы быстро что-то записать, хватает карандаш, гвоздь, так Толстой – первые подвернувшиеся слова. Понятный разбор этих записей даст нуль, единственный шанс – увидеть искру, всегда одну, которая ему осветила тьму и тут же погасла... В основании всего, в разуме бытия, живого и, он уверен, что неживого тоже, он видит любовь и поэзию. Эти две вещи сумасшедшие, нерасчётливые, жертвенные, непредвиденные. Жизнь идёт от них».

Основной темой мысли Биbihина с начала и до конца оставались мир и слово. Ведётся огромная работа по собиранию и комментированию его научного и публицистического наследия, дневников. Хотя значительная часть написанного Владимиром Вениаминовичем только готовится к публикации, уже можно говорить о самостоятельной философской фигуре, особом виде философствования, проявившемся в русской культуре в переломные годы.

В его работе «Кормя Зевесова орла» (2002), представляющей собой развёрнутую рецензию на монографию Андрея Зорина о русской государственности, есть такое размышление: «Оглядываясь в своих действиях на образцы – общечеловеческая слабость. Не только государственная и корпоративная, но и всякая частная жизнь старается выстроить себя в ориентации на тот или другой идеальный тип. Западая из классики, высокой поэзии, философии, религии в устроительное сознание, идеи своей мощью, разумом, волей возбуждают, захватывают, мобилизуют его и, переходя в практику, производят бурю в вещественном мире. Так брызги бессмертного питья богов, шутя пролитые ветреной Гебой на землю, гремят и кипят в майской грозе». Многие идеи самого Биbihина мобилизуют умы и ведут их к положительному действию.

Для меня очень интересно суждение Владимира Вениаминовича в одном из его последних эссе о философии в России как о каком-то странном пограничном случае. Например, греков или немцев невозможно представить себе без философии, а у многих народов её просто нет и никогда не было. В России же философия иногда возможна, а иногда – нет. Вывод для себя делаем такой: если вдруг начало что-то получаться – спешите, иначе непредсказуемая жизнь всё ломает. Но и спешить надо с оглядкой, не упиваясь кажущимся собственным прозрением или, тем более, прозрением вождей. В одной из своих последних лекций о святом Григории Паламе и его деле Биbihин сказал: «Не надо думать, что, раз мы православные, или католики, или протестанты, то мы теперь знаем полноту истины. Это не смиренно, в конце концов».

Светлана Гусева (Алексеева)

**Д.А. Золотарев
и А.Г. Кирсанов — студенты
физико-математического
факультета
Санкт-Петербургского
университета начала XX в.***

Д.А. Золотарев

Бесспорно, образование играет важнейшую роль в формировании личности, не только обогащает интеллектуально, но и формирует мировоззрение человека, создает представление о жизненных ценностях.

Санкт-Петербургский государственный университет начала XX в. был ведущим научным и образовательным учреждением Российской империи. В стенах университетских аудиторий обучались тысячи студентов, которые впоследствии прославили отечественную науку и культуру. Каждый из них, вступая в жизнь в сложное время, наступившее после 1917 г., унес в своем сердце частицу Университета, духа свободы и исследовательского поиска.

Выпускникам 1910-х гг. досталось нелегкое бремя — жить и работать в послереволюционной России, во времена голода, разрухи, лихолетья. Вначале им пришлось восстанавливать жизнь в стране после 1917 г., потом испытать свое мужество в годы Гражданской войны и во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг; они были вынуждены не просто работать, а постоянно бороться за сохранение отечественной культуры и исторического наследия.

После революции в тяжелых условиях переустройства всего социально-политического уклада многие из них сохранили честь, достоинство, огромный заряд энтузиазма и внутренней созидательной энергии. Эти люди не только сберегли научные традиции прошлого, но и своим вкладом приумножили достояние России.

Способность к глубокому анализу окружающей действительности, к оценке культуры в ее историческом развитии неизбежно определили высокую степень ответственности таких людей перед обществом, у

них всегда было много работы, и их работа всегда была на виду. Судьбы мыслящих людей в России первой половины XX в. складывались непросто, почти всегда они имели драматический сюжет или были окрашены в трагические тона. Однако именно этим людям была дана возможность активно влиять на общество и на время, в котором они жили, создавать новое и через тяготы своего смутного лихолетья прокладывать дорогу в будущее.

Безусловно, к таким деятелям науки и культуры можно отнести Д.А. Золотарева (1885–1935) и А. Г. Кирсанова (1886–1968). Конечно, эти фигуры не совсем сопоставимы по масштабу, но в их биографиях можно найти схожие черты.

Вклад Д.А. Золотарева в становление таких научных дисциплин, как антропология, этнография, просто огромен, это не говоря уже о его работе на ниве краеведения и музейного дела¹. Д.А. Золотарев стоял во главе подразделений крупнейших научных учреждений страны, расположенных в Петрограде–Ленинграде. В 1918–1930 гг. он занимал пост заведующего отделением русско-финской этнографии этнографического отдела Русского музея, в 1919–1929 гг. он также являлся заведующим разрядом этнической антропологии Академии истории материальной культуры, в 1921–1929 гг. был заведующим Европейским отделом Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран.

Большое место в исследовательской деятельности Д.А. Золотарева занимало изучение Верхневолжского региона. Можно сделать такой обобщающий вывод: «В 1920-е гг. вся краеведческая работа в области антропологии и этнографии в Верхнем Поволжье проходила под его непосредственным руководством»². Навсегда в историю этнографии страны вошла знаменитая, уникальная по своему исследовательскому размаху Верхневолжская экспедиция (1921–1925 гг.) — одна из трех масштабных экспедиций, подготовленных ученым с целью исследования народонаселения страны.

Судьба ученого сложилась трагически. В 1930 г. работа Д.А. Золотарева была прервана, он был репрессирован по делу Центрального бюро краеведения и умер в ссылке в 1935 г.

Жизненный путь А.Г. Кирсанова сложился иначе. Это личность меньшего масштаба, не общероссийского, а скорее тверского или даже бежецкого. А.Г. Кирсанов был краеведом, работал школьным учителем в г. Бежецке Тверской губернии, свою исследовательскую деятельность направил на изучение родного города и района. Он принимал активное участие в деятельности «Бежецкого научного обще-

ства по изучению местного края», собирал исторические источники по истории бежецких земель. Им было опубликовано немало статей, материалов по краеведению, итогом многолетних поисков и работы стала книга «Край наш Бежецкий»³.

Может показаться неуместным сравнивать результаты работы школьного учителя-краеведа и выдающегося ученого. Но вне всяких сомнений то, что Д.А. Золотарев и А.Г. Кирсанов были не только знатоками истории и географии, но и жадными исследователями современности, их отличало особое пристальное внимание к обществу и человеку, любовь к своей стране, бережное отношение к ее культуре и историческому прошлому.

Биографии Д.А. Золотарева и А.Г. Кирсанова имеют общие черты. Они были почти ровесниками и уроженцами небольших, но экономически развитых городов России. Д.А. Золотарев родился в г. Рыбинске Ярославской губернии в 1885 г. в семье священника, а А.Г. Кирсанов в г. Бежецке годом позже (1886 г.) в семье ремесленника-скорняка. На начальном периоде жизни их объединил один очень важный момент: оба они почти в одно и то же время учились на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета.

Биография Золотарева-студента достаточно яркая. В 1903 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета, но через год был исключен за участие в студенческих выступлениях. 1904–1907 гг. Д.А. Золотарев провел в Париже, где посещал лекции по антропологии и этнографии в Сорбонне и Русской технической школе. В 1908–1912 гг. Д.А. Золотарев – студент отдела географии и антропологии физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

В конце XIX – начале XX в. в науке шел процесс оформления таких дисциплин, посвященных исследованию человека, как антропология, археология и этнография. Немалую роль в этом процессе играли и ученые Санкт-Петербургского университета: Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевский, Ф.К. Волков (Вовк). Кафедра географии и этнографии на физико-математическом факультете была образована в 1887 г.⁴, а через год при ней возникло научное общество – Российское антропологическое общество, также выполнявшее функции исследовательского центра.

Особый вклад в развитие этих дисциплин внес своей исследовательской и преподавательской деятельностью Ф.К. Волков, с 1907 г. работавший на кафедре в должности приват-доцента и с 1910 г. воз-

главлявший Российское антропологическое общество. Незаурядная биография профессора Волкова не может не привлекать внимания⁵. Выпускник Киевского университета по естественному отделению, он всерьез увлекся археологией и этнографией. По окончании университета Ф.К. Волков участвовал в деятельности юго-западного отделения Русского географического общества, подготавливал проведение III Археологического съезда в Киеве. По причине своих политических взглядов Ф.К. Волков большую часть жизни провел в эмиграции во Франции. Но это, бесспорно, пошло ему на пользу как ученому. В Париже он стал членом ведущих научных обществ, а в итоге в 1905 г. был удостоен степени доктора естественных наук Парижского университета. Только после первой русской революции 1905 г. Ф.К. Волков вернулся на родину.

Д.А. Золотарев вошел в число студентов Ф.К. Волкова в Санкт-Петербургском университете. В личности ученого и педагога широта познаний сочеталась с особым даром раскрыть творческие способности других людей, в итоге это позволило Ф.К. Волкову вырастить целую плеяду блестящих археологов, антропологов и этнографов, в числе которых был и Д.А. Золотарев. Впоследствии в некрологе Д.А. Золотарев так вспоминал о своем учителе: «Очень много содействовали его успеху необычайно обаятельное отношение к слушателям, любовь к работе, невольно передававшаяся другим, способность пробудить научный интерес и готовность всегда помочь, дать указания... Он умел быть не только ученым и преподавателем, но и жил нашими интересами, побуждая нас жить интересами своего кабинета и науки»⁶. Исходя из отметок в зачетной книжке, Ф.К. Волков вел у Д.А. Золотарева лекции по анатомической антропологии и этнографии⁷.

Неотъемлемой и интереснейшей частью обучения под руководством Ф.К. Волкова была самостоятельная исследовательская работа. Неудивительно, что студенты активно в нее включались. Постигание антропологии, этнографии и археологии немыслимо без экспедиционной деятельности, поэтому полевые наблюдения играли значимую роль в становлении будущих ученых. Для некоторых из них исследовательским полем стало Верхневолжье. Летом 1911 г. П.П. Ефименко обследовал берега озер Валдай, Бологое, Пирос, Кафтино, Тубас, Лабынец. В итоге он собрал коллекцию археологических находок и передал ее в университет.

В том же году студент Д.А. Золотарев по поручению антропологической комиссии Русского географического общества отправился проводить антропологические исследования в Осташковский и

Ржевский районы Тверской губернии. В предисловии к изданию результатов собранных им материалов он выразил благодарность своим университетским преподавателям: «Измерения производились по программе, принятой в Антропологическом кабинете Санкт-Петербургского университета... В названном кабинете я получил теоретическую и практическую подготовку к антропометрическим исследованиям и в настоящее время, предлагая вниманию общества свою работу, считаю своим долгом выразить благодарность многоуважаемым Ф.К. Волкову и С.И. Руденко за указания и помощь, которые они мне оказали при обучении антропометрии и при обработке материала»⁸. В итоге эта работа была принята в качестве диссертации Д.А. Золотарева⁹. В 1916–1917 гг. Золотарев выдержал экзамен на звание магистра географии и антропологии¹⁰ и вскоре приступил к преподавательской работе.

Но нужно отметить, учеба Д.А. Золотарева в университете складывалась не совсем гладко. По обвинению в связях с социал-демократами Д.А. Золотарев на время был исключен из университета, и ему грозила ссылка в Нарымский край. Но вскоре обвинения были сняты, и он был восстановлен в числе студентов¹¹.

Сын бежецкого мещанина Герасима Хрисанфова—Кирсанова А.Г. Кирсанов поступил на математическое отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета в 1913 г. Исходя из документов, отложившихся в личном деле студента А.Г. Кирсанова, практически невозможно составить полное представление о его учебе в университете. К сожалению, в деле не сохранилось зачетной книжки. Но отдельные выводы, вносящие дополнение к его биографии, сделать всё же можно.

А.Г. Кирсанов проходил обучение в Бежецком городском училище, но свидетельство зрелости получил в испытательном комитете при Санкт-Петербургском учебном округе в феврале 1913 г.¹². В июле 1913 г. он стал студентом университета¹³.

Вероятно, жизнь студента в Петрограде во время Первой мировой войны нельзя было назвать легкой. Кроме занятий математикой и сдачей лабораторных работ А.Г. Кирсанову приходилось зарабатывать себе на жизнь. В мае 1914 г. он обратился в канцелярию университета с просьбой выдать ему удостоверение в том, что он является студентом, для предоставления этой справки в пароходное общество. А в марте 1916 г. в канцелярию университета от начальника Гидротехнической организации Министерства земледелия пришло секретное прошение

выдать для нужд северного фронта список студентов, находящихся на службе в этой организации. В этот список, состоящий из студентов разных курсов и факультетов, попал также и студент III курса математического разряда А.Г. Кирсанов¹⁴.

В марте 1917 г. А.Г. Кирсанов, проживающий по адресу г. Выборг, Ст. Варваринская улица, д. 17, кв. 4, обратился к декану Петроградского (от руки в бланке вычеркнуто слово «Императорского») университета с прошением предоставить выпускное свидетельство о прослушивании полного курса наук. Это просьба была удовлетворена, свидетельство было выдано в апреле 1917 г.¹⁵. Какое-то время А.Г. Кирсанов проработал в школах Петрограда, но, по всей вероятности, послереволюционное разорение и голод вынудили его в 1921 г. вернуться на родину. В отличие от Д.А. Золотарева А.Г. Кирсанов прожил долгую жизнь, умер в Бежецке в 1968 г., оставшись в памяти людей знатоком местной истории, краеведом, поборником изучения родного края.

Неизвестно, пересекались ли жизненные пути этих двух людей — Д.А. Золотарева и А.Г. Кирсанова. Можно допустить, что они встречались в университете, даже работали вместе во время проведения Верхневолжской экспедиции, так как Бежецкий уезд Тверской губернии попал в сферу обследования. Известно, что в работе экспедиции принимали участие не только приезжие специалисты, но и местные краеведы, учителя. Определенно можно утверждать только то, что из исследователей Бежецка в ней участвовал А.И. Михайлов¹⁶.

Во всяком случае, вполне вероятно, в коридорах математического факультета университета могли сталкиваться молодой преподаватель Золотарев, один из лучших учеников знаменитого профессора Ф.К. Волкова, уже успевший поучиться и в Москве, и в Париже, и подрабатывающий в пароходном обществе студент-провинциал Кирсанов. Возможно, тогда им не было еще так ясно, что девиз Санкт-Петербургского университета «*Nic tuta perennat*» (в переводе с латинского «Здесь в безопасности пребывает») навсегда останется для них только за стенами учебного заведения, но не вызывает сомнений, что привычка свободно мыслить и исследовательский подход к жизни остались в их характерах навсегда.

-
1. Шангина И.И. Д.А. Золотарев (К столетию со дня рождения) // Советская этнография. 1985, № 6. С. 76–84.
 2. Шангина И.И. Золотарев Давид Алексеевич // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 202.
 3. Кирсанов А.Г. Край наш Бежецкий. Калинин, 1964.
 4. Козьмин В.А. Кафедра этнографии и антропологии // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета 1934–2004. Очерки истории. СПб, 2004. С. 318.
 5. О Ф.К. Волкове подробнее см.: Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб, 2003. С. 115–123.
 6. Цит по: Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. С. 118.
 7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб) Ф. 14. Оп. 3. Д. 52735. Л. 30 об., 31 об.
 8. Золотарев Д.А. Антропологические исследования великорусов Осташковского и Ржевского уездов Тверской губернии. СПб, 1912. С. 1.
 9. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1346.
 10. Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15239. Л. 1–2.
 11. Там же. Д. 52735. Л. 4–11.
 12. Там же. Д. 62025. Л. 5.
 13. Там же. Л. 2.
 14. Там же. Л. 22–22 об.
 15. Там же. Л. 6–7.
 16. Шангина И.И. Д. А. Золотарев. С. 80.

**Алексеева С.В.* Д. А. Золотарев и А. Г. Кирсанов – студенты физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета начала XX в. // Проблемы исторического регионоведения: Сборник научных статей. Вып. III. К 10-летию кафедры исторического регионоведения. СПб, 2012. С. 378–383.

Античность мы учили по Коровкину

В пятом классе школы мы впервые начинаем системно и последовательно изучать всеобщую историю. Мы ещё совсем юные, знаний у нас очень мало, а первобытные времена и античность отстоят от нас так далеко, что воспринимаются как сказка или легенда. Охотники на мамонтов, древние верования, египетские фараоны, первый алфавит, Троянская война, восстание Спартака... Наверное, только одиннадцатилетний ребёнок может не струсить перед этим калейдоскопом стран, войн, имён и географических названий. Студенту-историку справиться с этим уже гораздо трудней.

Но и написать первый учебник — «Историю древнего мира» — надо так, чтобы его текст был и интересен, и полезен детям. С этой сложнейшей задачей справился «на пятёрку» наш земляк Фёдор Петрович Коровкин.

Он родился 14 июня 1903 года в Бежецке в купеческой семье, которая проживала на центральной городской улице — Большой. Семейство Коровкиных, владельцев «Торгового дома братьев Коровкиных», основную прибыль которого давал крупный винный завод, к началу Первой мировой войны считалось одним из самых богатых в Бежецке. Его представители были большими патриотами города и не жалели капитала для развития промышленности, торговли, городского хозяйства, образования и здравоохранения. Сохранились многочисленные официальные и частные документы об этом семействе, изученные, в частности, в архивах профессором Санкт-Петербургского университета бежечанином Иваном Ивановичем Климиным. В зданиях бывшего спиртоводочного завода и его складов по ул. Льва Толстого ныне размещается профессиональное училище № 17, а в конце ул. Кашинской находится «Центр социальной помощи семьям и детям» — бывшая начальная школа № 2, открытая на средства городского головы Сергея Акимовича Коровкина. Не случайно его имя носило Бежецкое реаль-

ное училище. Профессор Климин выяснил, что в дореволюционном Бежецке городской голова и депутаты Городской думы не получали жалованья, почитая за высокую честь работать на благо города бесплатно.

Пётр Николаевич Коровкин, отец Фёдора, был женат на Надежде Ивановне Ревякиной — представительнице одной из знаменитых бежецких купеческих фамилий. Им пришлось пережить настоящую драму, поскольку представители церкви объявили этот брак недействительным по причине родства. Родство было мнимым, но, как и сейчас, попробуй что-нибудь докажи чиновнику! Долго обивали молодые супруги пороги разных ведомств и в конце концов послали прошение на имя императрицы. Царственная пара, Николай Александрович и Александра Фёдоровна Романовы, незадолго до этого обвенчавшаяся, благосклонно узаконила брак.

Вот в этой семье и родился через несколько лет Фёдор Петрович Коровкин. Его детство и юность прошли в Рыбинске — у родственников со стороны матери. Фёдор учился в гимназии, когда произошёл октябрьский переворот 1917 года и в России установилась власть большевиков. Он завершил среднее образование и, чувствуя призвание к истории, поступил на историко-архивное отделение Московского университета.

Уже на старших курсах Коровкин начал работать учителем истории в московских школах и преподавал этот предмет почти четверть века. Одновременно он работал с 1945 года до самой кончины в Научно-исследовательском институте содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР, которую во время Великой Отечественной войны открыл и возглавил тверитянин академик Владимир Петрович Потёмкин.

Вершиной научно-педагогической деятельности Фёдора Коровкина стал выход в свет в 1957 году одобренного академическими учёными и педагогами средней школы нашей страны, с искренней радостью воспринятого школьниками замечательного учебника «История древнего мира» для 5-го класса. Я учился по этому учебнику полвека назад, в 1961/1962 учебном году, но помню его содержание лучше, чем тексты школьных учебников по другим эпохам, которые мы изучали в старших классах. Продуманно и, я бы сказал, талантливо подошёл Фёдор Петрович и к созданию всего учебно-методического комплекса по этому предмету: цветных историко-географических карт, таблиц, картин и других наглядных пособий по истории древнего мира. Учебник выдержал множество изданий и в течение десятилетий не имел серьёзных конкурентов.

Нынешние учебники (А.А.Вигасина, Г.И. Годера и И.С. Свенцицкой, а также В.И. Уколовой и Л.П. Маринович) структурно и

содержательно базируются на учебнике Коровкина, отличаясь в основном иллюстративным материалом, меньшим нажимом на классовую борьбу и некоторыми методическими и иными инновациями (интерактив, анимация и др.). Об этом говорили и сами авторы, отдавая дань безмерного уважения Фёдору Петровичу. Я сам слышал такие слова от Георгия Израилевича Годера.

В 1961 году Коровкин стал кандидатом педагогических наук, в 1973 году ему было присвоено звание заслуженного учителя школы РСФСР, и в этом же году он стал за свой всеми любимый школьный учебник лауреатом Государственной премии СССР. Представление этого учебника и его автора на премию принадлежит знаменитому советскому историку академику Сергею Даниловичу Сказкину. Практически одновременно с официальным обращением по этому вопросу в Правительство СССР Сказкин опубликовал 9 сентября 1972 года в газете «Известия» статью «Юным о древности», где писал: «Много лет работал над созданием учебника истории древнего мира московский учитель, ныне старший научный сотрудник Академии педагогических наук СССР Фёдор Петрович Коровкин. Труд этот увенчался успехом, признанием учёных, педагогов, родителей и миллионов юных граждан, которые занимаются по этой книге». Учебник нашего земляка по сей день остаётся единственным школьным историческим учебником в нашей стране, удостоенным столь высокой награды.

Фёдор Петрович являлся также автором ряда крупных трудов по методике преподавания истории в школе. Среди них — «Педагогические требования к школьным учебникам и другим учебным книгам по истории» (1961), «Методика обучения истории древнего мира и средних веков в 5—6 классах» (1970, редактор, совместно с Н.И. Запорожец), «Методика обучения истории в средней школе. Ч. 1 (1978, соавтор и ответственный редактор).

Мы мало знаем о его жизни, характере, пристрастиях и увлечениях. Мне удалось найти лишь краткую запись одного из его коллег, утверждавшего, что Фёдор Петрович был человеком волевого типа: «И на уроке, и вне его Фёдор Петрович властвовал железной логикой, чёткостью изложения материала, обилием интереснейших фактов, он покорял своим глубочайшим уважением к предмету, серьёзностью, заставляя учеников напряжённо работать, беспрекословно выполнять все его требования. Однако душевных отношений с этим учителем, несмотря на его подчёркнутую деликатность и такт, у учеников не было, и влюблённость в него была какой-то "дистанционной"».

Уверен, что когда-нибудь на главной улице Бежецка, на доме, где родился выдающийся педагог, лауреат Государственной премии СССР Фёдор Петрович Коровкин, появится мемориальная доска в его честь.

Дмитрий Федорович Мольков

Большая семья Федора Никифоровича и Прасковьи Никитичны Мольковых проживала в д. Новосёлка Бежецкого района Тверской области.

В семье было семь детей: Екатерина (1900), Евгения (Евдинья) (1902), Анастасия (1905), Иван (30.01.1908), Александра (1910), Егор (1912) и Дмитрий (1916). Младший, Дмитрий Федорович, родился 14 ноября 1916 г. в д. Новосёлка тогда Киверической волости¹.

До революции семья Мольковых относилась к крестьянам-середнякам, занимались сельским хозяйством. Родители в хозяйстве имели дом с надворной постройкой, лошадь, корову и мелкий скот². 4 августа 1931 г. семья Федора Никифоровича вступила в организованный колхоз «Красная звезда»³.

Дмитрий в 1928 г. окончил четыре класса Шадренихинской начальной школы. Трудовую жизнь начал сразу после окончания школы — служил по найму пастухом. Вместе с родителями вступил в колхоз. С августа 1931 по январь 1936 г. Дмитрий Федорович работал почтальоном — сельским письмоносителем в Восновском почтовом отделении. С февраля 1936 по ноябрь 1937 был бригадиром полеводческой бригады колхоза «Красная звезда».

Комсомолец с 1933 по 1939 г. С ноября 1939 кандидат ВКП(б), в августе 1941-го принят в партию.

С ноября 1937 по декабрь 1939 г. служил в армии на Дальнем Востоке, в Биробиджане Еврейской автономной области. Закончил службу младшим сержантом, артиллеристом. По возвращении из армии с января по июль 1940 г. работал заведующим секретной частью Теблешского райсовета в с. Киверичи. Потом по июнь 1941-го работал счетоводом колхоза имени Калинина⁴.

18 декабря 1940 г. Дмитрий Федорович женится на Анне Антоновне Пешехоновой. Первые годы семейной жизни молодожены жили вместе с родителями и семьей брата Ивана. Здесь, в Ново-

сёлке, в 1941 г. родился первенец Николай. Переехали на жительство в Киверичи около 1944 г. 9 июля 1945 г. у них родился Виктор, 17 ноября 1955 г. — Татьяна⁵.

На Великую Отечественную войну Дмитрия Федоровича не призывали, он числился военнообязанным нестроевой службы. Возвращаясь из армии в декабре 1939 г., когда стояли сильнейшие морозы, солдат, в легком казенном обмундировании, сильно обморозился. Ампутировали несколько суставов на ногах. С июня 1941 по февраль 1942 г. он работает председателем Щадренихинского сельсовета в с. Восново. 2 декабря 1941 г. Дмитрий Федорович единогласно избран заместителем руководителя партийной организации. С февраля 1942 по декабрь 1943 г. он начальник 2-й части райвоенкомата НКО в с. Киверичи. Дмитрий Федорович занимался набором и военной подготовкой призывников и колхозников Теблешского района.

В декабре 1943 г. его призвали в армию. Военнопересыльным пунктом г. Калинина Дмитрий Федорович направлен на работу в промышленность. Он работает в Свердловске начальником паспортного стола Уральского турбинного завода. В июне 1944 г. по состоянию здоровья⁶ ему был предоставлен месячный отпуск с выездом на родину.

В августе Дмитрия Федоровича направляют на работу в Волосковский сельсовет председателем, где он трудится до ноября 1944 г. С ноября работает заведующим организационным инструкторским отделом Теблешского РК ВКП(б). Дмитрий Федорович систематически выступает с докладами в колхозах и первичных парторганизациях района, нередко выступает с критикой некоторых руководителей бригад, колхозов. Собирает партийные взносы с парторганизаций района. Работает с беспартийным активом, дает рекомендации достойным товарищам для вступления в ряды партии⁷. За период работы в должности зав. орготделом Теблешского РК ВКП(б) с ноября 1944 до 15 марта 1947 г. создано 10 партийных организаций. Принято в партию 243 человека (135 в члены партии, 108 в кандидаты). Его характеризуют как дисциплинированного, выдержанного, политически грамотного и по-большевистски принципиального при решении партийных и государственных вопросов коммуниста, авторитетного среди аппарата РК ВКП(б) и населения района. 26 декабря 1944 г. он избран членом пленума райкома партии Теблешского района.

18 ноября 1945 г. Дмитрий Федорович Мольков награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

С 1 ноября 1946 по 1 мая 1947 г. Дмитрий Федорович учится на партийных курсах Калининской областной партшколы.

В 1947 г. проводит организаторскую работу по передаче документов парторганизаций в архив.

10 февраля 1949 г. избран членом пленума и бюро РК ВКП(б). С этого времени он работает заведующим сельскохозяйственным отделом Теблешского райкома партии. На 4-й районной партийной конференции на первом организационном пленуме РК ВКП(б) в 1950 г. избран в бюро райкома и на том же пленуме утвержден в должности⁸. Иногда требовательностью и принципиальной позицией он наживал недоброжелателей. Не случайно при повышении в должности в 1949 г. возник донос в Калининский обком партии от сотрудников райвоенкомата, где он когда-то трудился. Вспомнили, что он приехал в отпуск из Свердловска, куда был направлен на работу в военное время и остался работать в районе. Обвинили в дезертирстве спустя пять лет. Пришлось собирать справки, представлять документы и объяснительные в обком партии. После разбирательства хода делу не дали, не найдя состава каких-либо нарушений⁹.

В 1953 г. создается управление сельского хозяйства и заготовок, должность заведующего сельхозотделом райкома ликвидируется. 4 июня 1953 г. кандидатура Дмитрия Федоровича утверждена в районе на должность начальника управления, 18 июня утверждена в областном сельскохозяйственном отделе, а 8 июля на бюро Калининского обкома КПСС был вынесен следующий вердикт: «Отклонить предложения Теблешского РК КПСС и областного управления сельского хозяйства и заготовок об утверждении т. Молькова Д.Ф. начальником управления сельского хозяйства и заготовок района и отметить, что райком КПСС и областное управление сельского хозяйства и заготовок несерьезно отнеслись к подбору кандидатуры, утвердив работника с низшим образованием на такой ответственный пост».

2 ноября 1953 г. бюро РК КПСС Теблешского района утверждает Дмитрия Федоровича секретарем первичной партийной организации Ивановской МТС. Утверждение поддержало управление сельского хозяйства и заготовок области. В этой должности он работал только до февраля 1954 г. Бюро обкома вновь отклонило его кандидатуру, как не имеющего образования¹⁰.

Происходящие в стране изменения коснулись не только преобразования структуры обкомов и райкомов. В послевоенные годы по всей стране количество колхозов сократилось более чем в два раза. Если в 1950 г. по Союзу насчитывалось 253314 колхозов, то через год их число сократили до 125294. Укрупнение продолжалось

и в последующие годы, хотя и меньшими темпами. К концу 1953 г. число колхозов уменьшилось до 93 тысяч¹¹.

Колхозы Теблешского района пережили после войны несколько объединений. В феврале 1954 г. Дмитрий Федорович избран председателем укрупненного колхоза «Ленинская искра» Щадрихинского сельсовета. На этот раз обком КПСС утвердил его кандидатуру. Семья Мольковых переехала на родину в Новосёлку.

За два года под его руководством отсталое хозяйство превратилось в колхоз-миллионер. Из характеристики от 19 марта 1955 г., тогда он отработал председателем год: «Тов. Мольков показал себя как умелого руководителя колхоза. За период его работы в колхозе заметно улучшилась организация труда и трудовая дисциплина среди колхозников. Колхоз успешно справился в 1954 г. с важнейшими хозяйственно-политическими компаниями. Полностью выполнен план хлебозаготовок государству, а план сдачи льнопродукции значительно перевыполнен. Общественное животноводство полностью обеспечено кормами на стойловый период, животноводческие бригады укомплектованы кадрами, построен новый типовой двор. В результате зимовка скота в колхозе проходит без потерь». Председатель много внимания уделяет работе с молодежью. Юношей он направляет на курсы механизаторов, девушек отправляет на обучение сельскохозяйственным специальностям, грамотные специалисты нужны колхозу. В феврале 1955 г. Дмитрий Федорович вновь избран депутатом районного совета, в январе этого же года — членом бюро райкома партии.

После упразднения в 1956 г. Теблешского района колхоз «Ленинская искра» отошел к Бежецкому району. Процесс укрупнения колхозов продолжается. С мая 1958 г. колхозы «Ленинская искра» и «Путь к коммунизму» объединены в одно хозяйство «Путь к коммунизму». Дмитрий Федорович избран председателем и работает до очередного объединения. К колхозу «Путь к коммунизму» в ноябре 1959 г. присоединен колхоз «Вперед» Теблешского сельсовета. Дмитрий Федорович назначен заместителем председателя объединенного колхоза (д. Житищи).

1 февраля 1962 г. на открытом партийном собрании колхоза «Светлый путь» Ильищенского сельсовета Бежецкого района (д. Сырцевка) Д.Ф. Мольков рекомендован на должность председателя колхоза. Семья переехала на жительство в д. Сырцевка.

С первых дней работы на новом месте Дмитрий Федорович столкнулся с грубыми нарушениями трудовой дисциплины, выпивкой

и прогулами. На ферме выявлены факты фальсификации молока.

На открытом партсобрании 6 марта 1962 г. заслушивался доклад зоотехника. Дмитрий Федорович выступал в обсуждении: «Производство и продажа продуктов животноводства государству — задача нелегкая, положение очень серьезное. У нас нет дисциплины, нет порядка. Пора нам наводить порядок, без которого нельзя. У нас нет оснований надаивать и продавать государству меньше, чем другие. Рацион у нас неплохой, а отдачи нет. Надо выполнить всё, что зависит от нас. За фальсификацию молока будем строго наказывать, но если бы был по-настоящему контроль, этого бы не было. Со сдачей мяса вопрос очень серьезный...»

Дмитрий Федорович вникает во все колхозные дела, старается наладить трудовую дисциплину. Пресечены серьезные нарушения в бухгалтерии. Случаи выпивки и прогулов отмечались и летом. Представитель ГК КПСС указывал на это руководству колхоза на собрании 16 июля 1962 г., призывая сделать соответствующие выводы, улучшить руководство колхозом и заготовкой кормов. Председатель критику признал правильной: «Недостатков много, и обсуждали их, и, иногда, с опозданием».

Некоторые коммунисты обвиняли председателя в зазнайстве. Выступающий на этом же собрании Куликов П.С. сказал: «Я стороной слышал, что специалисты и бухгалтерия восстанавливают народ против председателя колхоза. Бухгалтерию и специалистов надо заслушать на бюро. Зоотехник Караваяева работает из рук вон плохо. В трудный момент бывает на ферме мало, а придет, переругается с доярками и свинарками и уезжает, только напишет указание бригадиру, а с весны совсем не была. Еще скажу, что неправильно снимают с работы коммунистов, не заслушав на партбюро, а решает сразу правление. Так был снят с работы завфермой».

На собрании рассматривался и вопрос о распределении обязанностей между членами партбюро. Дмитрию Федоровичу было поручено руководство комсомольской организацией.

24 декабря 1962 г. на закрытом партийном собрании колхоза «Светлый путь» после обсуждения доклада выступал Дмитрий Федорович: «Положение в колхозе сложное и тяжелое. Но надо сказать, что управление сельским хозяйством не вникает в дело колхоза и не оказывает действенной помощи. У нас сейчас имеется скот, который мы кормим даром. Это коровы, овцы и телята, лошади. Сдавать их не разрешают. Скот худеет, теряет в весе, и никто не решает такие вопросы...» Далее листы протокола в архивном деле отсутствуют. Архивный документ

содержит только решение по второму вопросу: «Тайным голосованием по большинству голосов избраны на 1 партийную конференцию делегатами с решающим голосом пять человек: Мольков Д.Ф., Большев К.И., Григорьев И.И., Данилов Ф.П. и Шестиперова Е.И.»¹².

Протоколы партсобраний просматриваются работниками Бежецкого ГК КПСС, о чем на каждом имеется резолюция. Собрания проводились один раз в месяц, и сохранились все протоколы за 1962/63 гг. за исключением одного — января 1963-го. Можно предположить, что партсобрание не проводилось и протокол, соответственно, не составлялся, что маловероятно. Видимо, чья-то «заботливая рука» изъяла документ. Такой вывод напрашивается и потому, что исчезла часть протокола декабрьского заседания, с компрометирующими руководство производственного управления района выступлениями. Сдать скот районное руководство не разрешило. Скучный рацион кормления животных привел к случаям падения скота. «Сигнал» в горком партии из колхоза имел результат. 18 февраля 1963 г. на Бюро парткома района председатель колхоза Мольков Д.Ф. и секретарь парткома колхоза «Светлый путь» Большев были исключены из партии без рассмотрения вопроса в первичной партийной организации, где знают фактическое состояние колхозных дел. Поэтому первую часть протокола февральского заседания коммунистов колхоза приводим полностью.

«Протокол №1

закрытого партийного собрания колхоза «Светлый путь» Ильищенского сельского совета от 19.02.1963.

Должно присутствовать на собрании 36 человек членов партии.

На собрании присутствуют 20 членов КПСС.

Председатель собрания Большов Л.И.

Секретарь Шестиперова Е.И.

Повестка дня

1. О решении Бюро парткома Бежецкого производственного управления от 18.02.63 «О фактах падения скота в колхозе «Светлый путь»

2. О составе правления и ревизионной комиссии колхоза.

3. О создании комиссии содействия партийного государственного контроля.

1. Слушали о решении Бюро парткома «О фактах падения скота» информацию зам начальника Бежецкого производственного колхозно-совхозного управления тов. Сазонова.

Вопросы. Куликов. Почему так резко поступило Бюро парткома, исключив тов. Молькова и Большова, не посоветовавшись с партийной организацией колхоза? Он считает, что этим самым нарушен устав КПСС.

Школин. Почему Бюро парткома, зная факты бесхозяйственности, не ставило своевременно этих вопросов на партийном собрании колхоза.

Выступили:

Т. Мольков доложил партийному собранию о состоянии колхоза. О причинах падения скота и мерах по его устранению. О трудностях в работе, которые сложились в результате недостаточной помощи со стороны подчиненных. Председатель сельского совета Кузьмин и секретарь партийной организации Большев вместо оказания помощи, старались подставить ногу, клеветали в вышестоящие организации. Ослабил руководство с июля месяца. Работать больше не может по состоянию здоровья, о чем ставил в известность горком партбюро и производственное управление еще в июне.

Лабудина. В своем руководстве т. Мольков расширил права подчиненных бригадиров колхоза, но не предъявлял к ним требования, не прививал чувство ответственности. Этим самым ослабил трудовую дисциплину. Отмечает неправильные действия Бюро парткома об исключении т. Молькова и Большова из партии, не согласовав вопрос с парторганизацией колхоза.

Школин Д.Ф. Считает неправильным действие Бюро парткома, об исключении Молькова и Большова из партии. Надо было бы раньше поставить этот вопрос на партсобрании, когда почувствовали ослабление в руководстве. Колхоз еще не упал. Мольков работать мог. Но мало предъявлял требования к подчиненным. Плохо работали бригады. Много безобразных фактов у бригадира Винокурова, который давно заслуживает наказания!

Цветков В.А. Возмущен тем, что Винокуров много допускает нарушений в руководстве бригадой, но ни разу не наказан со стороны правления колхоза. Надо его заменить. Остановился на недостатках работы правления колхоза и партийной организации.

Школин Ф.Ф. В своем выступлении остановился на недостатках в работе партийной организации колхоза. Хозяйственные вопросы на партбюро и парт собрании ставились не регулярно. Плохо работало среднее звено. Не вовремя уехал лечиться агроном колхоза Шестиперова. Из-за ее отсутствия Винокуров не знал когда зарывать бурт картофеля, в результате чего картофель заморозил.

Кузнецов С.П. Члены правления старались помогать в руководстве колхозом т. Молькову. Тов. Мольков реагировал на это болезненно. Если

бы он правильно реагировал на наши замечания, этих фактов могло бы не быть. Исключение Молькова и Большева из партии считает правильным, но предъявляет претензии к Бюро парткома в том, что обошли парторганизацию колхоза, не ставили этих вопросов раньше на партийном собрании.

Плотников. Принимая решения, об исключении Молькова и Большева из партии неправильно решили этот вопрос. Надо было вначале решить в парторганизации колхоза. Это есть нарушение устава КПСС.

Шестиперова. Остановилась на работе бригадиров колхоза, в частности, бригадира Винокурова. Привела ряд фактов безобразного поведения бригадира Винокурова. Пьянка, приписка трудодней, порча картофеля и другое. Правление колхоза знало о безобразиях Винокурова, но мер к нему не принимало.

Чикун. Работа в бригаде идет, так же как и раньше. Но чувствуется ослабление трудовой дисциплины. Хозяйство наше еще не упущено. Надо укреплять трудовую дисциплину.

Кузьмин. Предъявляет претензии к Бюро парткома, в том, принимая такое решение, не было согласовано вопроса с парторганизацией колхоза. Считает, что Мольков и Большев заслуживают наказания, но необходимо считаться и с парторганизацией колхоза. Молькову старался оказывать помощь, клеветы на него с моей стороны не было.

Большев. Свою вину в слабом руководстве партийной организацией колхоза признает. Клеветы на т. Молькова не было.

Постановили:

Партийное собрание постановляет
1) Постановление Бюро парткома об исключении из партии и об отстранении от руководства Молькова и Большева, считает правильным. 2) Просить Бюро парткома подобрать кандидатуру на должность председателя колхоза. 3)...»¹³.

На этом собрании окончательно решена судьба председателя колхоза «Светлый путь». Причина освобождения от должности в личном деле коммуниста Молькова Д.Ф. записана: «...не справился с работой»¹⁴. Записи об исключении из партии нет.

Имея большой опыт в сельском хозяйстве на постах колхозного и

Д.Ф. Мольков с Алешей

районного масштаба, организационной работы, он оказался не у дел. Семья вернулась в Новосёлку. Следующие годы были самыми трудными в жизни Дмитрия Федоровича. Работы в колхозе не давали. Многое он передумал и переосмыслил за это время. Выстоял, выдержал, пережил. Его трудовой стаж исчисляется с 1931 г., с 15 лет — это год вступления в колхоз. Трудовые книжки появились у колхозников в 1967 г. Согласно первой записи, с 20 апреля 1966 г. Дмитрий Федорович работает возчиком молока в деревне Новосёлка колхоза «Путь к коммунизму». Свежее надоенное молоко нужно принять и отвезти на Восновский молокозавод. К работе он относился добросовестно, иначе и не мог, всё делалось вовремя и аккуратно, ежедневно заполнял сводку о количестве молока, надоенного каждой дояркой. Свое утро доярки начинали со знакомства с результатами надоев за предыдущий день. Никто не хотел быть в отстающих.

Об успешном опыте работы в сельском хозяйстве Дмитрия Федоровича вспомнили вновь, когда дела в колхозе «Путь к коммунизму» пошли совсем плохо. В апреле 1975 г. его приглашают на работу заместителя председателя колхоза. Работает он на этой должности три года.

Будучи пенсионером, Дмитрий Федорович продолжал работать возчиком и приемщиком молока фермы д. Новосёлка до декабря 1984 г.

Дмитрий Федорович гордился своими детьми. Сыновья Николай и Виктор окончили военные училища, а затем военную академию, защитили кандидатские диссертации.

Николай в 1962 г. окончил Ленинградское училище военных сообщений. После училища в разных уголках страны (в т. ч. в Забайкальском округе) строил военные объекты — железнодорожные мосты. В 1971 г. окончил военно-юридический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина в Москве. Два года Николай Дмитриевич проходил службу в войсковой части 41451, в должности члена военного трибунала. Местом постоянной дислокации части был г. Владимир. Оттуда он убыл в адъютантуру ВПА имени В.И. Ленина на кафедру уголовного права и уголовного процесса. Результатом было написание и защита кандидатской диссертации по теме: «Процессуальное исследование "Исполнение приговора военного трибунала"». С рефератом его диссертации Дмитрий Федорович внимательно ознакомился и остался доволен работой сына. Николай Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент. Он уволился с воинской службы с должности старшего преподавателя военного института в Москве. Воинское звание полковник юстиции.

Виктор окончил Ярославское военное финансовое училище имени генерала армии А.В. Хрулева. После окончания с 1966 г. проходил службу на Дальнем Востоке в должности начальника финансовой службы. С 1970 по 1974 г. — учеба на юридическом факультете ВПА имени В.И. Ленина. После окончания академии проходил службу в ПРИКВО г. Львов в должности члена военного трибунала Львовского гарнизона. С 1978 г. он переведен на должность преподавателя военного финансово-экономического факультета при Московском финансовом институте. Уволился со службы в 1993 г. с должности начальника факультета военной академии экономики, финансов и права. Воинское звание полковник юстиции. Кандидат юридических наук, доцент. С 1993 г. по настоящее время работает в должности заместителя председателя правления АК ФБ инноваций и развития (ЗАО), г. Москва.

Татьяна окончила Бежецкий машиностроительный техникум. Вышла замуж и живет в Бежецке. Она постоянно навещала родителей, помогала по хозяйству. Позднее в Бежецк, поближе к дочери, переехали Дмитрий Федорович с Анной Антоновной.

Двадцатый век насыщен разными событиями. Вместе с веком свой путь прошли его современники. Дмитрий Федорович Мольков родился и жил в это время. Он был человеком равнодушным, интересовался политической ситуацией в стране и мире, следил за всем новым и передовым, что появлялось в сельском хозяйстве. Его настольной газетой всегда была газета «Правда». Он так и жил — честно, искренне, по правде. Ушел из жизни Дмитрий Федорович почти вместе с веком, в марте 1998 г. Похоронен на кладбище г. Бежецка. В сентябре 2001-го рядом похоронили Анну Антоновну.

Дети, внуки и правнуки живут в Москве и Бежецке.

1. Личные архивы Т.Д. Морозовой и В.К. Путьр.

2. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 25. Ед. хр. 1270. Л. 5, 8.

3. Архивный отдел администрации Бежецкого района. Справка 33/2 от 20.08.2008 г.

4. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 25 Ед. хр. 1270. Л. 4 об, 8, 10, 12.

5. Архивный отдел администрации Бежецкого района. Справка №33/1 от 20.08.2008 г.

6. Острый катар желудка с расстройством питания, общее малокровие.
7. ТЦДНИ. Ф. 2832. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5, 9, 12, 91, 108, 114—116.
8. Большевицкий путь. №7, 1950, 3 февраля.
9. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 25. Ед. хр. 1270. Л. 2, 4 об., 6, 7 об., 11, 12, 14, 18, 21—30.
10. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 25. Ед. хр. 1270. Л. 2, 31—39, 44, 45.
11. Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь: Тверское обл. книжное издательство, 1994.
12. ТЦДНИ. Ф. 5303. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1—3 об., 12—13 об., 15, 22, 22 об., 24.
13. ТЦДНИ. Ф. 5303. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1—4 об.
14. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 25. Ед. хр. 1270. Л. 2, 45, 47, 48.

Дом Д. Ф. Молькова в Новосёлке

Сельский библиотекарь

**Мария Михайловна
Молькова**

Открытие библиотек в Бежецком уезде Тверской губернии относится ко второй половине XIX столетия. В ликвидации неграмотности, просветительстве библиотекам принадлежала важная роль. С разрешения губернатора земская библиотека открылась 15 февраля 1875 г. Это было знаменательным событием в жизни бежечан.

Впервые вопрос об устройстве сельских библиотек поставил земский гласный А.Д. Способин на собрании при обсуждении отчета управы о народном образовании 11 октября 1891 г. Потребность в организации сельских библиотек назрела в связи с развитием и расширением школьного дела. Устройство библиотек на территории огромного уезда оказалось делом совершенно новым, весьма сложным, отсутствовал опыт по их организации, кадры, средства. Лишь с середины 1890-х гг. устраиваются народные библиотеки в деревне. Первой из них явилась Ивановская при Ивановском волостном правлении, открытая 27 мая 1894 г.

По данным земской управы, в 1901 г. в уезде насчитывалось 30 волостных библиотек. На их содержание земство ассигновало 900 рублей, или по 30 рублей на каждую библиотеку. В начале XX столетия их число продолжало увеличиваться и в 1910 г. достигло 35. В 1914 г. общее количество сельских библиотек достигло 42, 32 из них содержались на средства земства. Количественный рост деревенских библиотек сопровождался увеличением в них книжного фонда. Пользование сельскими библиотеками было бесплатным.

Почти все открытые библиотеки находились при волостных правлениях, а обязанности библиотекарей по совместительству исполняли волостные писари без всякого вознаграждения. Они, обремененные

своими непосредственными канцелярскими делами, не стремились улучшить работу библиотек, обслуживание книгами читателей и ставили вопрос об освобождении их от должности библиотекаря. 2 октября 1901 г. по предложению управы Земское собрание постановило перевести библиотеки из волостных правлений в ближайшие к ним школы, возложив обязанности библиотекаря на учителей¹.

С конца 1880-х гг. стали возникать библиотеки при школах. В Восновской (д. Новосёлка) школьной библиотеке в 1913 г. имелось 636 книг, в том числе религиозных произведений 45, по истории 123, биографий — 18, по географии 23, словесности — 148, естествознанию — 50, литературы разного содержания — 229. Пополнилась библиотека в 1912 г. 47 книгами. В Горожанской (д. Городня) школе имелось 415 книг разного содержания². Анализ свидетельствует, что в библиотеках имелась необходимая учебная, религиозная, популярная и научная литература по основным областям знаний, и при желании учащиеся могли удовлетворить свои духовные потребности. До революции народной библиотеки в селе Восново или деревне Щадрениха не было.

Широкое распространение книги получили во всех районах Калининской области в послевоенные годы. Основная заслуга в этом принадлежит сельским и колхозным библиотекам, число которых из года в год увеличивается. В 1946 г. Калининская область имела 213 сельских библиотек, количество их к 1953 г. увеличилось до 400. Фонды библиотек непрерывно растут. В 1960-е гг. библиотеки насчитывают обычно пять — семь тысяч книг. Работа сельских библиотек имеет свои особенности, связанные с сезонностью колхозного производства и с теми хозяйственными задачами, которые стоят перед деревней, а также со специфическими интересами и запросами сельского населения³.

Устройство народной библиотеки в селе Восново Бежецкого района относится к 1949—1950 гг., получить более точные сведения о дате открытия в Архивном отделе администрации г. Бежецка не удалось из-за отсутствия документов. Первоначально библиотека размещалась в доме дьяка. Одну часть здания занимала Восновская начальная школа, вторую — библиотека⁴. Восново интенсивно расстраивается после 1917 г., рядом возникли поселения Свобода, Победа, Пробуждение, Просвещение, открываются новые учреждения. В 1949—1950 гг. церковь Николая Чудотворца перестроена под школу⁵. В селе разместился Щадренихинский сельсовет, библиотека и клуб, радиоузел и почта, магазин, медпункт и ветлечебница, пекарня, при школе открыт интернат, выделены отдельные дома для учителей, ветврачей, специалистов

сельского хозяйства. Имеется колхозный гараж, кузница, фермы и скотные дворы, маслобойни. Жизнь кипит. Молодежи много, это и учителя, и молодые специалисты, механизаторы, полеводы — люди, жаждущие новых знаний, каждый в своей области.

Новое отдельное здание для учреждений культуры построено не ранее 1949—1950 гг. По свидетельству современницы Анны Васильевны Голубевой, здание для учреждений культуры — это бывший дом ее тети Марии Никитичны Родимовой. У Марии Никитичны был огромный дом с зимником, в котором она осталась одна. Дом разобрали, перевезли и поставили клуб. Из остатков материала ей построили домик в деревне Свобода, там она и доживала⁶. Дом дьяка и церковный дом передали Восновской восьмилетней школе. В первом поселились учителя: директор школы Анна Михайловна Лебедева и семья учителей Павловых. Во втором разместились школьные мастерские.

Щадренихинская библиотека — так называлась библиотека в селе Восново — находилась в одном доме с радиоузлом и колхозным клубом, разместилась в центре села, рядом с рошей. Здание имело два входа. С одной стороны в общем коридоре было три двери: прямо дверь в клуб, справа — в библиотеку, напротив слева — в местный радиоузел. Второй вход располагался с противоположной стороны и предназначался для всех желающих попасть в клуб.

С декабря 1949 г. по июль 1955-го заведующей библиотекой (неизвестно название) работала Анна Ф. Обожаева. С августа 1955-го по март 1956 г. — М.А. Рогозин. С июня по октябрь 1956 г. работала В.П. Виноградова. С октября 1956 г. заведует Щадренихинской библиотекой Мария Михайловна Кулагина⁷.

Мария Михайловна — коренная жительница здешних мест. Ее предки по материнской линии жили в деревне Медвежье, в трех километрах от села Восново, с 1812 г.⁸. Предки по линии отца Кулагины в начале XVIII века жили в деревне Никулиха⁹. Деревня находилась в полутора километрах от Воснова, в 1846 г. была расселена, и Кулагины переселились в деревню Щадрениха¹⁰.

Мария Михайловна родилась 1 января 1938 г. в деревне Щадрениха Теблешского района Калининской области¹¹. Ее родители колхозники. Мать Анна Алексеевна в разные годы работала свиаркой, дояркой и скотницей, на полевых работах. В 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Отец Михаил Иванович Кулагин работал бригадиром, с 1942 г. — счетовод колхоза «Ленинская искра». Отца Мария Михайловна почти не помнит, он умер 21 февраля 1944 года. Михаил

Иванович — участник Советско-Финляндской войны (30.11.1939 — март 1940). Этой зимой морозы достигали 42 градусов, птицы замерзали на лету. Вернулся он с фронта совершенно больным.

Мария Михайловна — третий ребенок в семье. Все дети Кулагиных стремились к новым знаниям, много читали. Старшая сестра Анна Михайловна, в замужестве Соснина (р. 1935), окончила Ленинградский государственный институт имени А.И. Герцена по специальности педагогика и дошкольная психология. Она 16 лет работала в дошкольных образовательных учреждениях Ленинграда, позднее занималась подготовкой кадров в Ленинградском НПО «Авангард». Мария Михайловна 29 лет трудилась на ниве просветительства — в библиотеке. Младший, Георгий Михайлович (р. 1940), майор танковых войск, занимался политпросвещением и обучением молодых воинов Советской Армии. Николай Михайлович (р. 1933) трудился в колхозе.

Мария Кулагина окончила Щадренихинскую начальную, в 1956 г. Восновскую среднюю школы. После окончания учебы ей, совсем еще юной, председатель сельсовета предложил должность заведующей библиотекой. Посоветовавшись с родными, она согласилась. С октября 1956 г. Мария Михайловна ходила на работу в село Восново — сначала из деревни Щадрениха, потом с января 1959, когда вышла замуж, из Новосёлки. Только в 1982 г. семья переехала в Восново.

Заведующая со всей ответственностью взялась за порученное дело. Сельский библиотекарь находилась в самой гуще культурно-просветительских мероприятий. Грамотная работа с читателями требовала специальных знаний и подготовки. В 1964 г. Мария Михайловна поступает на заочное отделение Московского библиотечного техникума, по окончании 5 июля 1966 г. получает специальность библиотечное дело. Полученные знания очень помогли в дальнейшей работе.

Два дня в неделю библиотекарь выезжает с книгами в деревни. Не каждый мог прийти за книгой из деревень, расположенных в 3 — 7 километрах от библиотеки. Мария Михайловна везла литературу на самые разнообразные темы, учитывая интересы своих читателей. Каждый желающий мог заказать нужную книгу, и в следующий раз библиотекарь привозила или приносила, если таковая имелась в наличии.

Значительная часть читателей — школьники Восновской восьмилетней школы. Мария Михайловна — частый гость в школе. Она читает лекции на внеклассных занятиях, проводит читательские конференции, посвященные творчеству отдельных поэтов и писателей, устраивает тематические книжные выставки. Заинтересованные дети становятся самыми активными читателями.

Молодые специалисты сельского хозяйства интересовались литературой самых разных направлений. Не всегда нужная книга имелась в библиотеке. Здесь на помощь приходил межбиблиотечный абонемент. Библиотекарь делала заявку в областную библиотеку им. А.М. Горького, и нужную книгу присылали по почте. Межбиблиотечным абонементом чаще других пользовались учителя, агрономы и зоотехники, самые любознательные старшеклассники. Находились и особые любители книг среди колхозников.

Мария Михайловна знает и любит свое дело, ей нравится работать с читателями, книгами. Много внимания она уделяет укомплектованию библиотеки новой литературой. Раньше на это выделялись средства, и заведующая библиотекой сама приобретала книги. Бывая в отпуске в Ленинграде, она посещала магазин «Книга почтой», где подбирала книги для своих читателей. Приобретает книги в Бежецке, заказывает в Калинин, Минске. При заказе книг учитывает потребности читателей, пополняя библиотечный фонд самыми разными изданиями художественной, специальной, научно-популярной литературы для взрослых и детей. В 1960-е гг. книжный фонд Щадренихинской библиотеки составлял более десяти тысяч книг. С 1971—1972 гг., в соответствии с приказом Министерства культуры СССР «Об упорядочении комплектования книжных фондов массовых библиотек», библиотеки обеспечиваются новыми изданиями централизованно. Нередко поступали книги, которые никогда не будут востребованы читателями сельской библиотеки, особенно это касалось специальной литературы.

В рамках выделенных средств заведующая осуществляла ежегодную подписку на периодические печатные издания. Библиотека ежедневно получала свежие местные и центральные газеты. Журналы выписывались самые разные — политические, литературные, научно-популярные, начиная от «Агитатора» для колхозных политинформаторов и активистов до «Крестьянки», это издание неизменно пользовалось спросом у женской части населения.

Огромная работа проделана библиотекарем по созданию алфавитного и систематического каталогов. Каталоги помогают читателям сориентироваться в фондах библиотеки, быстрее найти нужную книгу. Каталогами, основа которых заложена Марией Михайловной, пользуются до сих пор читатели Житищенской сельской библиотеки. В годы перестройки библиотека из Восново переведена в д. Житищи.

На селе была популярна художественная самодеятельность. К каждому празднику готовилась новая концертная программа или ставился спектакль. Артистами были учителя, специалисты сельского хозяйства,

деревенская молодежь, старшеклассники. Завбиблиотекой помогала подобрать самодеятельным актерам нужные материалы: стихи, песни, пьесы, сценарии. Она сама участвовала в концертах, читала стихи, играла небольшие роли в спектаклях. Зал клуба был переполнен, когда проходили концерты и спектакли самодеятельности. Особенно зрители нравились шуточные сценки и частушки на злобу дня.

В 1960—1970-е гг. ведется большая пропагандистская работа по всей стране. Много приходилось работать по оформлению наглядной агитации: плакатов, агитационных щитов, «молний» к каждому празднику и торжественным мероприятиям, оформлять многочисленные красные уголки на фермах и в деревенских клубах, постоянно обновлять сводки по соцсоревнованию.

Сельский совет давал различные общественные поручения. Библиотекарь собирала сельскохозяйственные налоги, взносы советских общественных организаций, участвовала в переписи скота, была членом избирательной комиссии, ездила по деревням с урной для голосования к тем, кто не мог прибыть на выборы. Она приняла участие в проведении Всесоюзной переписи населения 1979 г. За успешное проведение Всесоюзной переписи населения Совет Министров СССР Постановлением №640 от 2 июня 1979 г. объявил благодарность работникам, принимавшим участие в проведении переписи, с занесением записи в трудовые книжки. Среди них счетчик Молькова Мария Михайловна.

Библиотекари, чтобы соответствовать духу и требованиям времени постоянно повышают профессиональное мастерство. С 1 по 26 марта 1971 г. Мария Михайловна учится на курсах повышения квалификации работников культуры и искусства Калининской области в г. Калинин. Бежецким отделом культуры раз в месяц проводились семинары по обмену опытом и информацией, обсуждались итоги работы сельских библиотек, ставились новые задачи.

Марию Михайловну много лет избирали депутатом местного совета. Колхозники, особенно пенсионеры, обращались к ней за помощью, шли со своими нуждами и заботами, потому что много лет знали ее и знали, что всегда отзовется и поможет, просили похлопотать о пенсии или обеспечить дровами. С 1976 г. Мария Михайловна Молькова работала на выборной должности секретарем Шадренхинского сельсовета.

За добросовестный труд она награждена почетными грамотами: за хорошую работу по подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина в 1970 г.; за высокие показатели в культурном обслуживании населения, в честь 50-летия образования СССР; 29.07.1976

за большую многолетнюю работу по пропаганде литературы среди тружеников села и в связи с 25-й годовщиной создания Бежецкой районной библиотеки.

2 ноября 1985 г. безвременно, после тяжелой болезни, ушла их жизни заведующая Щадренихинской библиотекой Мария Михайловна Молькова. Похоронена на кладбище села Восново.

Много лет спустя бывшая читательница рассказала, как их с подружкой Мария Михайловна приобщила к чтению, научила любить книгу. Лена и Ира жили в Щадренихе, учились в Восновской школе. Девочки брали книги по школьной программе, но читать они не хотели. Им больше нравилось гулять по деревне, шлепать по лужам, особенно они любили бродить возле ручья. Непрочитанные книги возвращали в установленный срок. Мария Михайловна расспрашивает девочек, что нового они узнали из прочитанной книги. Подружки переглядываются, краснеют и молчат: они книги не открывали. Библиотекарь интересуется, чем они увлекаются, предлагает новую литературу. Так повторялось несколько раз, когда им нечего было рассказать. Подружкам было стыдно, и, чтобы не попадать в такую ситуацию, они начали читать. Как же им было приятно и радостно вместе с Марией Михайловной обсудить прочитанное! Они стали активными читателями библиотеки. Елена признательна за этот урок, книга и знания помогли ей жить полнее и интереснее.

Меняется эпоха — меняемся мы, меняются библиотеки. В нашу жизнь входят электронные каталоги, электронные библиотеки и библиотечные системы. Современные общедоступные библиотеки напрямую содействуют глобальной информатизации общества, участвуют в основных процессах развития, обеспечивают доступ к национальным ресурсам. Роль библиотеки в жизни общества велика, и очень важна личность библиотекаря, который был и остается просветителем, проводником знаний. Особенно значима роль библиотекаря на селе, где ограничено число образовательных и культурно-просветительских учреждений.

-
1. Климин И. И. Очерки по истории Бежецкого уезда Тверской губернии. Часть первая. СПб: Центр исторических и гуманитарных исследований «Клио», 2002. С. 107, 117–119.
 2. Протоколы Бежецкого Уездного Земского Собрания очередной сессии 12–15 октября 1913 года с приложениями к ним. Бежецк, 1914. С. 307–308; Доклады по народному образованию. С. 12.
 3. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Издательство «Наука», 1964. С. 322, 326, 327.
 4. Воспоминания Антонины Михайловны Кабановой.
 5. Памятники архитектуры Тверской области. Книга 2. Книжно-издательский отдел ОАО «Тверское княжество»: Тверь, 2002. С. 70.
 6. Анна Васильевна Голубева проживает в настоящее время в Твери.
 7. Администрация Житищенского сельского поселения. Справка № 176 от 26.12.2013 г.
 8. Ревизская сказка 1816 года. ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Ед. хр. 297. Л. 634.
 9. Исповедные ведомости 1740 года. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17776. Л. 46 об.
 10. Ревизская сказка 1850 года. ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Ед. хр. 668. Л. 895.
 11. Личный архив В.К. Путыр. Документы, воспоминания, фотографии.

**От сельской учительницы —
до кандидата наук**

**Елизавета Порфирьевна
Орлова**

От редакции

Когда этот сборник был практически готов, неожиданно из Москвы я получил письмо от уроженки Бежецка, читателя и автора нашего альманаха Леониды Дмитриевны Широковой (Титовой). Всю свою трудовую жизнь она провела на Чукотке, преподавая в школах. Сейчас на заслуженном отдыхе. Вкратце я приведу его:

«Володя! Сидя на одном любимом коньке «Чукотка», я нашла вот такое. Первые попытки создания для азиатских эскимосов письменности относятся к началу 1930-х годов. Организатором этого процесса выступила дочь православного священника из старинного города Бежецка — Елизавета Порфирьевна Орлова (1899—1977).

Мне интересно, буду искать еще упоминания о земляках в разных книгах и журналах. Я-то, старая дура, все ищу себе лишние хлопоты для познания.

Всего Вам доброго, простите за беспокойство».

Такой уникальной находкой я не смог не воспользоваться. Нашел в Интернете материалы о нашей, к сожалению забытой на родине, землячке. Связался с автором статьи — научным сотрудником Камчатского краевого объединенного музея Натальей Александровной Конышевой. Благодаря этому мы сможем открыть еще одно имя нашего земляка.

В 2011 г. Камчатский краевой объединённый музей отметил столетний юбилей. Одним из самых дорогих подарков за последнее время стало уникальное дарение — архив учёного-этнографа, исследователя культуры народов Сибири и Дальнего Востока Е.П. Орловой. Фонды музея пополнились более чем на тысячу единиц хранения. Кто-то спросит: «Откуда берутся дарители и как в музей

попадают предметы?» Часто дарители приходят сами, приносят вещи, которые хотели бы сохранить для истории. Некоторые из дарителей принимают решение передать в дар музею ту или иную реликвию после общения с сотрудниками музея. Архив Е.П. Орловой музею передал в дар Юрий Анатольевич Цвиркунов, который в настоящее время проживает в г. Санкт-Петербурге.

В 1966–1971 гг. Юрий Анатольевич работал геологом в Корякском автономном округе на Камчатке, в Пенжинской экспедиции. Из письма Ю.А. Цвиркунова: «Пересылаю Вам найденные материалы из архива этнографа Е.П. Орловой, работавшей на Камчатке, Дальнем Востоке и Сахалине в 30-х гг. XX столетия... Я сам в 1966–1971 гг. работал геологом в Пенжинской экспедиции, и поэтому мне не безразлично культурное наследие, оставленное при изучении этого края». Юрий Анатольевич проживает в Санкт-Петербурге на ул. Димитрова. Однажды он пошёл выносить мусор и около мусорных контейнеров обнаружил пакеты и коробки с документами и фотографиями... Это был архив Е.П. Орловой. Большое количество аннотированных самой Е.П. Орловой снимков, документы, многочисленные заметки, рисунки, дневники, рукописи – ценнейший архив этнографа. Вот что обнаружил Юрий Анатольевич брошенным у мусорных контейнеров! Трудно понять, каким образом архив оказался выброшенным и почему. Можно лишь только догадываться. Но то, что архив был выброшен в нужном месте и был обнаружен человеком,

Передача архива Е.П. Орловой музею

связанным с Камчаткой и понимавшим ценность своей находки, это неоспоримый факт. Архив в музей по просьбе Ю.А. Цвиркунова привезла его родственница Ирина Александровна Проскина, которая живёт и работает на Камчатке ведущим бухгалтером Института космо-физических исследований и распространения радиоизлучения ДВО РАН.

Среди документов и фотографий, найденных Ю.А. Цвиркуновым, была часть документов, которые относились к исследованиям Е.П. Орловой и в других регионах Севера и Дальнего Востока. Их Юрий Анатольевич также передал по назначению — в Томский, Якутский и Санкт-Петербургский музеи. В январе 2012 г. сын Ирины Александровны Проскиной Дмитрий приезжал на каникулы домой и привёз вторую часть архива, переданную Ю.А. Цвиркуновым. Вторая часть содержит записи, дневники, рукописи, планы экспедиций, отчёты и статьи докладов Е.П. Орловой, которые пополнили коллекцию музея.

Изучая архивные материалы Е.П. Орловой, можно проследить практически все её экспедиции на Камчатку. Вот, например, фотографии из первой экспедиции — поселения коряков и ламутов, женщины и мужчины, дети. Ламуты танцуют танец «норгали», а на обороте пофамильно записаны участники танца. Фотографии студентов Дальневосточного техникума народов Севера, которые помогли составить учебники на своём родном языке. Большое количество рисунков ламутов и коряков Тигильского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов, собранные в 1926—1927 гг. Е.П. Орловой. На них мы видим бытовые сцены из жизни коряков и ительменов, предметы быта и пр. Среди этих рисунков оказались и акварельные работы самой Елизаветы Орловой. Большое количество записей этнографа о количественном составе посещаемых селений, о верованиях и обычаях, все эти записи использовались для написания научных работ Е.П. Орловой.

Елизавета Порфирьевна Орлова принадлежит к старшему поколению этнографов школы Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Всю свою жизнь она отдала науке, более пятидесяти лет занималась этнографией народов Сибири и Дальнего Востока. Е.П. Орлова — учёный, этнограф, которая не только изучала и исследовала культуру и быт малых народов Севера, но и сама активно участвовала в переустройстве их жизни.

Родилась Е.П. Орлова 22 октября 1899 г. в г. Бежецке Тверской губернии. В 1909 г. поступила и в 1918 г. окончила Бежецкую женскую гимназию с золотой медалью и до 1921 г. работала учительницей и заведующей начальной Хутор-Приютской школой Поречской волости Бежецкого уезда. В 1921 г. Е.П. Орлова уезжает в Петроград, где поступает в гео-

графический институт на только что открывшийся этнографический факультет, деканом которого стал профессор Л.Я. Штернберг.

Первое общественное поручение Е.П. Орловой — назначение заведующей одним из студенческих общежитий. Хлопот было много: составить график дежурств, назначить на заготовку дров, принять и устроить вновь прибывших. Студенческая жизнь была нелёгкой. Питались очень скудно: 400 г хлеба в день, а на месяц выдавалось 200 г сахара, 2 кг круп и немного подсолнечного масла. Поэтому студенты частенько разгружали вагоны, работали везде, где можно подзаработать и продержаться. Жили трудно, но интересно, учились вдохновенно и увлечённо.

Во время учёбы в институте, с третьего курса, началась этнографическая деятельность Е.П. Орловой. Летом 1923 г. она уезжает изучать лопарей (саами), самоедов (ненцев) и зырян на Кольский полуостров. О распределении студентов на практику в своей книге («Лев Яковлевич Штернберг». М., 1975) интересно рассказывает Нина Ивановна Гаген-Торн — этнограф, историк, поэтесса и писатель-мемуарист. «Вы кидаете их на практику, как в воду шенят», — покачивая головой, тихо сказал Л.Я. Штернберг. «Сильных так и отбирают, — усмехнулся Богораз, — поплывут! В крайнем случае телеграфируют с места о помощи. Те, кому быть этнографами, научатся ориентироваться в любой обстановке, а остальные отсеются».

Елизавета Орлова ехала на Кольский полуостров по Мурманской железной дороге четверо суток, потом ещё несколько дней по воде и болотам. В этой экспедиции она сильно простудилась, начался туберкулёз лёгких. Тем не менее была привезена её первая научная статья. С возвращением из экспедиции Е.П. Орлова переехала жить к подруге Соне Могилянской на Васильевский остров. Дружба с Могилянской, родившаяся в студенческие годы, была пронесена через всю жизнь.

По окончании института она уезжает на производственную работу на Камчатку для изучения быта, культуры и языка камчадалов. Орлова поехала без всяких средств и определённого места работы. Для того чтобы добиться своей цели, то есть заняться этнографией камчадалов-ительменов, она примкнула к Всесоюзной переписи населения северных окраин 1926—1927 гг. С переписи началась её научная деятельность.

Сначала Е.П. Орлова работала секретарём Туземного подотдела Камчатского губревкома в г. Петропавловске, а с июня 1926 г. — сотрудницей Всесоюзной переписи населения и хозяйства северных окраин. Для статистической работы получила участок на западном побережье Камчатки от Большерецка до Тигиля, включая всё кочевое население — коряков, ламутов, и до долины р. Камчатки на востоке. А также получила листок переписи, который содержал 964 вопроса.

Выехала из с. Тигиль верхом на лошади. Когда установился санный путь, продвигалась на собаках. И лишь в апреле 1927 г., проехав 2800 км, Е.П. Орлова закончила обследование и перепись вверенного ей района. Таковы цифры! А за ними — месяцы тяжёлого пути: пурга, морозы, бездорожье. Этнография — наука путешественников!

Перепись 1926 г. проводилась по инициативе Комитета Севера, который изучал, исследовал, выяснял вопросы экономики, истории, культуры и быта малых народов, решал хозяйственные и культурные вопросы устройства народов Севера. Перепись впервые в истории России и всего мира дала ясную картину состояния экономики, хозяйства, быта и культуры народов Севера, их численности с разбивкой по национальностям. Материалы переписи легли в основу всей дальнейшей хозяйственной, административной и научно-исследовательской работы на Севере. «В переписи приняли участие многие студенты этнографического факультета Ленинградского географического института, поэтому перепись была проведена на высоком уровне, со знанием дела» (Е.П. Орлова).

Перед Е.П. Орловой открывалась своеобразная, удивительная и неповторимая жизнь народов Севера. Участие в переписи дало возможность практически изучить язык, экономику, культуру и быт народов северной Камчатки — камчадалов, коряков, ламутов — и получить исчерпывающий статистический материал, который был положен в основу её научных трудов.

Местное население. Фото Е.П. Орловой

По возвращении из командировки с Камчатки Е.П. Орлова поступила в Ленинградскую школу иностранных языков, на отделение иностранных языков (изучала английский язык), где обучалась с декабря 1927 по лето 1930 г. В 1928 г. Е.П. Орлова работала научным сотрудником Ленинградского Русского музея и преподавателем ительменского языка в Институте народов Севера. Летом 1930 г. её пригласили на работу в Дальневосточный комитет Севера в г. Хабаровск. Она приезжает в институт и возглавляет социально-культурный раздел работы комитета. Работает сразу на трёх должностях: научным сотрудником, заведующей культурно-социальным сектором и начальником нового отдела алфавита. Последняя должность была самой трудной — ведь никакого алфавита ещё не было. Е.П. Орлова одновременно преподавала в Дальневосточном техникуме народов Севера, который был открыт в 1926 г. Первый набор техникума выпустил 40 учащихся из народов Севера, из них 7 ительменов. В 1929—1930 гг. северное отделение стало техникумом народов Севера, в нём обучалось около 400 северян — детей 19 национальностей по трём основным направлениям: педагогическому, административно-советскому и колхозно-кооперативному. Техникум в основном готовил национальные кадры для работы в сельских советах, колхозах и школах.

Совершенно очевидной стала необходимость создания письменности на языках народов Севера и ликвидации почти стопроцентной неграмотности. С 1930 г. Орлова назначается руководителем отдела социалистической культуры и возглавляет лингвистическую работу в техникуме. К марту 1932 г. было создано восемь лингвистических групп: тунгусская, гольдско-ульчская, корякская, ламутская, гилякская, алеутская, эскимосская и ительменская, последними четырьмя руководила Е.П. Орлова. В её группе работали эскимосы Бычков и Лейта; алеуты А. Ножиков, П. Волокитин, А. Паньков, Сушков; ительмены Ф. Слободчиков, Г. Садовников; гиляки Пендик, Клынген, Мак. Так претворялось в жизнь решение Первой Всероссийской конференции по созданию письменности и букварей на 16 языках народов Севера. Первый букварь «Будем учиться» был написан Е.П. Орловой при участии учеников Дальневосточного техникума народов Севера ительменов Ф. Слободчикова, Г. Садовникова и, отчасти, У. Ласточкиной и М. Павлуцкой. Орловой приятно было видеть, как постепенно, по мере продвижения работы над первой книгой на родном ительменском языке, «разбивалось убеждение учеников-подростков в невозможности написать букварь, и дело было доведено до победного конца, несмотря на слёзы учащихся-ительменов» (Е.П. Орлова).

Развитие культуры требовало ускорения темпов развёртывания всеобщего начального обучения, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, развития прессы на родном языке. Исходя из этого Корякский окружной комитет нового латинизированного алфавита поставил свои практические задачи на 1932–1933 гг.: намечено было охватить работой по ликвидации неграмотности на родном языке в Тигильском районе 350 чел., в Карагинском — 160, в Олюторском — 400, в Пенжинском — 500 чел. Предполагалось провести ликвидацию азбучной неграмотности на корякском языке среди партийных, комсомольских и административно-советских работников округа и районов. В 1932 г. вышли из печати первые в истории малых народов буквари: «Наша жизнь» на эскимосском языке, в нём было 116 рисунков, тираж 1000 экземпляров; «Будем учиться» на ительменском языке. Букварь-рукопись «Восход солнца» на алеутском языке была взята в Комитет национальностей. 1932 г. стал годом письменности народов Севера. В 1933 г. выходит учебник «Арифметика» — задачник, первый год обучения на ительменском языке; «Первая книга для чтения на эскимосском языке».

Работая в комитете Севера, Е.П. Орлова в 1932 г. совершила экспедицию в Низовье Амура с целью изучения гольдов, ульчей и гиляков, живущих в бассейне реки от Хабаровска до Николаевска. В следующем, 1934 г. она совершает экспедицию на Чукотку, в Чукотский район, для работы по эскимосскому языку. Там ею проверялся первый эскимосский букварь. Она посещает Уэлен, Наукан, бухту Лаврентия, бухту Провидения, Анадырь, Усть-Камчатск и Петропавловск.

С различного рода проблемами встречались работники Комитета Севера, педагоги, медицинские работники. Приходилось проводить большую работу по привитию элементарных гигиенических норм жизни, учить умываться, стирать, мыть посуду и прочее. Среди родителей, которые боялись и не хотели отдавать детей в школы, велась большая просветительная работа.

Преодолевая огромные трудности, жестокий климат и тяжелейшие бытовые условия, этнографы, педагоги, врачи старались побороть многовековую отсталость малых народов Севера и победили. В этой победе весомый вклад этнографа Е.П. Орловой.

Результатом работы в Комитете Севера явились научные работы Е.П. Орловой. С возвращением в 1936 г. в Ленинград она работает в музее Арктики по подготовке и организации отдела гидрологии и гидрографии. Одновременно по поручению Института народов Севера работает над статьёй об азиатских эскимосах, у которых она побывала в 1934 г. С осени 1937 по осень 1941 г. преподавала географию, геологию и астрономию в средних школах Ленинграда. С сентября 1941 г. по октябрь 1943 г. была счетоводом колхоза «Московский безбожник» и

в то же время, по сентябрь 1945 г., заведовала Хутор-Приютской начальной школой Калининской области. С декабря 1945 г. работала в географо-экономическом научно-исследовательском институте ЛГУ, занимала вакантную должность чертёжницы.

23 января 1947 г. Е.П. Орлова успешно защищает кандидатскую диссертацию «Камчадалы-ительмены», а 31 марта 1947 г. Учёным советом ЛГУ утверждена в учёном звании кандидата географических наук. В 1949 г. её приглашают заведовать отделом Сибири и Дальнего Востока в Государственном музее этнографии народов СССР. Помимо текущей работы и создания экспозиций, она определяет много коллекций, не описанных с 1904—1910 гг., и, конечно, вновь отправляется в экспедиции на Дальний Восток. Изучен современный быт, собраны коллекции у следующих народов Севера: ульчей, негидальцев, гиляков-нивхов, тунгусов-эвенков, ороков-ульчей. Экспедиция летом 1957 г. в низовья Амура и южную часть о. Сахалина: изучены дополнительно гиляки-нивхи, ороки-ульчи и нанай-гольды. Собраны этнографические коллекции и разобраны этнографические коллекции в Хабаровском музее в связи с подготовкой к празднованию 100-летнего юбилея г. Хабаровска и отсутствием в музее этнография.

Экспедиция 1958 г. на Камчатку изучала современное положение ительменов, коряков и эвенков. Изучением охвачен район от Тигиля до Ичи, бассейна р. Камчатки. Очень экзотичен был переезд зимой на морском катере от Ичи до Крутогорова. Ехали в валенках, в которых пришлось прыгать в воду с катера на песчаный берег, выждав, когда откатится волна. От Крутогорова до Петропавловска добирались самолётом Ан-2. Также в изучение входили районы: Эммо — Анавгай — Тваян — Лаучан — Петропавловск-Камчатский — Владивосток. Собраны уникальные этнографические коллекции. Более 1000 км на Камчатке объезжено Орловой верхом на лошадях, и это в канун своего 60-летия! «Лошадь местной породы низкорослая, с длинной пушистой шерстью, чаще белой или светло-серой масти — служила главным транспортным животным в летний и осенний периоды, но шла только под вьюк и использовалась для верховой езды, для охоты на соболя и медведя — осенью. Колёсных дорог и телег в 1926—1927 гг. на западном берегу Камчатки не было. Единственная колёсная дорога связывала Петропавловск и Елизово» (Е.П. Орлова). В этой поездке Е.П. Орлова разобрала во Владивостоке все этнографические коллекции, которые были привезены Литке, Лисянским и Арсеньевым. В результате этих экспедиций собраны и зарегистрированы, описаны тысячи этнографических предметов, которые сейчас составляют гордость Российского этнографического музея. За время работы в музее Е.П.

Орловой написаны научные статьи для Большой Советской энциклопедии (БСЭ), для серии «Народы мира»: «Современное население Гренландии», «Эскимосская проблема», «Гренландские эскимосы», которые опубликованы в 1959 г.

В 1960 г. Е.П. Орлову приглашают в Академгородок, что в тридцати километрах от Новосибирска, где родился новый сибирский центр науки, в том числе и исторической. Е.П. Орлова без колебаний приняла приглашение и решила ехать, чтобы растить свои, сибирские, кадры этнографов. Она была глубоко убеждена, что этнография — важнейшая гуманитарная наука, это наука о человеке. Она мечтала о создании в Сибири Дома Севера — института или музея — центра, где сосредоточилось бы всё изучение северной цивилизации. Этнографический музей народов Севера необходим историкам, археологам, вообще каждому культурному человеку.

За четыре года работы в Сибирском отделении АН СССР Е.П. Орлова три раза побывала в этнографических экспедициях. Первая экспедиция в 1961 г. на Камчатку и Командорские острова. Изучала изменения быта и культуры народов Севера: ительменов, эвенов, коряков и алеутов. Она посетила Петропавловск-Камчатский, Усть-Камчатск, Оссора, Карагу, Корф, Пахачи — долину р. Камчатки, с. Никольское (на о. Беринга), с. Преображенское (на о. Медном). «Для ознакомления с современным бытом и культурой коряков Камчатки я посетила в 1961 г. селение Карагу и селения Седанка и Белоголовое, кроме того собрала цифровой материал по корякским селениям Лесной и Воямполке. В Караге были сосредоточены представители 8 национальностей, но подавляющее большинство составляли всё же коряки — 316 человек из общего числа 371, русских 11 человек, метисов (коряко-русских) 39 человек. Свой язык коряки сохранили очень хорошо, хотя молодёжь уже хорошо владеет и русским языком» (Е.П. Орлова). За полгода посетила 26 населённых пунктов, в районных и сельских советах делала выборки материалов для характеристики состояния экономики и культуры народов Севера, чтобы при написании разделов, касающихся народов Севера в многотомнике «История Сибири», был достаточно чётко показан тот исторический скачок, который народы Севера сделали из разных ступеней первобытно-общинного строя.

В 1962 г. любимая Камчатка вновь открылась перед Е.П. Орловой. Изучением охвачены селения окрестностей Петропавловска-Камчатского — Авача и Елизово, она работала в камчатском музее и архиве. За два с лишним месяца работы среди всех групп ительменов Е.П. Орловой был собран цифровой материал, достаточный для характеристики экономического быта ительменов по состоянию на 1 января 1962 г. В Тигиле, в районном статистическом управлении, она получила

официальные сведения о населении Тигильского района на 1 января 1961 г.; но там были учтены только коряки и ительмены, не было отдельного учёта русских и метисов. Поэтому Орлова учла всё население района расселения ительменов от Тигиля до Сопочного включительно с детальной разбивкой по народностям, а также степень метисации ительменов и ассимиляции их другими народностями. Самым разнообразным по национальному составу к 1962 г. было молодое, быстро растущее селение Усть-Хайрюзово: там жили представители 21 народности. Таким образом, монолитная в 1926–1927 гг. малая народность Севера — ительмены-камчадалы — перестала быть изолированной. К 1962 г. она вступила в тесный контакт с другими народами Советского Союза. В подавляющем большинстве случаев ительмены вступают в брак с русскими и коряками, перенимают от русских более высокую культуру и язык. Так постепенно, начиная с детских яслей-садов и школ-интернатов, ительменские, корякские, эвенские и алеутские дети отвыкают от своего родного языка, заменяя его русским.

В плане своей экспедиционной работы на 1962 г. Е.П. Орлова особо отметила пункт: посетить ительменов западного побережья Камчатки для углублённого изучения этнографии, фольклора и языка для окончательного завершения и подготовки к печати своей монографии об ительменах. И вот в 1964 г. Е.П. Орловой подготовлена монография «Камчадалы-ительмены в прошлом и настоящем», в которой использовано 116 источников и личные наблюдения с 1926 г. В монографии на примере одной из малых народностей — ительменов — рассказана история социалистических преобразований. Как считала Е.П. Орлова, монография об ительменах — главный труд её жизни.

Большое место в деятельности Е.П. Орловой занимала педагогическая деятельность, которой она отдала более пятнадцати лет. Это была работа в школе, в Институте народов Севера в Ленинграде, в Дальневосточном техникуме народов Севера, в Новосибирском государственном университете. Педагогическую деятельность она считала неотъемлемой частью научной работы. В 1962 г. в Новосибирском университете был открыт гуманитарный факультет, который начал подготовку этнографов для работы в Сибири и на Дальнем Востоке. Первым преподавателем этнографии была Елизавета Порфирьевна Орлова. Она читала два курса лекций: «Основы этнографии» и «Этнография Сибири». Лекции Е.П. Орловой отличались большим объёмом фактического материала и научной глубиной, читались легко, просто. Слушать её лекции приходили студенты с других факультетов, например математики и биологии. Свою любовь, увлечённость этнографией Е.П. Орлова передавала студентам, сама она была примером, каким должен быть этнограф.

В 1964 г. Е.П. Орлова возглавляет этнографическую экспедицию студентов в Горную Шорию, где изучались быт и культура северных алтайцев. Вместе со студентами ехала на попутных машинах, на лодках по быстрым горным рекам, делила все тяготы и трудности поездки (в 65 лет!). Она стремилась передать молодому поколению все свои знания, весь свой богатейший опыт полевых работ. Студенты любили и уважали Е.П. Орлову за принципиальность, справедливость, доброту и внимание, интерес к студентам и их жизни, помощь, которую она постоянно оказывала.

С уходом на пенсию Е.П. Орлова по-прежнему занимается любимым делом — этнографией. В Москве в 1964 г. состоялся Международный конгресс археологов, антропологов и этнографов, на котором она выступила с докладом «Алеуты Командорских островов». В 1964 г. вышла из печати монография Е.П. Орловой «Чукотская, корякская, эскимосская и алеутская резная кость».

В 60–70-е гг. XX в. вышли из печати многие научные статьи Е.П. Орловой, такие как «Календари народов Севера», «Ножи гиляков», «Амулеты гиляков» и другие. Елизавета Порфирьевна продолжала работу над статьями «Ороки Сахалина», «О названиях и самоназваниях народов Севера», но многим планам не суждено было сбыться, смерть прервала творческую деятельность замечательного этнографа народов Сибири и Дальнего Востока. За пятьдесят с лишним лет работы был собран огромнейший этнографический материал, опубликовано свыше 60 научных статей.

Но если бы и не было этих статей, а были лишь одни буквари для малых народов Севера, то и тогда Елизавета Порфирьевна Орлова могла бы считать свою жизнь прожитой не даром. Своими букварями она принесла свет и знания малым народам Севера. Вся жизнь Елизаветы Порфирьевны Орловой — подвиг во имя науки этнографии, которую она так любила и отдала ей все свои силы.

1. ККОМ. Орлова Елизавета Порфирьевна — учёный-этнограф. Архивный фонд № 173.

2. Конышева Н.А. Состояние природы и экологические проблемы Камчатки как звена Северной Пацифики в первой четверти XXI в. // «О Камчатке: её пределах и состоянии...»: материалы XXIX Крашенинников. чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 133–138.

Епископ Хрисанф — уроженец села Еськи

**Владимир Николаевич
Ретивцев**

В предлагаемой статье речь пойдет о выдающемся деятеле своего времени — известном православном историке религии XIX века, ученом, писателе, великолепном ораторе, проповеднике — нашем земляке епископе Хрисанфе (Ретивцеве).

Епископ Астраханский, а позже Нижегородский, Хрисанф (Ретивцев) (до пострижения Владимир Николаевич) родился в 1832 г. в семье священника села Еськи Бежецкого уезда Тверской губернии Николая Ивановича Ретивцева, который за заслуги был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, получив право на потомственное дворянство¹. Мать Евдокия Васильевна — дочь священника этого же села Василия Григорьевича Сокольского и сестра одного из видных иерархов русской церкви XIX в. первого архиепископа Туркестанского и Ташкентского Софонии (Стефана Васильевича Сокольского), в 2000 г. причисленного к лику святых².

В семье Ретивцевых было восемь детей: три мальчика и пять девочек. Владимир был старшим. Четыре девочки рано умерли (в 15, 16 и 18 лет). Сестра Ольга вышла замуж за священника села Еськи Ивана Ивановича Томилова, который всю жизнь прослужил в храме Богоявления, а в 2000 г. был канонизирован как священномученик³.

Самые младшие дети в семье — братья Александр и Николай⁴ — учились в Санкт-Петербурге: Александр — в медико-хирургической академии; младший, Николай, — в университете. Оба принимали участие в петербургских студенческих волнениях 1868—1869 гг., за что были арестованы, заключены в Петропавловскую крепость, а затем высланы на родину под надзор полиции. После снятия надзора Александр в 1870 г. завершил свое образование. Впоследствии он стал доктором медицины (1880 г.), действительным статским советником. В начале 1900-х гг. служил врачом в Тифлисском кадетском корпусе. Скончался в

1916 г. Николай остался в родном селе, но «за нетрезвую и беспокойную жизнь» в январе 1872 г. был выслан в Вологодскую губернию⁵.

Владимир первоначальное образование получил в Бежецком духовном училище, среднее — в Тверской духовной семинарии. В 1852 г. при поступлении в Московскую духовную академию будущий епископ зарекомендовал себя с отличной стороны и был принят в числе первых. Еще на первом курсе он написал рассуждения по словесности и истории, которые читались и перечитывались студентами всех курсов. Академию Владимир закончил в 1856 г. и за отличные результаты по всем предметам академического курса причислен к первому разряду, а в феврале 1857 г. удостоен степени магистра богословия. Первое назначение было получено в Костромскую духовную семинарию профессором Священного Писания, где по его прошению в 1857 г. он был пострижен в монашество с именем Хрисанф.

Через год Хрисанфа перевели бакалавром в Казанскую духовную академию. Новое назначение было сделано по ходатайству ректора академии архимандрита Иоанна (Соколова), в будущем — епископа Смоленского. В 1860 г. Ретивцев вошел в состав комитета по переводу Священного Писания на русский язык. В том же году за усердную и полезную службу он был сопричислен к соборным иеромонахам Киево-Печерской лавры. В марте 1862 г. Хрисанф утвержден на должность библиотекаря с сохранением бакалаврской должности. Как библиотекарь, он много поспособствовал тому, чтобы большая часть библиотеки архиепископа Астраханского Афанасия после его кончины в 1876 г. перешла в ведение академии. В 1864 г. Ретивцев был награжден золотым наперсным крестом, а в 1865 г. «за отличное знание и весьма усердное исправление своего дела» возведен в звание экстраординарного профессора⁶. В этом же году иеромонаха Хрисанфа перевели в Санкт-Петербургскую духовную академию, по ходатайству того же, хорошо его знавшего и высоко ценившего, архимандрита Иоанна (Соколова), бывшего на тот момент ректором СПДА. В 1866 г. последовало возведение в сан архимандрита и назначение на должность инспектора академии, а в 1869 г. он становится ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии.

За отличное исполнение должностей Хрисанф был неоднократно награжден, в 1874 г. ему была объявлена признательность министра народного просвещения за труды по составлению программ преподавания Закона Божия в мужских гимназиях и прогимназиях.

В декабре 1874 г. в соборном храме Александро-Невской лавры он был хиротонисан в сан епископа. С 1874 по 1877 г. возглавляет Астраханскую и Енотаевскую епархию, в 1877 г. избирается почетным членом

двух духовных академий — Санкт-Петербургской и Казанской. В июне этого же года по высочайшему повелению императрицы ему объявлена благодарность за участие к страждущим воинам русско-турецкой войны.

Деятельность епископа Хрисанфа в Астрахани можно назвать духовно-просветительской. Здесь он осуществил замысел своего предшественника (уроженца того же Бежецкого села Еськи) преосвященного Феоноста (Лебедева) — чтобы дать возможность духовенству пополнять свое образование, а прочим сословиям просвещаться путем чтения книг религиозно-нравственного содержания, в марте 1875 г. открыл епархиальную библиотеку. Сначала сюда поступили книги из упраздненного Спасо-Преображенского монастыря и из благочиннических библиотек, а затем библиотека стала регулярно пополняться книгами и духовными журналами. В библиотеку преосвященный пожертвовал 100 рублей и 20 экземпляров своего сочинения «Религии древнего мира в их отношении к христианству». За этот труд Хрисанф был возведен в высшую ученую степень — доктора богословия. Книга переведена на многие языки и до сих пор используется учеными всего мира. В 1876 г. он учредил комиссию, которой поручил составить список книг для церковных библиотек, которые со следующего года начали пополняться рекомендованными комиссией книгами. Также для улучшения учебно-воспитательского дела в церковных школах он учредил комиссию, которой поручил составить программы предметов преподавания, указать методы преподавания, учебные руководства и пособия, выработать правила дисциплинарной и административной части. Преосвященный рассмотрел представленные составленные правила и указания и объявил по епархии к руководству. Беседовал с прихожанами о пользе грамотности, о необходимости обучать и девочек, стараясь искоренить мнение, что девочкам грамотность не нужна.

В 1875 г. епископ Хрисанф начал выпускать «Астраханские епархиальные ведомости», что тоже было идеей его предшественника — епископа Феоноста, на тот момент митрополита Киевского и Галицкого. Издание «Ведомостей» в малоприходной Астрахани представляло существенные затруднения, прежде всего денежные. Но активная деятельность епископа и ряд принятых мер, в том числе распоряжения о том, чтобы Архиерейский дом ежегодно вносил на издание по 100 рублей и отчисляли из его собственного жалования по 100 рублей, способствовали тому, что средства были найдены. Ректор семинарии взял на себя бесплатное редактирование и цензуру, преподаватели семинарии предоставляли свои труды.

При нем был открыт дом для призрения вдов и сирот духовенства, на что он тоже жертвовал деньги.

В декабре 1877 г. епископ Хрисанф был перемещен на епархиальную архиерейскую кафедру в Нижнем Новгороде.

Астраханская паства относилась к епископу с глубоким уважением и любовью как к ученому, прекрасному проповеднику и человеку, отзывчивому на всякое доброе дело. При его отъезде скопилось очень большое количество народа, спешащего принять от своего пастыря последнее благословение.

Епископ Хрисанф был замечательным проповедником, чутким к современным запросам жизни, своим словом увлекал слушателей и производил на них глубокое влияние. Вот как описал свое впечатление от проповеди после панихиды по убиенным русским и сербским воинам в ходе русско-турецкой войны, сказанной Хрисанфом в Астраханском соборе, один из слушателей: «Маленький, невзрачный и рыжеватый владыка совершал панихиду, и вот, по окончании ее, вышел он на широкий амвон в сопровождении всего городского духовенства, окинул быстрым взором бесчисленную толпу молящихся и, стукнув архиерейским посохом, воскликнул громким голосом, обращаясь к народу <...> Да, по совести говорю, то было нечто вдохновенное. Точно электрический ток ударил в толпу, она шарахнулась и сейчас же замерла на месте, точно пригвожденная ко кресту тех страданий, которые пред нашими глазами развертывал владыка, рисуя ужасы турецких злодеяний. Речь епископа лилась потоком, поражала неожиданностями и образностью, трогала сердца и волновала чувства до самой их сокровенной глубины. Гробовая тишина царила в соборе: среди вздохов и рыданий, да, рыданий! раздалось это веще слово, и дым фимиама, курясь, разносил в душу слушателей эти пламенные слова, эти потрясающие звуки. Всё было смущено, всё было взволновано и вознесено на высоту лучших человеческих помыслов. Губернатор, присутствовавший в церкви, видимо, переносил сильнейшее волнение: полицеймейстер, родом серб, стоял навывтяжку, и крупные слезы смочили его длинные седые усы, упавшие на грудь, увешанную орденами <...> Действительно, еп. Хрисанф принадлежал к числу выдающихся витий и ораторов церковных. К служебным обязанностям он относился с чувством правды и долга и всегда действовал искренно. По отношению к Астраханской пастве он всегда чувствовал себя связанным крепким союзом, тесным духовным родством»⁷.

Вот один интересный эпизод, уже в Нижегородской епархии, связанный с Максимом Горьким: «Единственным светлым пятном в воспоминаниях о школе был проезд епископа Нижегородского и Астраханского Хрисанфа, известного духовного писателя <...> Хрисанф обладал умным внутренним зрением на людей. Он выделил Алексея из класса, долго расспрашивал его, удивлялся его знаниям в

области житий и Псалтыри и, наконец, попросил его не «озорничать». Однако просьбу владыки Алеша не выполнил...»⁸. Эти детские воспоминания Горький описал в своей повести «Детство». Вот его первые впечатления: «...в школу неожиданно приехал епископ Хрисанф, похожий на колдуна и, помнится, горбатый.

Когда он, маленький, в широкой черной одежде и смешном ве-дерке на голове, сел за стол, высвободил руки из рукавов и сказал: «Ну, давайте беседовать, дети мои!» — в классе стало тепло, весело, повеяло незнакомо приятным»⁹.

Нижегородскую епархию епископ Хрисанф возглавлял недолго: с декабря 1877 по май 1879 г., т. е. около полутора лет. В начале 1879 г. в результате двух нервных ударов правая сторона тела была парализована. После трехмесячного отпуска он попросил об увольнении. Последние 4 года жизни он являлся настоятелем Московского Донского монастыря. После третьего удара, в ноябре 1883 г., на 51-м году жизни его не стало. Погребен он был в своем Донском монастыре.

Хрисанфу принадлежит много серьезных богословских трудов, среди которых наиболее важными и не теряющими своего значения являются следующие: «Религии древнего мира в их отношении к христианству: историческое исследование», «Характер протестантизма и его историческое развитие», «Христианское воззрение на брак и современные толки о семейном и общественном положении женщины», «Задача нравственного богословия как науки» и другие. Одна из этих книг — «Характер протестантизма и его историческое развитие»¹⁰ — хранится в библиотеке Тверского государственного университета, куда она попала из Тверской мужской гимназии.

Труды преосвященного выходили отдельными книгами и в периодических изданиях, кроме этого проповеди печатались в «Христианском чтении», «Православном обозрении» и «Епархиальных ведомостях», Астраханских и Нижегородских.

В настоящее время в Астраханском университете, в рамках своих курсовых работ, студенты изучают научное наследие епископа Хрисанфа. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва) разработал проект комментированного переиздания уникального религиоведческого исследования епископа Хрисанфа.

Наследие епископа Хрисанфа, история его жизни еще ждет своего исследователя и на тверской земле.

-
1. *Матисон А.В.* Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX вв.: родословные росписи. СПб, 2004. Вып. 3. С. 142.
 2. <http://www.np.kz/old/2004/20/sob6.html>
 3. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области: мартиролог 1937–1938. Тверь, 1999. Т. 1. С. 435.
 4. *Матисон А.В.* Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX вв.: родословные росписи. С. 144.
 5. <http://glossword.info> (8.11.11).
 6. Русский биографический словарь / издан под наблюдением Императорского русского исторического общества А. А. Половцова. СПб, 1901. Т. Фабер – Цявловский. С. 427.
 7. <http://www.ast-eparhia.ru/> (8.11.11).
 8. *Басинский П.В.* Страсти по Максиму: (документальный роман о Горьком)/<http://www.gramotey.com> (8.11.11).
 9. *Горький А.М.* Детство. Кишинев, 1976. С. 168–170.
 10. *Хрисанф (архим.)* Характер протестантизма и его историческое развитие. Вып. 1 (I–IV) / ректора С.-Петербургской духовной семинарии архимандрита Хрисанфа. Изд. 2-е, Кораблева и Сирякова. СПб: в типографии Ф.С. Сущинского, 1871. [2], II, 158, [1] с.

Забытый герой тверской земли

**Николай Степанович
Рыкачёв**

Тверской дворянин, бежечанин, Николай Степанович Рыкачёв отличился в сражении с турецкой армией во время Восточной войны 1853—1856 гг. (она же именуемая Крымской). Он служил в Тверском драгунском полку в должности командира второго дивизиона и имел чин подполковника. Он принадлежал к древнему роду, занесённому согласно определению Тверского дворянского депутатского собрания от 17 декабря 1795 г. в шестую часть родословной книги. Род Рыкачёвых внесён в родословные книги Ярославской, Новгородской, Рязанской и Таврической губерний.

Родоначальник этого рода по имени Угрим. В 1518 г. «по грамоте Великого князя Василия III Ивановича пожалована в кормление волость с правом ведать и судить всех людей той волости». Годы княжения Василия III относятся к 1505—1533 гг. Он ввёл изменения в административное деление своих владений: вместо пятин и станов учредил уезды и волости. Принимая во внимание расположение усадеб и деревень потомков Угрима, можно полагать, что волость, данная ему «в кормление», соотносится с Верховским станом Бежецкого Верха. Так, в Дозорной книге церковных приходов Новгородской кафедры в Бежецком Верхе дозора Долмата Тишнева находим: «В Городецком-уезде в Верховском стану в селе Васильеве Рыкачева церковь Николая Чудотворца, а другая церковь теплая Прасковья нареченная-пятница». А в следующем абзаце записано: «В том же Городецком стану... село Новое да 17 деревень... И то село и деревни в раздаче -за детьми боярскими...- (перечисляются имена и фамилии и последняя. — *Прим. автора.*), да Ивана Рыкачева две деревни». Как видно из этого, уже в начале XVI в. упоминаются фамилия Рыкачёвых и места их владений.

Все потомки Угрима служили великим князьям Московским, а затем и царям российским. Так, внуку Угрима, Фёдору Петровичу, «по

грамоте 1638 года царя Михаила Федоровича пожаловано поместье в вотчину в Бежецком уезде, а его сыну Ивану Федоровичу по грамоте царя Алексея Михайловича 1640 года пожаловано поместье в вотчину Бежецкого и Романов уездов». Сын последнего, Матвей Иванович был стольником, а затем воеводой в Пелыме в 1682 году.

Сын Матвея Ивановича, Иван Матвеевич (меньшой), имел чин бригадира*, у него было четверо сыновей: Василий, Иосиф, Марк и Семён. В данном контексте нас будет интересовать Семён Иванович, дед нашего героя. Семён Иванович, подполковник, участник 1-й русско-турецкой войны в царствование Екатерины II. Выйдя в отставку, он купил имение Еремково с деревнями Голубково и Попово Поддубьенской волости в Вышневолоцком уезде. По 4-й ревизии, которая состоялась в 1781 году, за ним состояло 380 душ мужского и 424 женского пола. Кроме того, он унаследовал от своего отца в Бежецком уезде селцо Борок и деревни Степушино Алешковской волости и Дорка Рыкачёва «Поречьской волости».

Семён Иванович женился на Матроне Ивановне Милуковой. У них было пятеро детей. Старший сын Николай, провиантмейстер, владелец имения Сретенское, потомства не оставил.

Дочь Екатерина, девица, умерла в 1818 г. в возрасте 45 лет, похоронена вместе с родителями в семейном некрополе в с. Поддубье. (ныне Удомельского района) на кладбище храма Покрова Богородицы, где в последующие годы были погребены многие другие потомки этого рода.

О дочерях Авдотье и Марфе сведений нет.

Второй сын Семёна Ивановича, Степан Семёнович, гвардии подпоручик в отставке, наследовал имение Еремково, женился на Надежде Логиновне, урождённой Манзей*. У них было пятеро дочерей и один сын.

О дочерях Прасковье и Елизавете сведений нет.

Дочь Мария Степановна вышла замуж за вышневолоцкого помещика Владимира Николаевича Пыжова. В селе Молдино Вышневолоцкого уезда при церкви Преображения Господня есть два памятника со стёршимися надписями. Вокруг них находятся другие памятники с фамилиями Пыжовых. Возможно, это надгробия Пыжовых Владимира Николаевича и Марии Степановны. Дочь Евдокия Степановна была замужем за отставным поручиком Николаем Карловичем Таунлей, прах их также покоится в Поддубье.

Дочь Анна Степановна унаследовала от своего дяди Николая Семёновича имение Сретенское Макаровской волости Вышневолоцкого уезда. Она осталась девицей и проживала вместе с матерью в имении Еремково, а в Сретенском держала управляющего.

Сын Степана Семёновича Николай Степанович детство своё провёл в

имении Еремково. В дворянской среде того времени мальчиков-отроков обычно записывали в воинскую службу. Когда ему исполнилось 17 лет, он вступил на службу уже в чине унтер-офицера в лейб-гвардии Преображенский полк в июне 1828-го, а через месяц и одну неделю в возрасте 49 лет скончался его отец. По завещанию Николаю Степановичу отошло имение Борок с деревнями Степушино и Дорка в Бежецком уезде. Заниматься имением он не мог, так как только что определился на службу и уехал в полк. За имением приглядывали родственники, а хозяйством занимался управляющий. После пятимесячной службы в полку, в ноябре, ему было присвоено воинское звание подпрапорщика. В русской армии чин подпрапорщика был введён Петром I в 1722 г. и просуществовал до 1917 г. Это звание присваивалось унтер-офицерам, выдержавшим установленный экзамен или отличившимся в боях. Николай Степанович успешно сдал экзамен и получил этот чин. В апреле 1830 г. он был переведён юнкером в лейб-гвардии Уланский полк. «Юнкер» в переводе с немецкого — «юный дворянин». В русской армии в XVIII — XIX вв. унтер-офицер из дворян имел право на льготный срок выслуги при присвоении первого офицерского чина в кавалерийских полках после сдачи вступительного экзамена. Прослужив два года, при положительной аттестации он получал первый чин офицера. Надо отметить, что с этого времени вся дальнейшая служба Николая Степановича была связана с кавалерией. Возможно, перевод его в кавалерию был инициирован с его стороны.

В конце 1830 года в Варшаве вспыхнуло восстание, генерал-губернатор царства Польского цесаревич Константин Павлович едва избежал расправы заговорщиков. В начале 1831 г. император Николай I направил в Польшу армию во главе с графом Дибичем-Забалкадским. Он нанес польским войскам сильное поражение у с. Грохова. Но в связи с эпидемией холеры военные действия затормозились, а цесаревич Константин и граф Дибич скончались от холеры. Новым командующим армией был назначен граф Паскевич. Он быстро и энергично подошёл к Варшаве и взял её штурмом, затем загнал остатки польских войск в Пруссию и Австрию. Польша была покорена и лишилась своей конституции.

Николай Степанович, находясь в составе Уланского полка, участвовал в сражениях в Польше. За проявленную храбрость в деле у села Грохова был удостоен знака отличия военного ордена Св. Георгия Победоносца 4-й степени № 61820.

За участие в штурме Варшавы удостоен польского знака военного достоинства 4-й степени. А 25 июня 1891 года досрочно, через год и два месяца, за военное отличие произведён в корнеты — первый офицерский чин в кавалерии.

В сентябре 1833 г. по истечении срока пребывания в предыдущем чине произведён в подпоручики. В ноябре 1834 года его назначают адъютантом к начальнику Первой легкокавалерийской дивизии, но буквально через два с половиной месяца, в конце февраля 1835 г., он возвратился «во фронт», то есть в строй, на строевую службу. Вероятно, служба адъютантом «на побегушках» была ему не по душе. И уже в 1835 году за отличие он был произведён в штабс-ротмистры, а через год удостоен ордена Святой Анны 3-й степени за беспорочную восьмилетнюю службу. По прошествии трех лет и четырех месяцев, в марте 1839 года, произведён в ротмистры по истечении срока пребывания в предыдущем чине.

Как записано в послужном списке Николая Степановича, 18 февраля 1841 года он «уволен от службы за раною». Он едет в свое село Борок, где поправляет свое здоровье и занимается обустройством поместья. Потребовались дополнительные средства, и он решает заложить имение в Санкт-Петербургский опекунский совет для получения надбавочной ссуды денег. Но так как «по слабости здоровья и другим обстоятельствам» сам он не мог заняться этим делом, он даёт доверенность своему дворовому человеку Якову Абросимову «с правом подавать от его имени прошение и другого рода бумаги в присутственные места и к начальствующим лицам. Расписываться где нужно вместо него в получении бумаг. По поручении из тверской гражданской палаты свидетельства достав оное мне. Подлинное подписал помещик твой уволенный от службы подполковник Рыкачев».

Доверенность была подписана в апреле 1844 года, но только в январе 1846 года было утверждено описание имения, необходимое для получения свидетельства, и «я, Абросимов смог получить его и доставить своему помещику».

Во время своего пребывания в имении Николай Степанович женился на Аделаиде Антоновне. К сожалению, установить, из какого рода она происходит, не удалось. У них было три дочери и сын Николай рождения 1847 года; дочери: Аглаида 1843 года, Надежда 1844 года и Александра 1849 года.

В декабре 1848 года Николай Степанович вновь определяется на службу. Его принимают по-прежнему ротмистром в лейб-гвардии Уланский полк.

В апреле 1849 года, ровно через четыре месяца после убытия на службу, родилась его третья дочь Александра.

В мае 1849 года он произведён в подполковники в Тверской драгунский «Е.И.В. Великого князя Михаила Павловича полк». А в сентябре по случаю кончины великого князя в полк был назначен новый шеф — великий князь Николай Николаевич, и полк

начинает именоваться его именем. Этот полк с 1828 года был расквартирован в городе Белгороде, куда и убыл подполковник Рыкачёв и вступил в командование вторым дивизионом полка. В 1849 г. в Венгрии вспыхнуло восстание против австрийской монархии, во главе восставших стоял национальный политический деятель Лайош Кошут. В восстании принимал активное участие известный венгерский поэт Шандор Петефи. По просьбе австрийского императора Франца-Иосифа русский император Николай I направил корпус под командованием графа Паскевича. В состав корпуса был включён второй дивизион подполковника Рыкачёва. Паскевич подавил восстание и восстановил австрийскую власть. Подполковник Рыкачёв был участником боевых действий и за доблесть и отвагу удостоен ордена Св. Анны с короной 2-й степени. Весной 1850 года дивизион Николая Степановича вернулся к месту расквартирования в г. Белгород.

В середине XIX века между великими державами обострилась борьба за господство на Ближнем Востоке. Великобритания и Франция стремились расширить себе рынки сбыта. К ним примкнула Турция, которая надеялась с помощью союзников отторгнуть от России Крым и Кавказ. Началась Восточная война (Крымская) 1853—1856 гг. Боевые действия развернулись на Балканском, Крымском и Закавказском театрах военных действий. В это время в Закавказье действовал корпус генерала князя В.О. Бебутова численностью десять тысяч человек. Кроме того, на Северном Кавказе Россия вела борьбу против горских народов, возглавляемых имамом Шамилем. Возникла необходимость усилить Кавказский отдельный корпус дополнительным числом вооружённых бойцов.

В ноябре 1853 г. Тверской драгунский полк получил «Высочайшее повеление» выступить в поход на усиление Кавказского корпуса. Шестого декабря, после молебствия и прощания с жителями на городской площади Белгорода, полк в полной походной форме выступил на Кавказ. В то время стояла суровая зима, бушевали метели и вьюги, но благодаря заботам отцов-командиров больных среди драгун не было.

Через пять месяцев и одну неделю, 12 мая 1854 г., Тверской полк благополучно достиг г. Александрополя на пограничной реке Арпачай в Закавказье (в советское время г. Ленинакан Армянской ССР).

Войска, предназначенные для ведения боевых действий, 24 июня 1854 г. сосредоточились у села Кюрюк-Дара, отстоящего в 33 верстах от Александрополя и в 18 верстах от лагеря турецких войск. Через месяц, 24 июля, началось знаменитое Кюрюк-Даринское сражение. Турки открыли усиленный артиллерийский обстрел позиций русских войск, особенно губительно действовал огонь 12-й орудийной батареи. Тверские драгуны получили приказ начать атаку на эту бата-

рею. Командир полка полковник Куколевский построил полк в две линии, в первой — второй дивизион подполковника Рыкачёва, первый дивизион майора Лоде и пятый дивизион полковника Спицына, Во второй — третий дивизион подполковника барона Корфа и четвёртый дивизион майора Лошакова. Вот как описывает это сражение историк Тверского драгунского полка Борис Спиридонович Эсадзе:

«Драгуны мчались молча, без «ура», равняясь как на параде. Батарея была тверцов картечью и с фронта, и с фланга. Турки не выдержали безмолвной атаки. Прикрытие батареи было отброшено, прислуга орудий изрублена, драгуны ворвались на батарею. Первыми среди них были подполковник Рыкачёв и штабс-капитан Желенков. Из 12-ти орудий восемь были в руках тверцов, ещё четыре орудия обезумевшие лошади унесли в неприятельский лагерь. В это время из-за горы показалась вражеская кавалерия, мчавшаяся карьером к взятой тверцами батарее, и уже начали обходить их с тыла. Первым увидел вражеских всадников полковник Куколевский, который выскочил вперёд, подал сигнал, шашкой: «Стройся, за мной!» Драгуны быстро собрались и понеслись в атаку на противника, врезались в их ряды и начали рубить и преследовать противника. Полковник Куколевский, находившийся всё время впереди, был ранен в руку, но остался в строю. Был момент, когда турки окружили командира полка, но подоспевшие драгуны отбили неприятельские удары и спасли жизнь своему командиру. Вражеская кавалерия неоднократно предпринимала атаки, наседая на тверцов, у которых люди и лошади утомились, но не смотря на это продолжали храбро сражаться. Командир полка семь раз водил драгун в атаку, последняя атака была решающей, драгуны также лихо продолжали рубить и колоть врага и он не выдержал, отступил. Победа была полной, но и потери были значительные. Много тверцов в этот день легло на поле брани, много было и ранено.

Большая заслуга тверцов была в том, что они без помощи пехоты долго и упорно сражались с противником. Лошади их были без водопоя 14 часов, а карьером сделали более 20-ти вёрст. Беспримерные лихие атаки тверцов обеспечили русским войскам блистательно окончить Кюрюк-Дарийнское сражение». За это сражение командир полка полковник Куколевский произведён в генерал-майоры и награждён золотой саблей, на клинке которой с одной стороны написано: «В память достославных подвигов оказанных в Кюрюк-Даринском деле 1854 июля 24 дня», а на другой — «Полковому командиру».

По представлению главной кавалерственной думы от 28 декабря 1854 г. «Высочайшим указом» от 2 февраля 1855 г. были удостоены высшего военного ордена Св. Георгия Победоносца 4-й степени* подполковник Рыкачёв и штабс-капитан Жиленков*. Награждены

26 офицеров: различными орденами — 11, 24 офицерам присвоены очередные воинские звания, 99 унтер-офицеров и рядовых удостоены знака отличия военного ордена Св. Георгия.

Государь Император пожаловал Тверскому драгунскому полку Георгиевский штандарт с надписью: «За отличные подвиги в сражении при Кюрюк-Дара 24 июля 1854 г.» — при особом «Высочайшем рескрипте» (грамоте). Шесть геройски погибших офицеров полка были погребены на «Холме чести» Александропольского кладбища. Это командиры дивизионов: первого — майор Лоде Алексей Егорович, третьего — подполковник барон Корф Оскар Алексеевич, пятого — полковник Спицын Семён Петрович, офицеры: штабс-капитан Савич, поручик Ивлев, прапорщик Хоецкий. Там же покоится прах поручика Войнаховского, позднее умершего от ранения.

Под стенами крепости Карс был смертельно ранен командир Тверского полка генерал-майор Куколевский Иосиф Михайлович, который также погребён на «Холме чести» рядом со своими офицерами. «Холм чести» был обустроен на средства офицеров полка.

По окончании Восточной войны в 1856 г. было решено оставить в составе Отдельного Кавказского корпуса войска, прибывшие из России в начале войны. Они были использованы для ведения военных действий против горцев в Дагестане, Чечне и на Западном Кавказе (Закубанская область между рекой Кубанью и побережьем Чёрного моря).

Кроме того, 3 апреля было объявлено «Высочайшее повеление» сформировать ещё два новых драгунских полка и назвать их Северским и Переяславским. Командиром последнего назначен полковник князь Абамелек, а штаб-квартира — слобода Воронцовка, Александропольского уезда Эриванской губернии. Шефом полка император Александр II назначил своего второго сына Александра, будущего императора Александра III, и полк стал называться Переяславским драгунским Е.И.В. великого князя Александра Александровича полком. Однако князь Абамелек вскоре был отчислен и вернулся обратно в лейб-гвардии гусарский полк. Вместо него назначен полковник Андрузский, но он так и не прибыл в полк. Тогда командир бригады, в которой состоял Переяславский полк, назначил комиссию во главе с подполковником Рыкачёвым и приказал заняться формированием полка. Из Тверского полка были переведены: штаб-офицеров — 4, обер-офицеров — 10, унтер-офицеров — 68, рядовых — 249, нестроевых — 44, лошадей — 161. Из Новороссийского полка были переведены весь личный и конский составы: 758 рядовых, 32 обер-офицера, 47 унтер-офицеров, оставшийся личный состав был направлен в Россию пешим строем.

Много пришлось офицерам потрудиться для приёма большого количества людей, лошадей и имущества, но к 17 октября 1856 г. работа

была завершена. Это был фактически первый день существования нового полка. В двадцатых числах полк перешёл на зимние квартиры. Подполковник Рыкачёв проявил недюжинные организаторские способности по формированию полка и организации обучения личного состава. По факту он был исполняющим обязанности командира полка вплоть до марта 1857 г. Только

23 марта 1857 г. прибыл третий командир полка, назначенный из «Кавалергардского Ея Величества Императрицы Марии Александровны полка» флигель-адъютант полковник граф Толь. Граф Толь нашёл личный состав здоровым, конский состав в хорошем виде, полковое хозяйство в полном порядке. Приняв полк, он в приказе по полку № 88-1857 г. отметил: «Я нашёл полк в столь прекрасном состоянии и виде, что поставил себе приятным долгом изъяснить мою полную признательность командовавшему полком г. подполковнику Рыкачёву, распорядительностью которого и заботливостью о вверенной ему части только и можно было привести всё в это подобное отличное состояние и притом в столь короткое время».

По предписанию начальника Кавказской гренадёрской дивизии № 249 от 27 мая 1857 г. Переяславский полк выступил к месту новой штаб-квартиры в урочище Царские Колодцы. Девятого июня полк прибыл в указанный пункт дислокации и временно разместился в палатках, а лошади стали в конюшнях. Началась заготовка сена и постройка конюшен. В дальнейшем Переяславский полк принял участие в военных действиях с горскими племенами на Северном Кавказе. На этом следы Николая Степановича теряются. В краткой истории Переяславского полка его фамилия больше не упоминается и в списках командиров дивизионов его также нет. В апреле 1857 г. ему исполнилось 46 лет (р. 3.04.

1811), за плечами двадцать два года службы в походах и сражениях, ранение и длительное восстановление после него. Всё это, очевидно, подорвало его здоровье, можно предположить, что он вышел в отставку. Где закончил свою жизнь герой Кюрюк-Даринского сражения, осталось неизвестным.

В его жизни остались невыясненными ряд обстоятельств:

- на декабрь 1853 г., когда он с полком выступил в поход на Кавказ, в его послужном списке было записано, что он вдовец, его жены Аделаиды Антоновны в этом мире уже не было;

- из какого рода происходит Аделаида Антоновна, также неизвестно; просмотрев 1429 фамилий тверских дворян в родословной книге, выявил всех Антонов, но ни у одного из них дочери по имени Аделаида не обнаружил;

- его сын Николай (р. 28.03.1847 года) в послужном списке не

записан, однако дочь Александра, родившаяся на два года позднее, записана; возможно, с сыном что-то произошло;

— его деревня Дорка Рыкачёва в 1858 г. уже имела другого владельца Самсонову Елизавету Павловну, которая в этом году обращалась в опекунский совет за ссудой;

— просмотр московского, петербургского и провинциального некрополей результатов не дал, обнаружить их захоронений не удалось.

— о дочерях Аглаиде (р. 29.03.1843, в личном деле указано рождение 22.04.1843) и Александре (р. 13.04.1849) сведений также нет. Обнаружить удалось только среднюю дочь, Надежду Николаевну (в замужестве Василисину (17.01.1844 — 30.11.1898), похоронена на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге вместе с мужем Николаем Николаевичем Василисиным (04.06.1841—18.09.1884).

Где покоится прах героя Кюрюк-Даринского сражения и его жены Аделаиды Антоновны, остаётся пока неизвестным. Поиск продолжается.

1. Статистический сборник. Т. VI, вып. 1. Издат. Тверского губернского земства. М., типография-литография Кушнарёва И.Н. и К^о, 1891. С. 4.

2. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3. Битовые книги Бежецкой пятины XVI века. Составитель К.В. Баранов. М., «Древлехранилище», 2001. Прил. №3. Дозорная книга церковных приходов Новгородской кафедры в Бежецком Верхе дозора Долмата Тишнева.

3. Русский провинциальный некрополь. Т. I. М., Типо-лито Товарищество И.Н.Кушнарёв и К^о, 1914,

4. *Смирнов Ю.М.* Новгородские волости на Мологе. (Записки тверских краеведов № 1)// «Русская провинция», 1997 (Новгород). С. 31.

5. Краеведческий альманах «Бежецкий край». Вып. № 1. Постников И.Н. Бежецкий Верх. Историкогеографический очерк. С. 21—35.

6. Родословная книга Тверских дворян и приложение к ней. 1787—1869 годы. Составитель Чернявский.

7. Тверские драгуны на Кавказе. Восточная война. 1853—1856 гг. Составители Эсадзе Б. и Эсадзе С. Под редакцией генерал-лейтенанта Чернявского.

8. Краткая история 46-го Драгунского Переяславского Императора Александра III полка. Командир второго эскадрона Г.Ш. капитан А.И. Мартынов. СПб, 1899.

9. ГАТО (Государственный актив Тверской области). Ф. 59. Оп. 1. Д. 2314. Описание, составленное для получения ссуды в СПб в опекуном совете 9 января 1845 г. Владелец Рыкачёв Н.С. полковник (сельцо Борок, дер. Дорка, Степушино Бежецкого уезда).

10. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 89, 16 листов. Описание имения Дорка Поречской

волости. Владелец Самсонова Елизавета Павловна. 1858 г.

11. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 494, 16 листов. Описание имения Еремково Поддубской волости Вышневолоцкого уезда. Владелец Рыкачёва Надежда Логиновна, Таунлей Евдокия (Авдотья) Степановна (её дочь) 1858 год.

12. ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2666. Л. 4–5. Описание дер. Голубково и Попово, ходивших в состав имения Еремково, для получения ссуды. 1858 г.

13. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 419. 16 л. Описание имения Сретенское Макаревской вол. Вышневолоцкого уезда. 1858 год. Владел. Рыкачёва Анна Степановна, девица.

*Бригадир — офицерский чин, промежуточный между полковником и генералмайором. В русской армии введён Петром I в 1722 г., упразднён Павлом I в 1799 г. Русский военноисторический словарь. М., ОлмаПресс, 2002 .

*Манзей Логин Михайлович, статский советник, владелец имения Боровно в Вышневолоцком уезде.

*Дибич Иван Иванович (Иоган Карл Фридрих Антон) 2 (13) 05.1786—29.05. (10.06) 1831, генерал-фельдмаршал (1829). Сын прусского офицера, перешедшего в 1798 г. на русскую службу. Учился в Берлинском кадетском корпусе. На русскую службу зачислен прапорщиком в 1801 г. Участник войн с Францией в 1805—1807, 1812—1814 гг. Командующий армией в русско-турецкую войну 1828—1829 гг.; Георгиевский кавалер четырех степеней.

*Паскевич Иван Фёдорович. 8 (19). 05.1782—20. 01 (01.02) 1856. Генерал-фельдмаршал (1829). В 1800 окончил Пажеский корпус. Участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813—1814 гг., русско-иранской войны 1826—1828 гг., русско-турецкой 1828—1829 гг. Во время Крымской войны главнокомандующий войсками на Дунае. Полный Георгиевский кавалер всех четырех степеней. Русский военно-исторический словарь. М., Олма-Пресс, 2002.

* Награждённый любой степенью ордена Георгия автоматически производился в следующий чин.

Кузнецов. Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., «Современник», 1998.

Педагог с большой буквы

**Мстислав Владимирович
Семёнов**

Мстислав Владимирович Семёнов отдал скрипичной педагогике всю жизнь, проработав в Бежецкой музыкальной школе двадцать лет, с момента её основания и до своего ухода на пенсию. За это время он подготовил несколько сотен юных бежецан-скрипачей, ныне разбехавшихся в разные концы бывшего СССР. Подготовил себе и педагогическую замену в лице Галины Алексеевны Виноградовой (Демичевой), бывшей лучшей своей ученицы.

Некоторые из его учеников стали профессиональными музыкантами, большинство же приобрели иные профессии. Однако ни для кого учёба в музыкальной школе не оказалась бесполезной. Ученики М.В. Семёнова до сих пор помнят своего учителя, помнят годы, проведенные в скрипичном классе, когда они приобщались к миру высокой музыки и трудились в игре на скрипке. Самозабвенно и добросовестно, как он сам.

Бежецк — Харбин — Бежецк

Мстислав Семёнов родился в годину неслыханных перемен, отмеченную в истории числом 1917. Он появился на свет в Екатеринбурге, в семье русских интеллигентов. Отец, Владимир Васильевич Семёнов, служил помощником присяжного поверенного. Мать, Анна Николаевна (урожд. Шеманаева), давала уроки немецкого языка. Она вышла из многочисленной и дружной семьи, основатели которой значились солидными бежецкими купцами; согласно архивным данным, Анна Шеманаева родилась в 1888 году и была третьим ребенком в семье. Торговля железными, скобяными и москательными товарами была главным занятием братьев Шеманаевых. В конце XIX века крепкие двухэтажные дома один за другим выросли в Бежецке — на Садовой и Завражной улицах, в Благовещенском переулке. У Николая Дмитриевича Шеманаева и Лидии Васильевны Потаповой детей было десятеро.

Девочки традиционно учились в Петербурге: либо на Высших женских Бестужевских курсах, либо на курсах иностранных языков. Известно, что петербургские курсы окончили Анна, Елена, Мария и Лидия Шеманаевы. Мальчики Дмитрий и Алексей учились в университетах, старший сын Василий занялся торговлей и пошёл по стопам отца — стал купцом.

Когда Анне исполнилось 17 лет, отец умер. Пришлось помогать матери по дому, по хозяйству; кроме того, в обязанности Анны входили занятия с младшими братьями и сёстрами: она готовила с ними уроки. Сама Аня к тому времени уже окончила гимназию. Училась она прекрасно — в гимназическом аттестате стояли только хорошие и отличные оценки. По окончании гимназии Анне была вручена серебряная медаль и присвоено звание учительницы начального училища, с правом преподавания на дому.

О счастливом детстве в семейной усадьбе сохранились воспоминания самой младшей дочери Шеманаевых, Антонины: «В зал ведут две двери, из коридора и из гостиной. Двери двустворчатые — в одни мы входили с <братом> Лёшей, в другие выходили — кругом! <...> В зале, в кресле сидит папа около овального стола с выгнутыми ножками. На столе большой слон, серый и блестящий, с корзиной на спине и с проводником на голове. Проводник с молоточком, а в корзине лежат душистые папиросы для гостей. <...> Папа <Николай Дмитриевич Шеманаев> болен. На столе, на тарелочке возле него лежит большая груша. Мы с Лёшей входим. Папа подзывает нас, берет нож, разрезает грушу пополам и даёт каждому по половине. Мы <...> берём, выходим из зала, останавливаемся у печки; Лёша молча смотрит на меня, а потом говорит: "Папа больной, а грушу нам отдал"».

Приведу еще один эпизод из воспоминаний Антонины Николаевны Шеманаевой: «Меня готовит в гимназию Аня. Я худо написала диктант, и Аня поставила мне «2». С рёвом несусь вниз, где лежит больная мама <Лидия Васильевна Шеманаева>. Мама слышит мой рёв и говорит: «Тонюшка, кто тебя?» Я с готовностью: «Меня? Аня!». «Что ж она?» — спрашивает мама. <...> «Я написала хорошо диктант, а она поставила мне "2"». «Ну, иди, позови мне Аню», — говорит мама. <...> Аня идёт к маме, и та ей говорит: «Аня, Тошка маленькая, ревёт... Поставь ей что-нибудь побольше!» «Ладно, мама». <...> Аня берет мою тетрадку, зачеркивает двойку и ставит «5». При виде пятёрки я снова в рёв: «Я написала худо, а ты мне пять! Ты издеваешься надо мной!» Аня смеётся.

Чем закончилась эта трагикомедия, не помню, но на вступительных экзаменах в гимназию я получила "5"».

По традиции вся семья по праздникам посещала храм — церковь Св. Иоанна Богослова, где священником служил о. Иоанн Постников,

который одновременно являлся и семейным духовником Шеманаевых. Он крестил всех новорожденных младенцев семьи.

В 1914 г. Анна решает покинуть родовое гнездо и уезжает учиться в Петербург. Вскоре последовало замужество — её избранником стал Владимир Семёнов, юрист по профессии. Он служил в Екатеринбурге, и Анна переехала к нему. У Семёновых родился сын Мстислав.

Возможно, отец Мстислава работал служащим на Китайско-Восточной железной дороге — этим можно объяснить внезапный переезд семьи из Екатеринбурга в Харбин. В одном газетном интервью Мстислав Семёнов рассказал, что оказался в Харбине в двухлетнем возрасте, т. е. в 1919 году¹.

В начале XX века основное население Харбина составляли русские. Это были служащие КВЖД и разного рода эмигранты из России. Именно они превратили Харбин в типично российский город губернского масштаба, большой и красивый, в котором всё было устроено по российскому образцу. Бывшие россияне организовали школы и гимназии; понимая необходимость музыкального образования для своих детей, открывали для них бесплатные музыкальные классы.

Мстислава привлекала биология, и он сблизился с известным учёным-ботаником Александром Дмитриевичем Воейковым, жившим в то время в Харбине. Вместе они бродили по окрестностям, собирая растения для гербариев. Именно там летом 1933 года обоих схватили и похитили хунхузы². От родителей Славы (так звали Мстислава друзья и родные), а также от родственников А.Д. Воейкова хунхузы потребовали выкуп.

Возможно, именно этот случай описывает писательница Наталья Ильина в своей книге «Дороги и судьбы»³: «Августовским поздним вечером в нашу дверь постучали, затем вошёл молодой китаец, очень опрятный, в голубом шёлковом халате, и, сняв соломенную шляпу, поклонился, улыбнулся, протянул моей матери вчетверо сложенный грязный листок... Мать недоумённо развернула его, поднесла к близоруким глазам. И тут же громко, сердито: «Что это? Кто Вы такой?» — «Мы хунхуза», — и китаец улыбнулся скромной, но полной достоинства улыбкой. А на грязном листке карандашом, почерком дяди Шуры, нацарапано: «Катя! Слава и я у хунхузов. Держат в яме...»⁴.

Впоследствии Мстислав вспоминал: отец продал всё, что имел, чтобы заплатить выкуп за сына. Юношу продержали в яме 16 дней в голоде и холоде. Его часто били, от боли он терял сознание. А.Д. Воейкова отпустили гораздо позже, когда его родным удалось собрать нужную сумму. Воейков был весь в язвах: хунхузы тушили о него сигареты. Впоследствии Александру Дмитриевичу удалось выжить после перенесённого воспаления лёгких и длительного курса лечения в больнице⁵.

Этот драматический случай только укрепил юношу Мстислава Семёнова в стремлении вернуться в Россию, о которой так много рассказывала мать. Как волшебная сказка, как земля обетованная представляла Русь в её рассказах: деревянные избы, украшенные резьбой, утопают в шуме берёзовой листвы; цветут яблоневые сады, в них ночь напролёт поют-заливаются соловьи; весёлые хороводы и задумчивые песни крестьян на окраине деревни слышны далеко вокруг...

Я думала, Россия — это книжки.

Всё то, что мы учили наизусть.

А также борщ, блины, пирог, коврижки

И тихих песен ласковая грусть.

И купола. И темные иконы.

И светлой Пасхи колокольный звон.

И эти потускневшие погоны,

Что мой отец припрятал у икон.

Все дальше в быль, в туман со стариками.

Под стук часов и траурных колес.

Россия — вздох. Россия — в горле камень.

Россия — горечь безутешных слез, —

писала поэтесса Ларисса Андерсен (Лариса Николаевна Баранова), оказавшаяся в харбинской эмиграции с самого начала 1920-х годов.

В Харбине Мстислав поступил в музыкальный техникум, в класс скрипки. Впоследствии он говорил, что учился в одно время и вместе с Олегом Лундстремом⁶.

Сам Лундстрем вспоминал об этом времени: «В 1920-е годы в Харбине, в обычной советской школе на КВЖД были бесплатные музыкальные классы для учеников. Любой мог по выбору учиться на скрипке, на фортепьяно, на виолончели. Я только в 12 лет и начал там заниматься музыкой, мы с братом Игорем занимались дважды в неделю»⁷. Поскольку для поступления в техникум в класс скрипки требовалась предварительная музыкальная подготовка, есть основание предположить, что Мстислав Семёнов также посещал эти бесплатные музыкальные классы.

В 1932 г. Лундстрем поступает в Харбинский политехнический институт и параллельно становится студентом Харбинского музыкального техникума для советских граждан по классу скрипки.

«Среди учебных заведений Маньчжурии особой славой пользовался музыкальный техникум в Харбине. Молодежь, обучавшаяся в нем, постигала премудрости музыкального мастерства под руководством опытных педагогов: С.А. Батуриной, В.А. Вительс, Е.М. Файерман-Гликиной, А.М. Шаевского, З.Н. Зискинда и других. Директором техникума была известная пианистка и педагог Л.Б. Аптекарева — человек энергичный, обладающий

большими организаторскими способностями. По воспоминаниям выпускницы техникума, а затем Новосибирской консерватории В.В. Белоусовой, ей удалось вдохнуть жизнь в свое любимое детище. Аптекарева создала в техникуме атмосферу подлинной любви к музыке и беззаветного служения искусству. Она постоянно участвовала в камерных ансамблях, выступала с сольными концертами и считалась лучшим оперным концертмейстером. Ее игра была яркой, темпераментной и предельно эмоциональной.

Почти все педагоги являлись талантливыми артистами. Так, преподаватель пения С.А. Батурина обладала необычайной силы и красоты голосом (сопрано) и блистала в оперных спектаклях. Преподавателем-вокалистом был В.А. Вительс, обладавший баритоном красивого тембра. Класс фортепиано вела сама Аптекарева, а также Файерман-Гликина. Они имели большое количество учащихся и регулярно устраивали отчетные концерты своих классов.

Два оперных дирижёра, В.В. Великанов и В.М. Каплун-Владимировский, помимо дирижирования в симфоническом оркестре, вели музыкально-теоретические предметы. Великанов устраивал походы студентов в оперный театр, имея возможность познакомить их со всеми операми, входившими в репертуар труппы Харбина тех лет. Кроме опер, у студентов была возможность посещать камерные концерты, в которых всегда блистала Л.Б. Аптекарева. Ее достойными партнерами были скрипач А.М. Шавевский и виолончелист З.Н. Зискинд; они исполняли сонаты и фортепианные трио Грига, Аренского, Чайковского, Рахманинова и др.

В 1935 г. музыкальный техникум в Харбине закрылся в связи с отъездом в СССР почти всех его педагогов. В 1937 г. Л.Б. Аптекареву расстреляли, как и большинство вернувшихся. Приговор был один на всех — "шпионаж в пользу Японии"⁸.

Юношей Олег Лундстрем учился игре на скрипке в классе преподавателя Кенига. Об этом педагоге не удалось найти никаких данных, известно лишь, что он был российским эмигрантом. Если предположить, что Семёнов также обучался в классе Кенига, придётся признать, что именно Кениг сыграл в педагогической судьбе Мстислава определяющую роль. Возможно, от своего учителя Семёнов перенял ту необыкновенную педантичность в занятиях и требовательность в отношении выполнения учебных заданий, которые впоследствии отмечали все его ученики.

Можно также предположить, что музыкальный вкус Кенига распространялся только на академическую музыку. Этим можно объяснить необыкновенную преданность Мстислава музыкальной классике — джаз, в который с упоением погрузился О. Лундстрем, Семёнов категорически не принял. До конца жизни он с пылкостью молодости критиковал легкую развлекательную музыку,

считая ее средством оболванивания неискушённых умов и обесценивания высокого музыкального искусства.

«1923—1933 гг. были настоящим расцветом музыкальной жизни Харбина. Этому способствовало открытие оперного театра в здании Харбинского железнодорожного собрания. Главная заслуга в его организации принадлежала артисту СССР Арию Моисеевичу Пазовскому, приехавшему из Москвы по приглашению КВЖД (1928). Сюда были приглашены лучшие силы из ведущих оперных театров СССР: Оржельский, Бригиневиц, Книжников, Ахромеева, Батурина и др.

Свой творческий путь в этом театре начинал С.Я. Лемешев.

Оперы чередовались с опереттами. Вместе с А.М. Пазовским приехали и ведущие музыканты. Концертмейстером оркестра были Н.А. Шиферблат, И.Ф. Кениг, И.С. Оруп. Оркестр возглавлял известный скрипач в СССР А.Б. Гильзберг. Оперный репертуар был огромный: «Севильский цирюльник», «Травиата», «Князь Игорь», «Демон», «Царская невеста», «Иван Сусанин», «Кармен», «Садко», «Руслан и Людмила» — более 26 наименований»⁹.

С конца 1930-х гг. Харбин оккупировали японцы, и Мстислав перебрался в Шанхай. Идея возвращения в Россию стала его заветной мечтой. С самого начала войны Семёнов рвался на фронт воевать с немцами. Однако получить разрешение на въезд в СССР было невозможно, и пришлось ждать окончания военных действий. Один за другим уходят из жизни родители — мать в 1944-м, отец в 1945 г. Отныне Мстислава Семёнова уже ничто не удерживает в его стремлении вернуться в Россию.

В Шанхае Мстислав познакомился с Ниной, своей будущей женой. Нина Михайловна также родилась и выросла в семье российских эмигрантов. Её родственники тоже жили в России, в районе Куйбышева. В Шанхае Нина окончила французскую муниципальную гимназию Реми и хорошо владела английским и французским языками. Мстислав и Нина стали мужем и женой — кроме взаимной любви их объединяло патриотическое желание жить и работать в России, быть полезными ей.

В это время в СССР разворачивается мощная идеологическая кампания по репатриации из Китая. Российских эмигрантов агитируют принимать советское подданство и добровольно возвращаться на историческую родину. Репатриантам было объявлено, что на них будут распространяться все права граждан СССР, в т. ч. и избирательное. Жизнь советских людей преподносилась в радужном свете. И только потом, по возвращении, многих репатриантов ждало жестокое разочарование, зачастую сопровождавшееся арестами и репрессиями.

В августе 1947 года Мстислав Владимирович Семёнов вместе с женой Ниной Михайловной и тётушкой Антониной Николаевной Шеманаевой прибыл в СССР на пароходе «Ильич» вместе с первой

партией из тысячи других возвращенцев, ехавших из Шанхая. Ему повезло: без всяких препятствий он вскоре оказался на своей исторической родине, в городе Бежецке Калининской области.

Обретённая родина

Первые годы пребывания в Бежецке М.В. Семёнов преподавал в педагогическом училище биологию и вёл там музыкальные занятия. В 1957 г. открылась Бежецкая музыкальная школа, и он перешёл работать туда. В школе Мстислав Владимирович проработал вплоть до своего ухода на пенсию в 1977 году.

В 1950—1960-х гг. профессия учителя музыки в музыкальной школе представлялась большинству людей весьма престижной. Считалось, что игра на музыкальном инструменте — дело благородное и почётное, и каждый родитель стремился к тому, чтобы его дитя обучалось музыке. Поэтому при поступлении ребёнка в музыкальную школу надо было пройти большой конкурс, который выдерживали самые одаренные в музыкальном отношении дети.

Обычно в музыкальную школу поступали со второго класса общеобразовательной, когда ребёнок вполне освоился со школьным режимом занятий. Уроки по специальности бывали два раза в неделю; кроме них один день отдавался музыкально-теоретическим предметам, сольфеджио и музыкальной литературе. Обязательными для посещений были также занятия по хору, а для скрипачей и баянистов еще и по ансамблю. Получалось, что все дни недели у ребёнка были фактически заняты.

В музыкальной школе Бежецка было открыто также и вечернее отделение для взрослых. По классу фортепиано его окончила жена М.В. Семёнова Нина Михайловна. Несколько лет она работала музыкальным воспитателем в Бежецком детском комбинате № 5.

Спустя много лет все мы, бывшие выпускники музыкальной школы¹⁰, сполна оценили преимущества советской системы музыкального образования первого звена. Оно было комплексным и воздействовало на детские умы и души в разностороннем объёме. Поскольку занятия в музыкальной школе были большей частью индивидуальными, они гарантировали хорошее качество и основательность подготовки. Ученик играл произведения программы наизусть — только в этом случае он мог продемонстрировать свою работу экзаменационной комиссии.

Ребёнка, окончившего музыкальную школу, всегда можно было отличить по серьёзности и внимательности, с которыми он относился к выполнению любой работы, по чувству ответственности за неё. Выпускникам школы прививались качества добросовестности и тщательности: без них невозможно было играть на музыкальном инструменте.

Привычка внимательно слушать себя во время игры обеспечивала такое же внимание к окружающим и некий самоанализ не только своего исполнения, но и поведения.

И все же... во времена весёлого детства так хотелось погулять со сверстниками, а на это времени обычно не оставалось! Задания по специальности давались даже на летние каникулы: требовалось не только разобрать по нотам программу из нескольких музыкальных произведений, но и выучить её наизусть. В августе, когда большинство одноклассников беззаботно проводили время во дворе и на улице, ученики «музыкалки» добросовестно зубрили заданную программу на фортепиано, баяне или скрипке!

Мало сказать, что класс Мстислава Владимировича Семёнова был большим — он был просто гигантским! В некоторые годы количество учеников в его классе приближалось к пятидесяти. Неудивительно, что он был занят в школе целый день. Уроки по скрипичному ансамблю назначались даже на воскресенье. В школе существовал сводный учебный оркестр, в котором играли лучшие баянисты и скрипачи — репетиции оркестра также назначались на выходные дни. Педагог М.В. Семёнов должен был обеспечить разучивание и подготовку партий скрипичной группы оркестра и занимался со всеми скрипачами-участниками. Таким образом, в работе Мстислава Владимировича возникали колоссальные перегрузки, нередко приводившие его к повышенной нервозности на уроках.

Занятие по специальности у Семёнова невозможно было пропустить без уважительной причины — в тот же день, ближе к вечеру, Мстислав Владимирович являлся домой к ученику и беседовал с родителями о причине пропуска. Тронутые его заботой и вниманием, родители старались платить тем же. Поэтому в классе Семёнова количество неоправданных пропусков было сведено к нулю. Помноженная на аккуратность и педантичность, работа Семёнова-педагога давала прекрасный урожай — в его классе практически НЕ БЫЛО отсевов учеников!

На этот факт обратил внимание скрипичный педагог С.О. Мильтонян¹¹, когда приехал в Бежецк в 1974 г.:

«В далекие обкомовские времена меня вызвали в управление культуры и попросили принять участие в контрольной проверке работы Бежецкой музыкальной школы. Туда ехала большая комиссия с явно репрессивными целями, поэтому все говорили, что в тамошней школе полный развал работы, все педагоги слабые и т.д.

Приехали, и я пошел на занятия к Мстиславу Владимировичу Семёнову. Внешне тот был хмур и неприветлив; при этом постоянно окружён непринуждённо общавшимися с ним учениками. Эта картина до сих

пор стоит у меня перед глазами, поскольку я сразу обратил внимание на то, что ученики в общении с ним вели себя эмоционально и раскованно! Позже, когда я присмотрелся к ним внимательнее, заметил, что они и играют свободно, без зажатости. Об учителе говорят очень хорошо, относятся к нему как к родному человеку».

По завершении проверки С.О. Мильтонян составил о М.В. Семёнове хвалебный отзыв, оказавшийся чуть ли не единственным среди других. Такая оценка чрезвычайно взволновала Мстислава Владимировича, и он приступил к Мильтоняну с расспросами, что этого быть не может, что у него наверняка есть недочёты и проч.

«И вот тогда у нас началось настоящее музыкантское общение, — рассказал Мильтонян. — В дальнейшем, при встречах, я понемногу стал указывать ему на замеченные недостатки. Должен отметить, что Семёнов всегда охотно откликался на критические замечания с моей стороны, желая измениться к лучшему. Стремление самосовершенствоваться отличало его среди других. Сейчас я думаю, что Мстислав Владимирович Семёнов был настоящим учителем, Педагогом с большой буквы! Он постоянно находился в поиске, обновляя свою методику преподавания.

На сегодняшний день мне известны два скрипичных педагога, которые в свое время учились в классе Семёнова в Бежецкой музыкальной школе, потом в музыкальном училище и теперь преподают. Это

На уроке М.В. Семёнова

— Наталья Евгеньевна Аверьянова из Лихославльской ДШИ и Елена Викторовна Посохина (Смирнова) из Весьегонской ДМШ. Отдельно отмечу нынешнего директора Бежецкой музыкальной школы Надежду Владимировну Морозову, которая тоже училась у Семёнова. Она окончила Ржевское музыкальное училище, Горьковскую консерваторию и теперь ведет в Бежецкой музыкальной школе скрипичный класс».

Класс Семёнова был весьма обширным, его окончили более 260 человек. В условиях небольшого провинциального Бежецка вклад Мстислава Владимировича в культурную жизнь города, в дело воспитания юных музыкантов был по-настоящему значителен и весом.

Благословите каждый день, прожитый после шестидесяти

Уход на пенсию был для М.В. Семёнова долгожданным и сулил много надежд, которые, однако, не оправдались.

Поначалу всё было хорошо. Семёновы развели дома целую плантацию кактусов. Наконец-то реализовалась давняя склонность Мстислава Владимировича к ботанике. Кактусы не требовали много места — их поместили рядами-ярусами во всю длину трёх окон небольшой квартиры на последнем, пятом этаже кирпичного дома. Растения постоянно подсвечивались лампами дневного света, и окна квартиры ярко горели в темноте. Кактусы были гордостью Семёновых; они цвели точно по часам, сменяя друг друга, и вокруг них были сосредоточены основные заботы. На время цветения того или другого растения даже приглашались гости. Помню, что однажды и я удостоилась приглашения и провела несколько приятных часов в компании гостеприимных хозяев. Цветущий кактус был водружён в центр стола, и мы дружно созерцали детали экзотического цветка, сидя вокруг него и не спеша распивая чай. Во всей церемонии, безусловно, присутствовала ориентальная интонация, которая напоминала хозяевам об их прошлой жизни в Китае.

А потом обострились болезни. Уже давно болела астмой жена Нина Михайловна. Впоследствии к астме добавился диабет. В 1982 г. она внезапно скончалась в московском госпитале, где проходила курс лечения. Её кончина явилась страшным ударом — потрясённый Мстислав Владимирович едва не сошёл с ума. Его горе кактусы только усилили: в день смерти Нины Михайловны они дружно зацвели! Взлеянные ею растения будто навсегда прощались со своей хозяйкой...

Друзья рассказывали, что урна с прахом жены стояла у Мстислава Владимировича в квартире на фортепиано — он никак не мог с ней расстаться. Уже потом Семёнов похоронил жену на старом городском кладбище, поставив ей памятник рядом с фамильной усыпальницей

Шеманаевых. Кактусы же были подарены в библиотеку Бежецка: отныне Мстислав Владимирович не мог выдерживать их присутствие дома.

С кончиной жены ушли в прошлое совместные поездки Семёновых по окрестностям Бежецка за грибами и ягодами на небольшом автомобиле, который был приобретён по инвалидной льготе Нины Михайловны.

Мстислав Владимирович всегда много читал, после смерти жены — особенно, это отчасти отвлекало его от печальных воспоминаний. Впоследствии все свои книги он подарил Бежецкой библиотеке имени В.Я. Шишкова. Сейчас книжное собрание Семёнова отделено в небольшой фонд, в котором большую часть составляют издания по ботанике. Это и понятно, ведь любовь к растениям, стремление узнать о них как можно больше, всегда отличали Мстислава Владимировича.

Последние годы жизни М.В. Семёнова прошли в заботах о хлебе насущном в самом прямом значении этого слова. Его одолевали болезни и возрастная немощь. Однако Мстислав Владимирович не сдавался: много ходил пешком и на лыжах, занимался хозяйством и ремонтом квартиры, поставил на кладбище памятник жене...

Однажды женщина, помогавшая ему по хозяйству, заметила, что пора бы уже собирать узелок в последний путь. Мстислав Владимирович довольно резко оборвал её: «Нет, ещё рано!» Купил себе цветной телевизор и попросил Надежду Морозову, свою бывшую ученицу, организовать его доставку домой. Телевизор поставили рядом с другим, чёрно-белым, который ещё работал.

Ушёл Мстислав Владимирович тихо и незаметно, ночью во сне. Когда соседка утром зашла его проведать, он уже умер. Рядом на стуле лежал собранный узелок.

* * *

В нынешнем Бежецке уже никого не осталось в живых из когда-то многочисленного и дружного семейного клана Шеманаевых. Не сохранилось ни одного из трёх крепких двухэтажных купеческих домов, строившихся на века — с толстыми деревянными половицами, просторными окнами и добротной мебелью. Два дома сгорели, третий разобрали и куда-то увезли.

Однако наследство М.В. Семёнова живо до сих пор и постоянно обновляется. Оно сохраняется его учениками, последователями, друзьями. И хочется верить, что его след на земле будет жить гораздо дольше всего материального, ибо духовные ценности не умирают.

Приношу глубокую благодарность людям, без деятельной помощи которых данная статья вряд ли могла бы состояться. Мне отраднее сознавать, что все они так или иначе связаны с Бежецком, городом моего детства и юности:

Борису Анатольевичу Исакову — за бесценный материал об истории семьи Шеманаевых, который он после тщательного изучения и обработки предоставил в пользование бежечанам;

Амону Аминовичу Сулейманову, бежецкому краеведу и азартному исследователю, в неустанных поисках собравшему уникальный свод документов и фотографий о семействе Шеманаевых—Николаевичей;

Галине Александровне Преображенской, педагогу Бежецкой музыкальной школы, поделившейся воспоминаниями о своем друге и коллеге по работе Мстиславе Владимировиче Семёнове.

М.В. Семёнов. Из писем родным¹²

Март 1983 г. Дорогая Галя¹³, извини, что в прошлый раз не ответил на твой вопрос! Мне в голову не приходило, что ты не знаешь имя моей мамы — Анны Николаевны. Это тем более странно т.к. Ольга Александровна знала много о моей матери, то, что и я не знал. Объяснить это можно только тем, что о родственниках, уехавших в проклятые буржуазные страны,

*Стоят: Цветкова Тося, Колесникова Валя, Румянцева Наташа,
Михайлова Лиля, Кокорева Наташа.*

*Сидят: Ходоренко Люся, Соловьёва Ира, Демичева Галя, Пакконен
Робик, Манушин Валерик, Стратонитский Боря, Кукина Люда,
Паршина Ира, Егорова Рита, Смирнова Галя, Фос Люда.*

1 июня 1962 г.

боялись говорить. Живущие там русские могли быть только шпионами, диверсантами и прочей сволочью! Ну, ладно об этом! Живу как и все — гоняюсь за продуктами. Ежедневно топаю около часа на лыжах. Это мне помогает как-то жить.

Апрель 1984 г. Поздравляю с Пасхой, Первым Мая и днем Победы!

Желаю всего самого доброго: здоровья, бодрости и согласия. Все это вместе и называется Счастье! Часто всё это люди имеют и просто не замечают. За поздравление спасибо! Вхожу в такой возраст, что каждый год отдает уже похоронным звоном. Но, что делать, жить надо. <...>

Есть хорошая русская поговорка: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Вот этого и нужно придерживаться. <...>

А если серьезно — живу я ни шатко, ни валко. Как можно обижаться на судьбу если прожил 3/4 века? Пойдешь по кладбищу и посмотришь, сколько уже ушло из жизни людей среднего возраста, и даже молодых. Делается стыдно за свое нытье. Кто-то из великих сказал: «Благословите каждый день, прожитый после шестидесяти». По-моему это верно.

Декабрь 1985 г. Я из-за скверной погоды просидел весь год в Бежецке. Погода и сейчас отвратительная!

Ты спрашиваешь — как мое здоровье. Самочувствие у меня сейчас от 2 до 4+. Недавно даже затеял маленький ремонт. Маляр из меня никудышный, но все-таки стало чище. Окна и двери покрашу весной.

В больнице я бываю крайне редко. Два-три раза в год. Недавно начал новый сезон ходьбы на лыжах. Хожу я, конечно, скверно — топаю. И дело не в возрасте. Меня никто не учил, и кататься я начал в 40 лет. Вот такие дела. Еще раз вам всего доброго.

Март 1986 г. Очень часто меняется настроение от скверного до хорошего. Раньше такого у меня не было. Топаю на лыжах, много читаю и вожусь с осточертевшим мне хозяйством.

Март 1988 г. У нас с продуктами сейчас сносно. Постоянно в продаже крупы (кроме гречневой), молоко, творог (очень сухой), сметана. Ну, мясом, конечно, не пахнет.

Вчера купил набор открыток с видами Бежецка. Издан в Москве. Такой наш город красивый на фотографиях! Просто не верится, что живешь в таком Раю.

Не могу заказать памятник для Нины (постоянный), все время болею. Это меня тоже расстраивает. Ну, вот и все мои новости. Пиши. Твоим письмам я очень рад. Привет всем, кто меня знает.

Ноябрь 1988 г. Хожу, правда, много: два-три часа в день. Исключение только дождливая погода. В связи с дефицитами научился многое делать: подбивать обувь, квасить, солить, мариновать и т.д.

У меня мало нового — сижу все время в Бежецке, да и ехать никуда не хочется. Ну, чем не Лев Толстой — только вот пахать не умею, но если не помру, то и этому выучусь.

31.08.1989 г. Бегаю за дефицитами, которых у нас множество. Лето было жаркое: дома плохо, а на улице и за городом жара, а главное пыль, которую я не выношу! Как ни странно, самое приятное и чистое место в городе — кладбище. Там нет ни пыли, ни шума. Ехать куда-нибудь боюсь, т.к. много безобразий в пути и на вокзалах. Читаю очень много, и это отвлекает.

Апрель 1990 г. Милая Галя! Я очень люблю твои письма! После них как-то поднимается настроение! Ты какой-то экстрасенс. Пишешь просто, четко и предельно дружелюбно. Спасибо тебе!

20.12.1991 г. Дорогая Галя! Поздравляю тебя, Марину и всю твою семью с Новым, 1992 Годом.

От всей души желаю всего самого доброго: здоровья, бодрости, нормальной еды, от которой мы уже отвыкли, и хорошей погоды. Еще желаю терпения в отношениях друг с другом. Это ведь так важно, но и так трудно сделать.

22.08.1992 г. Дорогая Галя! Поздравляю тебя с Днем рождения, желаю всего самого доброго, а главное здоровья! Раньше желал отсутствия дефицита, а сейчас — иметь побольше денег, ведь дефицита уже нет!

Будь я помоложе, то много было бы легче. Не нужно только паниковать и ныть! Чем нас только не пугали прошлой осенью: и холодом, и голодом, болезнями и т.д. Сейчас, безусловно, стало лучше. Я не говорю хорошо, а пишу лучше. Можно хотя бы быть сытым. Раньше были такие дни, что деньги есть, а купить нечего. А сейчас наоборот, покупай, но очень дорого. <...> Ведь это же абсурд, когда за колбасой ездили в Москву и Ленинград, за 700 — 400 км. Ни в одной стране этого нет. Сейчас для России одно спасение — хорошо работать, а не хорошо рапортовать!

Сейчас модно все сваливать на демократов, но я ни одного из них не видел! До демократии у нас далеко и мы вряд ли доживем до этого. Сейчас взяли все самое худшее из капитализма и оставили самое худшее от коммунизма. А надо сделать наоборот. И в сталинские времена были хорошие дела и хорошие люди! Люди, которые любят Россию были и будут. И это наше счастье.

Апрель 1995 г. Дорогая Галя! Поздравляю тебя и всю семью с Первым Мая и 50-м Днём Победы. Желаю тебе всего самого доброго: бодрости, отличного настроения и исполнения желаний. У меня ничего хорошего нет! И здоровье неважное, и жизнь стала тяжёлой! Сейчас у всех пенсионеров две беды — инфляция и задержка пенсии. Получишь пенсию и не знаешь, как ее тратить! Приходится пенсию растягивать чуть ли не на полтора месяца, т.е. жить чуть ли не впроголодь. Ну, вот и все мои новости. Жаль, что ничего хорошего не могу написать...

31.08.1996 г. Дорогая Галя! Поздравляю тебя с Днем рождения и желаю тебе всего самого хорошего: бодрости, отличного настроения и успеха во всех больших и малых делах. Большой привет Марине, Борису и всем, кто хотя бы обо мне слышал. Не обижайся, что посылаю тебе такую нелепую открытку. (На лицевой стороне открытки зайчата несут большую морковку и текст «Поздравляем МАМУ». — Б. Исаков.) Пенсию задерживают уже на 1,5 месяца и когда дадут, не знаю...

1. Сергей Сенин. Обретенная родина // Путь к коммунизму от 4.VII.1974. Тем не менее из некоторых документов становится ясно, что семья Семёновых переехала в Харбин в 1920 г.

2. Хунхузы — китайские бандиты, промышлявшие разбоем, в основном похищением людей.

3. Наталья Иосифовна Ильина (1914—1994) входила в круг знакомых «шанхайцев» жены Семёнова, Нины Михайловны. Они встречались в Москве, и, возможно, писательница использовала в своей книге подробности происшедшего события в пересказе Н.М. Семёновой.

4. Ильина Н.И. Дороги и судьбы. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 27—28.

5. О том, на какие жертвы пришлось пойти родителям Мстислава, можно судить по такому факту. В соответствии со списком жителей г. Харбина за 1926 год, Владимир Васильевич Семёнов и его жена Анна Николаевна проживали по адресу: ул. Раздельная, д. 32. Район, где находится Раздельная, и сейчас считается одним из самых престижных районов Харбина, экологически чистым и благоустроенным.

Н.И. Ильина в своей книге «Дороги и судьбы» описывает своё посещение родителей похищенного Славы осенью 1933 года, живших уже в Нахаловке, самом нищем и убогом харбинском районе, в крошечном домишке, терраса которого была увита диким виноградом. Минимум мебели, стол покрытый клеёнкой... Лиц родителей Н. Ильина не запомнила.

6. Лундстрем Олег Леонидович (1916—2005) — советский композитор и дирижёр. С 1921 г. жил в Харбине, где в 1935-м окончил музыкальный техникум по классу скрипки. В 1934-м организовал оркестр из молодых музыкантов, членов семей советских специалистов, работавших на Китайско-Восточной железной дороге, эстрадный оркестр (джаз), с которым выступал до 1947 г. в Циндао и Шанхае (с 1935-го оркестр стал профессиональным). См.: Музыкальная энциклопедия. Т. 3. С. 339.

7. Лундстрем О. Л. О джазе и немного о себе. Русский Харбин. М., 2005. 2-е изд. С. 154.

8. http://abc.vvsu.ru/Books/up_kult_zhiznj_ros_emigr_v_kitaje/page0003.asp

9. http://abc.vvsu.ru/Books/up_kult_zhiznj_ros_emigr_v_kitaje/page0003.asp

10. Автор статьи окончил Бежецкую музыкальную школу по классу фортепиано в 1968 году.

11. Степан Ованесович Мильтонян (род. в 1939) — преподаватель Тверского музыкального колледжа имени М.П. Мусоргского (с 1966). Заслуженный работник культуры РФ (1994), лауреат Фонда «Русское исполнительское искусство» (2006—2007), кандидат педагогических наук (2009).

12. Выдержки из писем подготовлены к печати *Борисом Анатольевичем Исаковым*, троюродным братом М.В. Семёнова по линии Шеманаевых, ныне проживающим в Санкт-Петербурге.

13. Письма и поздравительные открытки вначале адресовались Ольге Александровне Шеманаевой, двоюродной тётушке М.В. Семёнова. После её кончины письма адресовались Галине Анатольевне Гуреевой (Исаковой), дочери Ольги Александровны Шеманаевой.

Род Титовых из села Сулеги

Илья Арсеньевич Титов

Семья Арсения Андреевича и Елены Степановны Титовых проживала в селе Сулеги Бежецкого уезда Тверской губернии. Здесь Арсений Андреевич с июля 1863 г. служит пономарем¹, позднее псаломщиком в церкви Воскресения Христова. Арсений Андреевич — потомственный священнослужитель, в Тверском епархиальном сборнике 1901 г. представителей духовного звания с такой фамилией 12, Справочной книге по Тверской епархии на 1915 г. 16 человек². Все четыре их сына: Илья (род. 1869), Александр (1874), Иоанн (1879) и Дмитрий (1884) — окончили духовную семинарию. Трое из них стали священнослужителями. Только самый младший, Дмитрий, в 1904 г., окончив Тверскую духовную семинарию первым учеником, по совету братьев сан не принял, а поступил в Императорский Юрьевский университет на математический факультет³.

Илья Арсеньевич, старший из братьев, родился около 1869 г. в с. Сулеги. Год рождения рассчитан на основании указанных выше Сборника и Справочной книги. По окончании духовной семинарии он студентом обучался в университете, откуда выбыл со 2-го курса. Женился Илья Титов на дочери священнослужителя соседнего с Сулегой прихода с. Толстикова Бежецкого уезда Алексея Ивановича Сретенского, Елизавете Алексеевне. С октября 1895 г. Илья Арсеньевич служит священником в Преображенской церкви с. Красное Старицкого уезда⁴. Одновременно состоит законоучителем и катехизатором в двух земских школах. В 1899 г. он награжден набедренником за ревностное служение церкви.

Преображенская церковь каменная, построена в 1790 г., авторское повторение Чесменской церкви в Санкт-Петербурге архитектора Ю.М. Фельтена. Имеет один престол Преображения Господня. Церкви принадлежат деревянные строения: сторожка, амбар и сарай. Церковный капитал наличными 12. р. 27 к., земли 43 дес. 18 кв. саж. В 1901 г. дьяком служил Алексей Федорович Крылов 43 лет, окончивший учительскую семинарию, псаломщиком Павел Гаврилович Никольский 24 лет, из 4 класса духовного училища. Церковный староста — крестьянин Панкратий Яковлев. Причт содержался на жалованье 141 р. 12 к., процент с капитала в 200 р. и годовой доход 721 р. Прихожане храма — жители с. Красное и восьми окрестных деревень в радиусе семи верст. В даль-

ней деревне Кушниково деревянная часовня Рождества Пресвятой Богородицы. Всего в приходе 309 дворов и 2310 прихожан. По составу прихожане — разного звания и сословия⁵. В годы служения Ильи Арсеньевича владельцами села и прихожанами храма были брат и сестра Костылевы, Борис Борисович и Анна Борисовна. Дворянин Борис Борисович Костылев имел ученую степень лекаря. Он вольнопрактикующий врач, вел медицинскую практику в с. Красное⁶.

28 апреля 1896 г. у Ильи Арсеньевича и Елизаветы Алексеевны родилась — и в тот же день крещена — дочь Юлия. Восприемники: потомственный дворянин землевладелец Борис Борисович Костылев и дочь священника с. Толстиково Бежецкого уезда Лидия Алексеевна Сретенская⁷.

Ольга родилась 22 мая 1899 г., крещена тогда же. Восприемники прежние: владелец с. Красное и сестра матери⁸.

Анатолий родился 7 октября 1900 г. Крещен 17 октября, восприемники села Ивановское—Ермолаевых священник Владимир Петрович Архангельский и потомственная дворянка Варвара Борисовна Корвин-Круковская. Для присмотра за детьми была взята няня Ольга Аристарховна Тархова. Она происходит из семьи священнослужителей Вышневолоцкого уезда, ее отец Аристарх Михайлович много лет служил в с. Илово⁹.

20 июня 1902 г. у Титовых родилась дочь Мария, крещена в тот же день. Восприемники студент Казанской Духовной семинарии IV курса Иван Арсеньевич Титов и учительница Толстиковской церковно-приходской

*Елизавета Алексеевна
Сретенская. Тверь, 1892 г.*

школы Лидия Алексеевна Сретенская. Елизавета Алексеевна умерла родами 20 июня, ей было 29 лет. 24 июня она погребена на приходском кладбище. Обряд погребения провели священники: г. Бежецка Благовещенского женского монастыря Николай Сретенский, с. Тургиново Александр Титов, с. Алферьева Авенир Лебедев и с. Ивановское—Ермолаевых Владимир Архангельский, три дьякона и псаломщик.

Илья Арсеньевич остался вдовцом в 33 года. Старшей Юлии исполнилось 5 лет, Ольге 3, Анатолию 1,5 года и новорожденная Мария. Мария прожила семь с половиной месяцев. 5 февраля 1903 г. она умерла от простуды, 7-го погребена на приходском кладбище¹⁰. Ольга Аристарховна после смерти

Елизаветы Алексеевны заменила детям мать. Она искренне любила детей, делила с ними и горе, и радости. Жениться второй раз Илья Арсеньевич не мог.

Илья Арсеньевич служил в с. Красное до декабря 1905 г. Последняя запись в метрической книге Преображенской церкви им сделана 3 декабря, далее обряды правили разные заштатные священнослужители¹¹.

19 декабря 1906 г. священник Илия Титов перемещен к церкви с. Восново Бежецкого уезда¹². Никольская церковь деревянная, построена в 1754 г., трехпрестольная: холодный Святителя Николая и теплые южный Всех Святых, северный Рождества Пресвятой Богородицы. Церковь имеет церковный дом, сторожку и амбар, земли 37 дес. 480 саж. Дьяком служит Иван Федорович Лапшин, псаломщиком Николай Иванович Малеин. Причт содержался на процент с капитала 3350 руб. и церковный доход 500 руб. Прихожане разного сословия из деревень Новосёлка, Щадрениха, Городня, Поповка, Медвежье в радиусе пяти верст, 254 двора, всего 1808 человек¹³.

В 1909 г. священник о. Илья Титов на трехлетие назначен попечителем Восновской (около деревни Новосёлка) земской школы¹⁴. Попечитель заботился о материальном благосостоянии вверенной ему школы, наблюдал за своевременным оборудованием учебными пособиями, классной мебелью и снабжением школы всем необ-

*И.А. Титов с Анатолием, О.А. Тархова с Ольгой.
Фото около 1906 г.*

ходимым инвентарем, содействовал учителям в проведении разных мероприятий. Два постановления Земского Собрания 1908 г. касаются строительства этой школы. Постановление №17: «Повторить ходатайство перед Губернским земством о выдаче ссуды на постройку Восновской и других школ». Постановление №26: «Уважить ходатайство крестьян, участвующих в постройке Восновской школы, предложить управе открыть теперь же занятия в новом здании, приостановить производство расчета с подрядчиком, до надлежащей перестройки им здания, согласно заключенному с ним договору»¹⁵.

Школа располагалась между деревнями Новосёлкой и Шадренихой. В 1912 г. она перестроена и стала называться Шадренихинской начальной. Здание построено из добротного леса, на фундаменте из красного кирпича, такой кирпич производили в здешних местах, имело помещения из четырех комнат и большой коридор. При школе было жилье для учителей и уборщицы. В просторных светлых классах обучение вели два учителя. И.К. Кузьмин, окончивший нов. сем., работал здесь с 15 сентября 1907 г., ему установлен оклад 240 рублей. Василий Иванович Иванов, окончивший уч. сем., — с 15 сентября 1908 г., оклад 270 рублей. В 1907/08 учебном году в школе обучались 60 детей, 35 мальчиков и 25 девочек. В 1908/09 г. в школе учились 86 человек, 51 мальчик и 35 девочек.

В 1909 г. открывается земская школа в деревне Городня (она же Горожанка, Рябиниха). Горожанцовская школа, однокомнатная, новая, — расширение Восновской¹⁶. Попечитель Восновской и расширения ее Горожанцевской земских школ священник о. Илья Титов состоял в них законоучителем.

Церковно-приходская школа в с. Восново открыта около 1909 г.. На 29 сентября 1908 г. такой школы в селе нет. В 1915 в приходе Никольской церкви имелись одна церковно-приходская школа и три земских, в них обучались 170 детей. Церковно-приходская школа открыта между 1908 и 1913 гг. и существовала до 1917 г. Очевидно, священник Илья Арсеньевич Титов — ее устроитель.

Учебный год в церковно-приходских сельских и деревенских школах начинался во второй половине сентября. Заканчивался год выпускными экзаменами в конце апреля — начале мая и общешкольным праздником в честь равноапостольных Кирилла и Мефодия 11 мая. В одноклассных школах учебный курс был трехгодичный. Здесь изучались отечественная история и география, преподавалась церковно-славянская грамота, священная история, русский язык, русское и славянское чтение, счисление, церковное пение. Кроме занятий по общеобразовательным предметам ученики под руководством учителей

обучались рукоделию. Учебный материал по Закону Божьему преподавался основательно. Преподавать Закон Божий могли только лица духовного звания — священник и дьякон. Предметное обучение велось светскими учителями. Особый учитель преподавал рукоделие¹⁷.

Фотография И.А. Титова с учителями и детьми, сохраненная его потомками, дает наглядное представление о составе сельской церковно-приходской школы¹⁸. Вероятно, снимок сделан в день окончания учебного года 11 мая, в праздник равноапостольных Кирилла и Мефодия. Скорее всего, это 1910 г., и на фотографии дети, окончившие первый учебный год. В центре первого ряда законоучитель Илья Арсеньевич Титов со шляпой в руках. Слева от священнослужителя дама строгого вида, возле нее с одной стороны лежит зонтик, с другой — шляпа. Предполагаем, что это хозяйка Восновской усадьбы и покровительница Никольской церкви и церковно-приходской школы Е.Н. Шульгина. Справа учительница, она держит сковородку с караваем хлеба, обернутым полотенцем. В центре последнего ряда помощница учительницы. Из 63 детей подавляющее большинство составляют мальчики, девочек не более 15. Все дети нарядно одеты. Группа разместилась на крутом склоне. Такое место вблизи церкви и усадьбы с. Восново только одно, расположено примерно в полукилометре от села — это Кутеньская гора. Крутой подъем начинается сразу за мостом через ручей. Здесь дорога расходится на две, одна на Шадрениху, другая ведет в село Теблеша. Открыв карту А.И. Менде 1853 г., видим, что здесь за мостом по обе стороны от дороги, вдоль ручья, обозначены красным цветом границы «цз» — церковной земли. Вероятно, именно здесь, на церковной земле, и располагалась приходская школа.

22 января 1913 г. священник Илья Титов перемещен «для пользы службы к церкви с. Романцево Калязинского уезда»¹⁹. Место священника в с. Восново осталось вакантным²⁰. Возможно, причина перевода в крошечный дальний приход и ранний уход из жизни одна, указана родственниками: печалился и сильно пил. В деревнях Восновского прихода бытует легенда о батюшке, любившем выпить, и новой традиции, в связи с этим возникшей. Многие местные священнослужители имели такое пристрастие. До настоящего времени сохранился здесь обычай поминать родителей во вторую субботу после Пасхи, а не в Радуницу — день всеобщего поминовения усопших. Старое деревенское кладбище располагалось возле Никольской церкви. В субботу с раннего утра на кладбище собирався народ с окрестных деревень. Пожилые женщины по традиции с духовными песнопениями и молитвами обходили бывшую церковь, перестроенную под школу, оставляли дары усопшим²¹ на могильных холмиках. Обычно не удавалось завершить

обряд: директор школы или председатель сельсовета их разгоняли. Процессия следовала дальше на новое кладбище, где хоронили примерно с 1935 г. На вопрос, почему же здесь поминают в субботу, а не в Радуницу, старожилы рассказывают, что раньше поминовение начиналось молитвой и троекратным крестным ходом вокруг кладбища во главе со священником. Священнослужитель после празднования Пасхи совершал подомовой обход. Все щедро угощали батюшку, а он не мог отказаться, устоять перед соблазном. К Радунице обход не заканчивался, крестный ход переносился на субботу. Повторялось это из года в год, потому и закрепились вторая после Пасхи суббота как день памяти усопших.

Почти одновременно с о. Ильей в Романцево назначен исполняющий обязанности псаломщика Георгий Кокошников 29 лет из двухклассного министерского училища. Деревянная Успенская церковь села построена в 1693 г., имеет один холодный престол в честь Успения Божьей Матери²². Прихожанами были жители с. Романцево и двух деревенок: в одной версте Акуловка и в двух верстах от церкви деревня Печухна. Успенскую церковь в 1914 г. посещали 346 человек. Имелась одна земская школа, где обучались 30 крестьянских детей. Жалованье за законоучительство составляло 60 руб. Причт получал жалованье от казны или общества 400 руб. Церковь владела 39 дес. 1800 кв. саж. земли, аренда земли 264 руб. Причт имел церковный дом и доход 100 руб.²³.

Служил здесь Илья Арсеньевич недолго. 5 мая 1915 г. он умер²⁴. Погребен, вероятно всего, на приходском кладбище. Романцево с деревнями Акуловка, Печухна и другими при создании Угличского водохранилища (1938–1939 гг.) затоплены (переселены).

Младшие братья Ильи Арсеньевича Иван и Дмитрий помогли его детям встать на ноги. После смерти Ильи Арсеньевича Ольга Аристарховна переехала к Анатолию, который жил и учился у дяди в Кашине. Здесь Анатолий окончил Алексеевское реальное училище. Девочки учились в Бежецкой гимназии. После 1918 г. Ольга Аристарховна и Анатолий Ильич уехали в Петроград. Анатолий окончил Ленинградский железнодорожный техникум. Женился на Марии. Сын Борис родился в 1926 г. Ольга Аристарховна работает вагоновожатой на трамвае. Она вышла замуж (в зам. Шадская). У мужа после смерти первой жены были две дочери. Она воспитывает девочек, своих детей у нее не было. Постоянно навещает семью Анатолия. Ольга Аристарховна пережила блокаду в Ленинграде, муж умер во время войны. Умер в блокаду и ее воспитанник Анатолий Ильич Титов.

Его сын Борис Анатольевич 10 августа 1942 г. Приморским РВК г. Ленинграда призван на Ленинградский фронт. Служил в 10-й

стрелковой дивизии, 204-м стрелковом полку, младший сержант. 1 июля 1944 г. был легко ранен. В июле 1945-го награжден медалью «За боевые заслуги» — за то, что он в период боев в районе г. Нарва в гранатном бою уничтожил четырех немцев. Отличился смелостью и инициативой и в последующих боях за освобождение от немецких захватчиков советской Прибалтики. В апреле 1985 г. Б.А. Титов награжден орденом Отечественной войны I степени²⁵.

Юлия Ильинична (†22.03.1977) окончила Бежецкую гимназию с золотой медалью. В 1916 г. она работает учительницей Дубовской церковно-приходской школы Кашинского уезда. Вышла замуж за Ивана Максимовича Субботина (12.03.1882—24.05.1949). Семья жила в Угличе Ярославской области, потом во Владимире, с 1928 г. в Москве. В 1939 г. Юлия Ильинична с отличием окончила вечернее отделение пединститута. Работает учителем географии в школах №27 и № 334. В Великую Отечественную войну она с детьми осталась в Москве. Они копали окопы, сбрасывали с крыш зажигательные бомбы. Юлия Ильинична награждена медалью «За оборону Москвы». Дети: Ирина (26.12.1917), Измаил (21.05.1920—18.10.1969), Олег (10.09.1923—01.03.1977), Роман (05.08.1927).

Ольга Ильинична († 28.09.1976) после окончания Беседской гимназии в 1918 г. переезжает к сестре в Углич. Вышла замуж за Ивана Николаевича Потехина (17.12.1892—19.09.1961). Работала в школе, детском доме, детском саду, с 1933 г. домохозяйка. Дети: Валентин (16.10.1920— 05.10.1975), Галина (25.06.1922—07.03.2003), Лариса

Илья Арсеньевич Титов (в центре) с учителями и учащимися церковно-приходской школы. Село Восново. Фото около 1910 г.

Ольга Ильинична и Анатолий Ильич Титовы. Кашин, 1916 г.

(19.01.1927–20.06.2003) и Татьяна (05.07.1937). Потомки Юлии и Ольги носят фамилии Потехины, Субботины, Чернышевы, Гавриловы, Глушковы, Петросянц и др. Сестры очень дружны, они встречаются, помогают друг другу. Любовь и привязанность друг к другу дети Ильи Арсеньевича пронесли через всю жизнь.

Ольга Аристарховна переписывается с ними, приезжает в гости, поддерживает отношения с семьей Анатолия. Она в курсе всех семейных событий. Умерла Ольга Аристарховна в 1957 г.

Александр Арсеньевич Титов родился около 1874 г. В 1894 г. окончил Тверскую духовную

семинарию по второму разряду с получением свидетельства об образовании²⁶. В службе с 1894-го, священник с 1898 г., состоял законоучителем земской школы. Служил в Покровской церкви с. Тургиново, в 40 километрах от Твери²⁷. Жена Надежда Евгеньевна. Известны трое их детей: Николай, Вера и Иван. Иван родился 3 августа 1910 г., 8 августа крещен, воспитанники: первого класса Тверской классической гимназии Николай Александрович Титов и дочь священника с. Тургиново Вера Александровна Титова²⁸.

Александр Арсеньевич ушел из жизни не ранее 1915 г. Младшие дети воспитывались в семье Ивана Арсеньевича. В 1924-м старший сын Николай Александрович, оставшийся без родителей, жил вместе с дядей, Дмитрием Арсеньевичем Титовым в городе Бежецке в доме № 8 по Рождественской улице²⁹. Николай окончил медицинский институт, жил и работал в Москве. Будучи врачом, консультировал всех родных, был вроде семейного доктора. Был женат, детей не имел. О Вере и Иване сведений нет.

Иван Арсеньевич Титов родился в 1879 г. в с. Сулеги. Описание его жизни смотрите в статье «Протоиерей Иван Арсеньевич Титов и его семья».

Дмитрий Арсеньевич Титов родился 1 июня 1884 г. Он окончил Тверскую духовную семинарию, далее математический факультет Императорского Юрьевского университета. В 1908 г. поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, окончил его в 1912-м. В 1916 г. он служит старшим кандидатом Кашинского окружного суда. В 1922 г. работал техническим секретарем председателя губернского исполкома г. Твери А.А. Жданова. В 1924-м А.А. Жданова переводят в Нижний Новгород, Дмитрий Титов переезжает в Бежецк вместе с племянником Николаем — сыном старшего брата Александра. Здесь он открывает частную юридическую контору. К окончанию периода НЭПа Дмитрий Арсеньевич переходит на службу в Бежецкий суд, становится членом Товарищества защитников и защитником народного суда города Бежецка. Женится на Валентине Ивановне Михайловой, дочери учителя Бежецкого приходского начального училища. В 1924 г. родился сын Валентин, в 1928-м дочь Инна. В этом же 1928 г. заболели скарлатиной жена и сын. Сын умер, жена получила тяжелое осложнение здоровья. В 1931 г. родилась Леонид.

Центр Товарищества защитников располагался в Москве. После возвращения с одного из собраний защитников, 26 декабря 1933 г., Д.А. Титов был арестован в Бежецке. По постановлению «тройки» ОГПУ Московской области был осужден по 58-й ст. УК РСФСР, п. 10, 11 на три года лишения свободы, с последующим поражением в правах. Отбывал наказание в бухте Нагаева, Севвостоклаг. Работал в качестве экономиста в аппарате директора Дальстроя Э.П. Берзина. Освобожден 21.01.1936 г. Жить в городах, в том числе в Бежецке, запрещено. Он устроился работать на железнодорожном полустанке под

Юлия и Ольга Титовы. 1916 г.

*О.А. Тархова,
О.И. Потехина
(Титова),
Ю.И. Субботина
(Титова), И.М.
Субботин (муж
Юлии).
В нижнем ряду
И.Н. Потехин
(муж Ольги),
дети Ольги
и Юлии. Углич,
1928 г.*

Рыбинском. К осени 1937 г. добился разрешения проживания в Бежецке, где жили тяжелобольная жена и две несовершеннолетние дочери — 9 и 6 лет. Работал на полставки юристом на Бежецком механическом заводе, вел арбитражные дела мелких местных предприятий, раз в неделю давал юридические консультации в Бежецкой врачебной женской консультации. Летом 1941 г., после эвакуации в Казань механического завода, Дмитрий Арсеньевич переходит на службу в РайЗО (Районный земельный отдел) инструктором. Ездит по району, помогает составлять бухгалтерскую отчетность.

Ежегодно он подавал прошения о снятии «поражения в правах», так как суда над ним не было. Только в 1946 г. сняли «поражение в правах» и судимость, но не реабилитировали. Дмитрий Арсеньевич поступает в Московский экономико-статистический институт на заочное отделение и экстерном заканчивает его в 1949 г. Переходит работать в Бежецкий лесотехнический техникум преподавателем статистики. Продолжает приезжать в Москву, проводит целые дни в Ленинской библиотеке, составляет учебник статистики для техникума. 15 апреля 1951 г. лег в больницу для лечения. 18 апреля он скончался от инфаркта. Похоронен на Бежецком кладбище. Реабилитирован посмертно в 1989 г. по заявлению дочери. Дочерям возместили нанесенный ущерб — выплатили двухмесячный оклад адвоката по тарифной сетке 1989 г.³⁰.

Инна Дмитриевна (26.01.1928—13.12.2006) вышла замуж за Юрия Сергеевича Георгиевского (1927—1991). У них сын Сергей (1954) и дочь Валентина (11.02.1961). Леонида Дмитриевна (06.05.1931) вышла замуж за Юрия Александровича Широкова (1935). У них сыновья Дмитрий (20.03.1961) и Александр (10.05.1963). Внуки и правнуки имеют фамилии Георгиевские, Широковы, Кременецкие, Ключины, Гайдаровы³¹.

Титовы играли определенную заметную роль как в епархиальной, так и общественной истории России, Тверской губернии, занимаясь просветительской и духовной деятельностью, устройством школ, юридической практикой. Их потомки в настоящее время проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Угличе, других городах России. Они бережно хранят память о своих предках, передавая из поколения в поколение семейные документы и фотографии. Среди них представители самых разных профессий: учителя, врачи, юристы, известные ученые, художники, дипломаты, инженеры и многие другие.

Д.А. Титов. 1920-е гг.

-
1. Метрическая книга за 1863 год. ГАТО. Ф. 160 . Оп. 1. Д. 35364. Л. 835 об., 836.
 2. Посчитано по: Тверской епархиальный сборник. Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901; Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год. Издание Тверской Духовной Консистории. Тверь, 1914.
 3. Широкова Л.Д. Титов Дмитрий Арсеньевич // Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край». Выпуск №3. Вышний Волочёк, «Ванчакова линия», 2012. С. 82.
 4. Метрические книги за 1895–1899 гг. ГАТО. Ф. 160 . Оп. 1. Д. 1868, Л. 20 об. – 21.
 5. Тверской епархиальный статистический сборник... 1901. С. 545–546.
 6. Адрес-календарь Тверской губернии на 1901 г. Тверь, Типография губернского правления, 1901. С. 119; Адрес-календарь Тверской губернии на 1915 г. Отдел III. Тверь, 1915. С. 22.
 7. Метрические книги за 1895–1899 гг. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1868, Л. 53 об. – 54.
 8. Метрические книги за 1895–1899 гг. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1868, Л. 172 об. – 173.
 9. Справочная книга... С. 142.

10. Метрические книги за 1900—1903 гг. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1886, Л. 13 об. — 14; 100 об. — 101; 129 об. — 130; 181 об. — 181.
11. Метрические книги за 1904—1909 гг. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1914, Л. 73 об. — 74.
12. Тверские епархиальные ведомости. Отдел официальный. №1. (1 января 1906 г.). С. 5, 6.
13. Тверской епархиальный сборник... 1901. С. 98; Справочная книга... на 1915 год. С. 41.
14. Протоколы Бежецкого Уездного Земского собрания очередной сессии 27—29 сентября 1908 года и чрезвычайного собрания 16.11.1908—22 февраля 1909 с приложениями к ним. Бежецк, 1909. С. 2.
15. Протоколы Бежецкого Уездного Земского собрания очередной сессии 18—22 октября 1909 года с приложениями к ним. Бежецк, 1909. С. 72.
16. Протоколы... 1908. Доклад управы по народному образованию. С. 8, 6—27; Протоколы... 1909. Доклад... С. 9, 27.
17. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Тверской епархии в 1910/11 учебном году. Тверь, 1911.
18. Личный архив Потехиных — И.В. Гавриловой. Воспоминания и фотографии Титовых.
19. Тверские епархиальные ведомости. Отдел официальный. №5. (28 января 1913 г.). С. 38.
20. Тверские епархиальные ведомости. Отдел официальный. №5. (28 января 1913 г.). С. 42.
21. Сыпали зерна, крупу, оставляли кутью, конфеты, крошили яйца.
22. Тверской епархиальный статистический сборник... Тверь, 1901. С. 316.
23. Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год. Издание Тверской Духовной Консистории. Тверь, 1914. С. 197.
24. Тверские епархиальные ведомости. Отдел официальный. №19. (11 мая 1915 г.). С. 300.
25. ОБД «Подвиг народа». <http://www.podvignaroda.ru/?n=45754>
26. Тверские Епархиальные Ведомости. №15 1 августа 1894 г. Часть официальная.
27. Тверской епархиальный сборник. Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 41.
28. Метрическая книга за 1910 г. ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1360, Л. 299 об., 300.
29. Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край» Выпуск №3. С. 82.
30. Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край». С. 82—85.
31. Личный архив Л.Д. Широковой. Документы, воспоминания.

*Иван Арсеньевич и Анна
Александровна Титовы. Ржев.
Фото до 1911 г.*

Протоиерей Иван Арсеньевич Титов и его семья

Будущий протоиерей Иван Арсеньевич Титов родился в 1879 г. в селе Сулеги Бежецкого уезда Тверской губернии. Здесь с июля 1863 г. в церкви Воскресения Христова служит пономарем, позднее псаломщиком его

отец. Он третий сын Арсения Андреевича и Елены Степановны. До 13 лет Иван жил при родителях, с братьями Ильей (род. 1869), Александром (1874) и Дмитрием (1884).

Иван окончил духовное училище, потом Тверскую Духовную семинарию. 11 октября 1898 г. во время чтения Часов в кафедральном Спасо-Преображенском соборе г. Твери воспитанник VI класса И. Титов посвящен в стихарь. Поступил в Казанскую духовную академию. По окончании академии в 1903 г. он удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. С 17 сентября 1903 г. И.А. Титов — преподаватель русского языка и дидактики в старших классах епархиального женского училища г. Ржева. Жалованья получал 1120 руб. в год. При училище имелась одноклассная образцовая церковно-приходская школа. Руководителем практических занятий воспитанниц состоял Иван Титов. За руководство практическими занятиями получал 50 руб. в год. В 1909 г. ему присвоен чин коллежского асессора, он по-прежнему преподает и является членом Отделения епархиального училищного совета.

Надежда Ивановна Титова.
Ржев. Фото до 1911 г.

Здесь Иван Арсеньевич познакомился со своей будущей женой. С 2 сентября 1904 г. помощницей воспитательниц Ржевского училища состоит окончившая курс Могилевского женского училища, со званием домашней учительницы, Анна Александровна Любская. С 2 декабря 1904 она работает воспитательницей. Анна Александровна родилась в 1887 г., происходит из большой дружной семьи потомственных священнослужителей. Отец Александр Павлович — законоучитель, священник с. Млёво, благочинный 4-го округа Вышневолоцкого уезда. Мать Надежда Ивановна, ур. Георгиевская, происходит

из одного рода с Д.И. Менделеевым. Надежда Ивановна, а позднее ее дочери и внуки хранили письма родителей известного ученого.

Молодые люди повенчались. В Ржеве у Титовых родилась дочь Надежда, в 1910 г. появился на свет сын Александр. После женитьбы Иван Арсеньевич рукоположен в священники. В 1911 г. семья переехала в Кашин к новому месту службы главы семейства. 21 января 1911 г. скончался 85-летний протоиерей Кашинского Воскресенского собора Иоанн Андреевич Аменитский. Его преемником назначен И.А. Титов, им подписаны метрические записи с начала 1911 г.

В 1912 г. Иоанн Титов — протоиерей Воскресенского и Успенского соборов и Спасской церкви г. Кашина. Одновременно законоучитель в Алексеевском реальном училище, председатель Кашинского отделения Епархиального училищного совета и благочинный.

20 июля 1912 г. родилась дочь Анна. 30 июля она крещена в Кашинском Воскресенском соборе. Восприемники: с. Чигово Бежецкого уезда священник Александр Любский, вдова священника с. Млёво Вышневолоцкого уезда Надежда Ивановна Любская и девица Наталья Александровна Любская, учительница Рудьевской земской школы того же уезда.

31 июля 1916 г. родилась Наталья, крещена 8 августа. Восприемники: старший кандидат Кашинского окружного суда Дмитрий Арсеньевич Титов и учительница Дубовской церковно-приходской школы Кашинского уезда девица Юлия Ильинична Титова. Дмитрий

Арсеньевич — младший брат отца новорожденной, а Юлия Ильинична — племянница, дочь старшего брата Ильи Арсеньевича.

Младшая дочь Нина родилась в 1926 г.

Любские вспоминают, что был Иван Арсеньевич скромным, тихим человеком, особенно это заметно на фоне их семейства, где почти все, были активные, веселые и жизнерадостные. Он курил и страдал от того, что никак не может бросить, когда был священником.

Иван Арсеньевич помогал племянникам, детям старшего брата Ильи. Ольга и Юлия часто бывали, а Анатолий жил в Кашине у дядюшки. Анатолий Ильич окончил Кашинское реальное училище. После смерти Ильи Арсеньевича его невенчанная жена Ольга Аристарховна Тархова приехала к Анатолию. Ольга Аристарховна и Анатолий Ильич уехали в Петроград после 1918 г., где Анатолий окончил Ленинградский железнодорожный техникум. После смерти брата Александра Арсеньевича он помогал и его семье.

Иван Арсеньевич заботился и о матери Елене Степановне. Она жила у него, умерла в Кашине 3 мая 1917 г. в возрасте 72 лет «от склероза сосудов». 6 мая погребена на кладбище при церкви с. Сулеги Бежецкого уезда.

Революционные события 1917 г. волной прокатились по всей России. Не миновали они и Кашин. 25 октября 1918 г. протоиерей

Любские (слева направо): Елизавета А., Александр Павлович, Ваня — Иван А., Александр А., Нил А., Мария А., за ними Анна А., рядом Надежда Ивановна, между ними Наталья А. Фото до 1909 г.

И.А. Титов оказался в числе девятнадцати заложников, взятых Кашинской уездной Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Заложникам повезло, жизнь им сохранили. Через две недели после ареста, 7 ноября 1918 г., праздновалась первая годовщина революции. Председатель исполкома тов. Потемкин на автомобиле, украшенном зеленью и портретами вождей, проехал мимо колонны к тюрьме, где лично объявил заложникам, что в память годовщины Октябрьской революции они освобождаются.

Спасаясь от преследования советской власти, 18 марта 1919 г. протоиерей Иоанн Титов, надеясь найти более спокойное укрытие в скромном сельском приходе, пишет рапорт епископу Старицкому Серафиму: «...Доброе и радужное отношение ко мне глинеевских прихожан в громадном их большинстве еще более побуждает меня утруждать Ваше Преосвященство Милостивейшего Архипастыря и Отца, вторично просить о перемещении и назначении меня к церкви погоста Глинеево. Моя прошлая служба и деятельность по Епархиальному ведомству, равно условия моей семейной жизни были таковы, что дают полное основание верить и надеяться, что в тяжелую минуту жизненной невзгоды, когда я, в силу увольнения

Нил, Анна, Мария, Александр Любские. Фото до 1917 г.

меня с учебной службы, остался без всяких средств к жизни — содержания, получавшего от собора в количестве 80 — 100 рублей в месяц, не хватает даже на покрытие расходов по содержанию и отоплению квартиры, и должен обречь семью, состоящую в настоящее время из десяти человек буквально на голод, найду поддержку у Вашего Преосвященства. Перемещение и перемещение в возможно непродолжительном времени для меня крайне необходимо: оно спасет меня и мою семью». Просьба удовлетворена. С 1919 по 1925 г. Иван Арсеньевич служит священником церкви погоста Глинеево Бежецкого уезда. Младшая дочь его брата Ильи, Ольга, и угличский мещанский сын Иван Николаевич Потехин в мае 1919 г. венчались в Глинеевской церкви, и венчал их о. Иоанн Титов. С 1925 г. Иван Арсеньевич служит в разных церквях города Твери. Состоит секретарем при архиепископе Фаддее.

24 декабря 1929 г., вероятно под угрозой высылки, — а может быть, его как-то иначе смогли «убедить» в необходимости такого шага — священнослужитель Иван Титов завербован уполномоченным губотдела ОГПУ Родимовым. Вот только роль секретного осведомителя Калининского оперсектора по кличке Северов была чужда этому спокойному, отзывчивому, прекрасно образованному человеку. Когда от него настойчиво стали требовать нужных ОГПУ донесений на священнослужителей и прихожан, несмотря на мягкий характер, он не пошел на сделку с собственной совестью. 9 мая 1931 г. на встрече с оперуполномоченным ОГПУ И.А. Титов пишет заявление: «Я отказываюсь от дальнейшей работы по своей неспособности к ней и прошу меня выслать...» Удивительное дело, человек сам просится в ссылку. Арестовали его только через семь месяцев и двенадцать дней.

21 декабря 1931 г. о. Иоанна, служившего священником Покровской церкви, арестовали в г. Калинин. 20 января 1932 г. он был осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Приговор — три года исправительно-трудовых лагерей. Иван Арсеньевич Титов выслан с первым отходящим этапом в распоряжение Свирского ИТЛАГ ОГПУ — ст. Лодейное Поле Мурманской ж.д.

Из лагерей Иван Арсеньевич не вернулся. Судьбу его жена и дети узнали из письма, присланного Анне Александровне из Бугульмы. Писала женщина, которая сообщила, что похоронила ее мужа Ивана Титова. Письмо хранится у внучки священника Галины Николаевны Журавлевой, ур. Александровой. Ознакомиться более подробно с этим документом пока не удалось.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. И.А. Титов реабилитирован (по году репрессий 1932).

Анна Александровна с дочерьми после ареста мужа уехала в Ленинград к сестре Елизавете Александровне. С 1933 г. в Ленинграде проходила паспортизация жителей, достигших 18-летнего возраста. Анне Александровне паспорт не выдали — признали «лишенкой». Она уехала с младшей дочерью во Млёво к матери, где и прожила до ухода в мир иной. Умерла она в 1950 г., похоронена рядом с матерью Надеждой Ивановной Любской (1857—1934).

Старшая дочь Надежда окончила среднюю школу в г. Бежецке. Устроиться на работу поблизости к дому не было возможности (1923—1924 гг.). Она уехала к двоюродной сестре Юлии Ильиничне Субботиной, ур. Титовой, в г. Владимир. Там она работала по линии «ликбеза» и помогала сестре растить детей. Здесь она познакомилась с Николаем Ивановичем Александровым, который окончил Ленинградский электротехнический институт имени Ленина. Они поженились. Николай Иванович получил направление на Московский электродный завод. Сначала он был рядовым инженером, а потом стал главным инженером завода. Жили они вблизи завода на шоссе Энтузиастов. Во время Великой Отечественной войны семья Александровых с двумя маленькими детьми Галей и Олегом эвакуировались с заводом в г. Челябинск. Оттуда Николай Иванович был откоман-

Сестры Анна Александровна Титова (Любская) и Наталья Александровна. Начало 1930-х гг.

дирован в Америку на длительное время. Семья жила в Челябинске без него. После войны он, успешный ученый, лауреат Сталинской премии, стал работником министерства. Семья переехала в Москву, поселилась в новой квартире на улице Чкалова. Надежда Ивановна похоронена на Николо-Архангельском кладбище Московской области. Дочь, по мужу Журавлева, получила высшее образование, имеет двух сыновей — Михаила и Павла. Михаил женат, имеет дочь. Олег Николаевич получил высшее образование, жена Нателла. Дети Андрей и Татьяна имеют семьи. Живут в Москве.

Единственный сын Ивана Арсеньевича и Анны Александровны Александр получил среднее техническое образование в Твери, где последнее время жила семья. Окончив техникум в 1930-х гг., направлен на работу в Свердловск (ныне Екатеринбург). Работал прорабом на строительстве завода «Уралмаш». Женился на Наталье Николаевне Добровольской, она родом с Украины. У них двое детей — Борис и Татьяна. Умер Александр Иванович в конце 1980-х гг., жена умерла ранее. Сын Борис Александрович среднее образование получил в Екатеринбурге, потом окончил высшее военно-техническое училище имени Дзержинского в Ленинграде. Был направлен в Капустин Яр, где на испытаниях получил травму. После этого прошел дополнительную подготовку по дипломатической части. Служил атташе где-то в Средиземноморье, потом в Англии, будучи на пенсии, работал в Москве в

*Село Млёво. Церковь и дом священнослужителей Любских.
Начало XX в.*

иностранной фирме. Жена Эмма, имеют двух дочерей, Елену и Ольгу. Елена окончила МГУ, вышла замуж за однокашника, уехала с мужем в Нью-Йорк. Ольга окончила институт в Москве, потом совершенствовалась за границей. Живет в Москве. Татьяна Александровна получила высшее техническое образование в Екатеринбурге. Вышла замуж за Вадима Михайловича Бондюгина. У них две дочери — Анна и Наталья, обе врачи, имеют семьи.

Анна Ивановна Титова среднее образование получила в Твери. В 1930-х гг. поступила на курсы чертежников в Ленинграде. Немного не доучившись, поступила на завод имени Матвеева чертежницей. Жила на Нарвском проспекте у тетушки Елизаветы Александровны, ур. Любской. Потом она поступила в техникум на вечернее отделение, училась и работала. При паспортизации ей так же, как и матери, паспорт не выдали, признав лишенкой, как члена семьи репрессированного. Анна Александровна с младшей дочерью Ниной уехала на родину, а Анна Ивановна поехала в Москву «хлопотать». Она побывала на приеме у М.И. Ульяновой, и та дала ей документ на право получения паспорта. Анна Ивановна получает паспорт и, закончив техникум, работает на Кировском заводе. В финскую войну она вечерами дежурила в госпитале, а в Великую Отечественную пошла добровольцем с Кировской дивизией. Последнее письмо от нее родные получили со станции «Б» (Батецкая) осенью 1941 г. Она писала: «Пережила страшную ночь, многих моих друзей уже нет». Больше о ней не было никаких сведений, как и о всех бойцах дивизии...

1-я Ленинградская стрелковая дивизия народного ополчения (Кировского района) формировалась с первых дней войны из добровольцев. 1-й стрелковый и артиллерийский полки, медсанбат были сформированы из рабочих и служащих Кировского завода. В составе действующей армии с 1 июля по 29 сентября 1941 г. 10 июля 1941-го дивизия выехала из Ленинграда, 11 июля начала выгрузку в Батецкой и заняла оборону на Лужском оборонительном рубеже. В момент разгрузки дивизия попала под массированный авианалет, понесла первые потери. В составе Лужской оперативной группы Северного фронта, а затем 48-й армии сдерживала натиск превосходящих сил врага, прикрывая новгородское направление. С 10 августа 1941 г. в полосе действия дивизии завязались ожесточенные бои, связанные с возобновлением наступления немецких войск. С выходом противника на железнодорожную линию Ленинград — Дно оказалась отрезанной от основных сил и почти целиком погибла. Остатки 1-го и 2-го стрелковых полков, те, что еще в середине августа 1941-го были отрезаны от основных сил, к 2 сентября вышли из окружения, были наскоро

пополнены и сформированы, объединены во 2-й стрелковый полк.

Наталья Ивановна Титова приехала в Ленинград из Твери вместе с сестрой Анной. Она училась в школе, паспортизация ее не коснулась, т. к. была еще школьного возраста. Окончив школу, поступила на завод «Словолитня», где отливали шрифты для печати. Параллельно училась на курсах подготовки в вуз. Она поступила на вечернее отделение педагогического института имени Герцена. После окончания работала преподавателем в школе, которую в свое время окончила. «Когда началась война, она как и все мы, ездила на оборонные работы: копала окопы, строила доты в пригородах Ленинграда. Когда кольцо блокады совсем замкнулось, начался страшный голод. Мы съели всё, что было в доме. Остались мы трое: мама, Тусенька и я. Наконец Тусеньке предложили в роно эвакуироваться с детским домом на «большую землю». Она уехала по «дороге жизни» в Кобону и далее на Лятий. Вернулась только в 1945 г. Сперва она жила в старой нашей квартире, занимала небольшую комнату. При расселении квартиры ей дали комнату в новом районе. Работала она в школе рабочей молодежи на Кировском заводе, оттуда ушла на пенсию. Она и я проводили лето во Млёве. Не помню, в каком году, там, во Млёве, у нее случился инсульт. Галя Журавлева и мой покойный сын Коля свезли ее на машине в Москву. Там Эмма, жена Бориса Титова, и Галя положили ее в больницу. После больницы Нина привезла ее в Ленинград. Потом она сделала обмен своей комнаты на квартиру в Свердловске, переехала туда. Там в 1996 г. попала под машину и скончалась», — пишет в своих воспоминаниях двоюродная сестра Натальи Ивановны Ольга Николаевна Ливанова. В 1984 г. двоюродные сестры Наталья Ивановна и Ольга Николаевна передали часть писем отца Д. И. Менделеева исследователям. Письма хранятся в Удомельском краеведческом музее.

Самая младшая, Нина Ивановна Титова, жила с матерью в Млёво до 1944 г., именно в этом году она уехала в Челябинск. Известна ее фамилия по мужу — Жигалева.

1. Адрес-календарь Тверской губернии на 1909 г. Тверская губернская типография, 1909. С. 148.

2. Адрес-календарь ... на 1912 г. Тверская губернская типография, 1912. С. 22, 104.

3. Брагин В. И. Преподобная мати Анно!.. Моли Бога о нас!.. СПб: Русская Симфония, 2010. С. 236—237, 239, 241, 250—252.

4. Материал из Википедии, интернет.
5. Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год. Издание Тверской Духовной Консистории. Тверь, 1914. С. 6, 205.
6. Тверские Епархиальные Ведомости. № 2 15 января 1899 г. Часть официальная. С. 33.
7. Тверские Епархиальные Ведомости. №10 15 мая 1905 г. Часть официальная.
8. Тверские Епархиальные Ведомости. №11 1 июня 1905 г. Часть официальная.
9. Тверские Епархиальные Ведомости. №22 15 ноября 1905 г. Официальная часть.
10. Тверской епархиальный сборник. Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 10, 235.
11. Удомельский краеведческий альманах «Удомельская старина» №46. Село Млёво. Вышний Волочёк, 2008. С. 33—50.

Документы

1. Личный архив Потехиных — И.В. Гавриловой. Фотографии Титовых.
2. Личный архив С.Ф. Федоровой. Фотографии Любских. Воспоминания О.Н. Ливановой о семье И.А. и А.А Титовых (рукопись).
3. Метрическая книга за 1863 год. ГАТО. Ф. 160 . Оп. 1. Д. 35364. Л. 835 об., 836.
4. Метрические книги за 1903—1918 гг. ГАТО Ф. 160 . Оп. 1. Д. 2206. Л. 32 об. — 33; 35 об. — 36; 57 об. — 58; 64 об. — 65.
5. ТЦДНИ. Следственное дело №-9520-с.

Следственные дела Ивана и Дмитрия Титовых

В 2013 году мне удалось ознакомиться со следственными делами моих родных: деда Дмитрия Арсеньевича и его брата Ивана Арсеньевича Титовых. Эти дела начала 30-х годов, по 58-й статье, долгое время были секретными, но сейчас хранятся в Тверском центре документации новейшей истории.

Братьев Титовых было четыре, но Александр и Илья умерли до 1917 года, поэтому не подвергались репрессиям, а Иван и Дмитрий были осуждены, хотя ничего противозаконного не совершали, просто по происхождению, образованию и роду деятельности не могли быть угодны советской власти. Иван Арсеньевич умер в ссылке, а Дмитрий Арсеньевич, хоть ему и удалось вернуться с Колымы, работать адвокатом не мог: жизнь была сломана, человека с таким «пятном» в биографии большинство людей чуралось.

Дмитрий Арсеньевич не рассказывал детям о следствии и заключении. О жизни Ивана Арсеньевича после 1931 года было известно только то, что он умер в ссылке. Так что следственные дела — по существу единственный источник информации об этом периоде.

Дело Ивана Арсеньевича Титова

Из дела я узнал, что Иван Титов с середины 20-х годов служил в церквях города Калинина (на момент ареста в церкви Покрова) и жил на улице Циммервальдской в доме 17.

Поворотным событием в его жизни было 24 декабря 1929 года, в этот день он был завербован уполномоченным губотдела ОГПУ Родимовым и стал секретным осведомителем Калининского опер-

сектора под кличкой Северов. Звучит это ужасно, но в те годы «доносить», «сообщать», «сигнализировать» вменялось в обязанность едва ли не каждому советскому человеку, и отказ от этого был почти преступлением.

Каким образом Ивана склонили к «сотрудничеству», неизвестно. Может, это были не угрозы или шантаж, а простое пожелание получать сообщения о содержании разговоров с другими священниками. Человеку из преследуемого сословия, «лишенцу», задавленному налогами, которые он не в силах выплатить, имеющему семью, знающему, что многие священники арестованы и осуждены, противостоять напору «уполномоченных» было трудно. Хотя надеяться, что нейтральная информация о других служителях церкви будет удовлетворять «органы», было несколько наивно.

В 1930 году от Северова поступило несколько сообщений. В них кратко передавались разговоры Титова с некоторыми священниками, к которым Иван Арсеньевич приходил домой. Говорили о налогах, вернее о долгах по налогам, о закрытии церквей. Ничего против строя и властей, то есть «интересного» для ОГПУ, не было. ОГПУ этими записями не удовлетворено и требует дать материал на конкретных «церковников». Однако новые сообщения не много отличались от прежних.

9 мая 1931 года на встрече с оперуполномоченным ОГПУ Иван Титов пишет заявление об отказе от сотрудничества. Он понимал, что этим шагом буквально подписывает себе приговор, такую «измену» органы не прощают, но жить дальше Северовым Иван Арсеньевич не мог.

Неизвестно, как он жил летом и осенью 1931 года, наверное, надо было уезжать подальше от «Калининского оперсектора». Машина репрессий не торопилась. Ивана Арсеньевича Титова арестовали 21 декабря 1931 года. В этот же день было заведено дело, через два дня, 23 декабря, оно было окончено. Сейчас это дело № 9520-с хранится в ТЦДНИ, в нём 21 лист.

Вот краткий обзор дела.

1-й лист — заявление Титова 9 мая 1931 года (по независимым от меня причинам я его не видел, но оно цитируется в одном из следующих листов): *«Я отказываюсь от дальнейшей работы по своей неспособности к ней и прошу меня выслать. И по складу своего характера и по своим психическим способностям (дефектам памяти) и по неумению добыть нужный материал....»*

2-й лист — характеристика на Титова Ивана Арсеньевича, данная Уполномоченным СПО Корокицыным. После биографии идёт

оценка его как «спецосведома»: «...За это время не дал никаких ценных сведений о существующих группировках среди местных церковников и не освещал их действительных настроений. Материал представлял сначала исключительно о перемещении духовенства в пределах епархии и постоянно уклонялся и отказывался от предоставления сведений о настроениях и а/с деятельности церковников, мотивируя, что это он не может делать по своей совести и моральным убеждениям... являясь к ним на квартиры... расшифровывал себя перед этими лицами... представлял сведения в сектор ОГПУ при чем этих лиц он освещал перед н/органами постоянно в положительную для них сторону... »

3-й и 4-й листы — два сообщения Северова, вот отрывки из них: «В беседе с о. прот. Куприяновым у него на квартире прежде всего зашла речь о налогах. Все налоги пр. Куприянов уплатил преимущественно с помощью займов; впредь он все усилия будет употреблять к тому, чтобы не попасть в неплатильщики... Беседа на этом закончилась, так как о. Куприянову нужно было пойти в деревню кадить с иконами, на что дано было разрешение РИКом.

12/XI Протоиерей Владимирский в беседе у него на квартире на мою просьбу, что сделать мне по делу о недоимке в 500 рублей... посоветовал подать жалобу в Москву через митрополита Сергия...»

(Конечно, никаких сведений об «а/с деятельности» священников в этих сообщениях нет.)

5-й и 6-й листы — протокол допроса свидетельницы Софии Куприяновой, дочери священника, к которому приходил Иван Арсеньевич Титов. Допрашивали её ещё 28 октября 1931 года. Из протокола видно, что Куприянова была судима в 1930 году, но «по суду было вынесено общественное порицание». Софья Куприянова показывает, что Титов при встрече «заявил, что является негласным сотрудником ГПУ...». Правда, сама она при разговоре не присутствовала, а знала это со слов брата — Павла Куприянова, который к этому моменту уже выслан куда-то «на среднюю Волгу».

7-й лист — постановление от 21 декабря 1931 года о заключении под стражу Титова Ивана Арсеньевича и обвинение его по ст. 121 УК. Подписал постановление оперуполномоченный Успенский.

Как я выяснил, статья 121 УК 1926 года: «Разглашение, сообщение, передача или собрание в целях передачи должностным лицом сведений не подлежащих разглашению».

8-й лист — постановление, подписанное тем же Успенским, о привлечении Титова в качестве обвиняемого за то, что «...получая... задания разглашал ... сущность этих заданий с тем, чтобы в последующем дать Сектору согласованные с этим подозреваемым лицом сведения».

9-й и 10-й листы — протокол допроса Титова Ивана Арсеньевича, где он заявляет: *«...я не говорил, что являюсь сотрудником ОГПУ... правда ведя разговоры... я чувствовал себя очень смущённо и был морально угнетён своим положением... Виновным себя в предъявленном обвинении по ст. 121 УК в разглашении себя сознательно, как сотрудника ОГПУ не признаю».*

11-й и 12-й листы — обвинительное заключение Титова Ивана Арсеньевича по ст. 121 УК. Оперуполномоченный Успенский *«нашёл... что спецосведомитель сектора по церковникам ТИТОВ Иван Арсеньевич умышленно расшифровал себя с целью уклониться от дальнейшей работы в органах ОГПУ... На основании изложенного:*

ТИТОВ Иван Арсеньевич, 1879 г. рожд. урож. с. Сулега Бежецкого уезда Тверской губ., сын псаломщика, беспартийный, лишён избирательных прав, образование высшее — Казанская духовная академия, женат, не судим, по профессии священник

Обвиняется в сознательной расконспирации себя как секр. Сотрудника ОГПУ т.е. в преступлении предусмотренном ст. 121 УК. Следственное дело №... представить дело на рассмотрение Коллегии ОГПУ».

(На этом следственное дело заканчивается, и далее идут различные справки и выписки.)

13-й лист — начальнику Калининского домзака 1 января 1932 года сообщают, чтоб он *«перечислил содержанием»* заключённого Титова с сего числа за Коллегией ОГПУ.

14-й и 15-й, 16-й и 17-й листы — две копии обвинительного заключения.

18-й лист — справка о том, что 3 января 32 года дело препровождается на рассмотрение Коллегии ОГПУ.

19-й лист — выписка из протокола заседания «тройки» от 20 января 1932 г.

(В ней искажают отчество Ивана Арсеньевича Титова, называя его «Арсентьевичем» и изменяют статью на 58/10.)

«Титова Ивана Арсентьевича заключить в исправтрудлагерь сроком на ТРИ ГОДА, считая срок с 21/XII 1931 года».

(Отчество могла перепутать машинистка, а вот статью? То ли «тройка» так конвейерно работала, что всем штамповала 58-ю, то ли «заботясь» о Титове переименовала 121-ю в стандартную политическую.)

20-й лист — бумажка *«на исполнение»*, от 31 января 1932 г., где указано, что Титова Ивана Арсентьевича надлежит *«отправить с первым отходящим этапом в Распоряжение Свирск. ИТЛАГ ОГПУ — ст. Лодейное Поле Мурм. ж.д.»*

Приговор объявить под расписку на обороте выписки и приложить к тюремному делу. Свидание разрешается на общих основаниях.

Нач. УРСО ПП ОГПУ МО Герbedзювский».

21-й лист — реабилитация.

Прокуроры и начальник УКГБ по Калининской области в сентябре 1989 года заключают, что Титов Иван Арсеньевич попадет под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

В начале 90-х годов по указу президента Ельцина дела реабилитированных передаются из архивов КГБ—ФСБ в открытые государственные архивы. Дело №9520-с перемещено в Тверской центр документации новейшей истории. Там с ним могли знакомиться исследователи, однако недавно работники службы регистрации архивных фондов УФСБ решили, что в этом деле много конфиденциальной информации о методах агентурной работы их ведомства, и заклеили большинство листов дела. Открытыми остались лишь листы 18—20. Листы 9 и 21 открыты частично, остальные полностью заклеены. Таким образом, то, что ОГПУ в 1929 году завербовало связного Титова, а после его отказа доносить арестовало и отправило в лагерь, теперь знать нельзя.

Я думал, что Иван Арсеньевич сгинул на лесоповале в Свирском лагере, в Лодейном Поле. Правда, информационный центр УВД по Ленинградской области, к которому относится этот район, никакими сведениями о Титове Иване Арсеньевиче не обладает. Так что нет подтверждения, даже что Титов туда прибыл.

А недавно я узнал, что Иван Арсеньевич умер в Бугульме, вроде ссылку он отбывал там. К сожалению, ни подробностей, ни даты смерти пока выяснить не удалось.

Дело Дмитрия Арсеньевича Титова

Что касается дела Дмитрия Арсеньевича, то это дело №24656-с групповое, «Бежецких контрреволюционеров-юристов». Кроме Титова обвиняются ещё два члена коллегии защитников — Рогов и Драницын. Возможно, за этим делом последовало другое — против адвокатов этого межрайонного коллектива, которые «защищали кулаков».

Судя по материалам дела, события хронологически развивались следующим образом.

16 сентября 1933 г. У ОГПУ появляются «Показания КОПТИ-ЛОВА Сергея Осиповича, члена Коллегии Защитников, работающего

в г. Вёсьегонске, б/п.» (листы 10—16 дела).

«Бежецкий межрайонный коллектив защитников обслуживающий 8 районов (Краснохолмский, Вёсьегонский, Максатихинский, Бежецкий, Лесной, Сандовский, Сонковский и Молоковский) является организацией, под прикрытием которой а/с элемент юристов ведёт к/р работу. Коллектив объединяет 10 членов Коллегии Защитников, из которых 6 человек являются выходцами из поповской и помещичьей среды.

Возглавляет Коллектив Уполномоченный Московской областной Коллегии Защитников РОГОВ Василий Алексеевич, сын помещика, владел и сам именем...

К/Р группа юристов (и других не членов Коллегии Защитников) возглавляется Роговым — Идеологом и фактически руководителем группы, отличающимся особой враждебностью к сов. власти. В состав к/р группы из известных мне лиц входят:

1. ТИТОВ Василий Арсентьевич (Коптилов путает и имя и отчество Титова), ЧКЗ г. Бежецка, сын попа, бывший юрист дореволюционного времени.

2. ДРАНИЦЫН Борис Иванович, ЧКЗ г. Вёсьегонска, сын попа.

3. ГАЛАХОВ Андрей Михайлович, ЧКЗ г. Бежецка, сын попа, старший юрист.

4. АКСАКОВ Николай, ЧКЗ г. Бежецка, сын бывшего крупного землевладельца.

5. ФЕДОРОВ Арсентий Антонович, ЧКЗ г. Красный Холм.

6. КОВАЛЕВ Михаил Иванович. Уполномоченный Железторга г. Красный Холм.

7. КОТИН Николай Петрович, пом. зав. магазина ГОРПО... А/с платформа... основана на следующих моментах: «Политика коммунистов загнана в тупик. Выходом из экономического кризиса, в котором якобы находится Советский Союз является отказ от коллективизации с/х хозяйства... колхозы несут гибель крестьянству, колхозники в настоящее время переживают барщину, остаются без хлеба и умирают...»

Основной формой а/с деятельности участников группировки является борьба против основных законов Правительства, главным образом против закона от 7-го августа 32 г. об охране социалистической собственности.

В мае с.г. на одном из совещаний на квартире РОГОВА... он подчеркнул необходимость особо важной защиты, привлекаемых по этому закону и по ст. 61 УК (кулаки и зажиточные) — являются наиболее ущемлёнными сов. властью элементами, на которых необходимо опираться в борьбе против неё.

Характерен следующий факт, подтверждающий а/с убеждения РОГОВА: в один из своих приездов в гор. Вёсьегонск в сентябре месяце

текущего года, в квартире ДРАНИЦЫНА, в присутствии жены последнего и моём — РОГОВ произнёс тост: "Пьём за развалы колхозов"».

Возможно, эти показания были инициативой самого Коптилова, то есть доносом, но для открытия дела на «к/р юристов» требовались ещё данные.

19 сентября 1933 г. Коптилова допрашивает, уже как свидетеля, врио р/уполномоченный ВАГНО (листы 17–22 дела).

Коптилов снова рассказывает об а/с группировке, но в её списке теперь нет ГАЛАХОВА и АКСАКОВА.

16 октября 1933 г. В ОГПУ допрашивают АНДРИАНОВА Николая Александровича (листы 23–29), который тоже выявляет а/с юристов и приводит больше цитат из к/р высказываний Рогова, а в группу включает и Коптилова.

«Работая в течении 8-ми месяцев в качестве практиканта Бежецкого Межрайонного К-ва Защитников, я на основе ряда фактов... установил, что под прикрытием коллектива группой а/с юристов ведётся к/р работа. Эту группу возглавляет Уполномоченный Межрайонного К-ва РОГОВ Василий Александрович...

В марте с/г к нему обратился один колхозник и когда РОГОВ узнал, что тот обвиняется по закону от 7/8 — 32 г., то заявил ему (в присутствии ФЕДОРОВА): «Вас колхозников сов. власть расстреляет за сноп соломы, а вы кричите, что вы за сов. власть, хотя она вам и дала хорошего свинца». В этом же месяце пришёл крестьянин д. Фоминка с просьбой написать заявление о неправильном исключении его из колхоза. Исключение мотивировалось плохим уходом за свиноматками, чем была сорвана случка. РОГОВ заявил колхознику: «Сталин скоро издаст постановление, что колхозники сами должны покрывать маток» и с усмешкой добавил: «Тогда мы будем покрывать Сталина. Вы, дураки, ещё плачете, что исключили из колхоза; больше исключат — скорее Сталина снимут и распадётся вся коллективизация».

«Дураки колхозники, на них сели и поехали, а они слова не могут сказать, раньше на каторге и то лучше было, чем теперь в колхозе, я очень рад, что так много арестовывают и ссылают, в куче скорей восстанут».

22 марта с/г. приехала из Санковского р-на гр-нка осуждённая по ст. 61 ч. 2 УК. Ознакомившись с её делом, РОГОВ направил её к врачу ПОСТНИКОВУ, для получения справки о том, что она якобы больна и по этому не может содержаться по стражей. Врач ПОСТНИКОВ по договорённости с РОГОВЫМ практикует выдачу таких фиктивных справок».

9 ноября 1933 г. Прокурору Калининского оперсектора направляется справка на арест РОГОВА В.А. (лист 1–2).

«... — является руководителем к/р группировки юристов, ведущих организованную работу в ряде районов.»

11 ноября 1933 г. Выписывается ордер сотруднику ОГПУ Курочкину на обыск и арест Рогова Василия Александровича, проживающего в Красном Холме, по Красноармейской ул., д 33 (лист 3).

Во время обыска изымаются семь номеров английской газеты и шесть листов разной переписки.

В анкете арестованного указано, что *«Рогов Василий Алексеевич родился 16 января 1901 г. в бывшей Тверской губернии, в селе Нестерово Емельяновского р-на... Образование — среднее — Тверское реальное училище и два курса Высшего Московского Технического училища... Состав семьи: жена — Рогова София Николаевна, 32 года, домохозяйка, дочь Галина, 10 лет, учащаяся, сын Владислав, 7 лет, учащийся»* (лист 5).

13 ноября 1933 г. Выписывается постановление, Рогов *«...изобличается в том, что являясь враждебно настроенным к Советскому строю вел активную к/р деятельность, возглавлял к-р группировку... привлечь... по статье 58, п. 10—11... сдержат под стражей в Ардоме (Арстантском доме. — Д.Ш.) оперсектора»* (лист 7).

Рогову объявляют об этом **20 ноября 1933 г.**

29 ноября 1933 г. Проводят допрос Рогова (листы 8—9), на нём Рогов рассказал, как 10 ноября, накануне ареста, в Красный Холм приехал Титов Дмитрий Арсеньевич и предупредил его о возможности ареста, Титов узнал это в Бежецкой прокуратуре.

Надо сказать, что в деле больше нет никаких других показаний Рогова. По-видимому, он сумел выстоять на следствии, всё отрицал и отказывался признавать существование *«к/р группы юристов»*.

Любопытен эпизод предупреждения Рогова. Хотя это не сыграло роли в дальнейшем, Д.А.Титов при допросе подробно описывает, как он узнал о планирующемся аресте Рогова. *«9/XI. — 33 на занятия в Нарсуд я пришёл к 9-ти часам утра и в тот момент, когда я зашёл в канцелярию, секретарь прокурора, вскрывая почту, вскрыв один конверт, изумлённо воскликнула «ах» и, обращаясь ко мне (я в этот момент здоровался с ней) сказала: «Ваш Рогов-то арестован». Я заглянул в бумажку, бывшую у неё в руке, и прочитал фамилию, имя и отчество Рогова, подлежащего аресту, как лицо возглавляющее организацию контр-революционных защитников разных районов. Но так как был без очков и делалось это быстро, полного текста бумажки я не прочёл и даже хорошо не понял — от кого исходила эта бумажка и сообщала ли она об аресте, как факте, или же испрашивала санкции на арест...»* 10 ноября Титову надо было ехать в Москву по делу Петрова в ин-

станциях облсуда. По дороге он решает выйти в Сонкове и поехать в Красный Холм, чтоб провести там ревизию, так как Титов состоял ревизором Коллегии защитников. А в Москву поехать поездом, который проходит позже. В Нарсуде Краснохолмского района из сотрудников был только Рогов. Титов сообщает ему о бумаге на его (Рогова) арест из Оперсектора ОГПУ, которая почему-то пришла обычной почтой, поэтому её и вскрыла секретарша. Также Титов сказал, что 9 ноября, когда все в Бежецком суде разошлись, прокурор, старший судья и следователь задержались и заперлись на ключ в прокурорской комнате, — очевидно в связи с полученной бумажкой.

«Получив это сообщение, Рогов пошёл к себе на квартиру писать отчёт по коллективу за октябрь месяца (человека завтра арестуют, а он пишет отчёты! — Д.Ш.). Я же остался в Нарсуде проводить консультацию. В конце служебного дня, когда все обратившиеся за консультацией были обслужены, я пошёл на квартиру к Рогову. У него полного отчёта за октябрь не оказалось, — не было ещё некоторых отчётов из филиалов... После этого наскоро жена Рогова собрала обед, во время которого Рогов делал предположения — кто бы мог дать материал в ОГПУ на него и подозрительность его заходила так далеко, что он высказывал предположение и на Андрианова (угадал! — Д.Ш.), и на Федорова... Так как приближалось время отхода поезда, то мне пришлось поспешить на поезд (он отходит, помнится, в 5 час. 50 мин. вечера).

После ареста Рогова 18/XI было созвано в Красном Холму общее собрание защитников.

При поездке на общее собрание в Санкове я встретился с Дранициным, который ехал из Москвы. Тот оказывается, при поездке в Москву заезжал в Красный Холм и женою Рогова был посвящён в тот разговор, который я имел с Роговым 10/XI. — 33 г. Драницын по поводу этого разговора высказал предположение, что Рогов арестован по личному делу, а не групповому, иначе были бы арестованы — не только Рогов, но и мы — т. е. Драницын и я — Титов» (листы 51—53, 75—76).

До ареста Титова оставалось больше месяца, до ареста Драницына — больше двух месяцев.

7 декабря 1933 г. проводится медицинское освидетельствование: *«Рогов... страдает функциональным расстройством сердечной деятельности, бронхит... является ограниченно годным к тяжёлому физическому труду.*

Начальник медсанчасти Испр.труд.учредж.г. Калинина Волков» (лист 6).

22 декабря 1933 г. Пом. нач. Калин. оперсектора Фейгенберг и нач. СПО оперсектора Сикорский посылают: *«Сов. секретно. Про-*

курору Калининского Оперсектора ПП ОГПУ тов. Калачёву. Справка на арест **ТИТОВА Василия Арсеньевича** (имя неверное, как в доносе Коптилова. — Д.Ш.). Тов. Калачёв с проведением ареста согласен и даёт срок раскрытия дела — до 15 января 34 г.»

«...следствием по ликвидируемой к/р группировке устанавливается, что **ЧКЗ ТИТОВ Василий Арсеньевич** является активнейшим участником указанной к/р группировки... выражалась:

а/ в обработке в антисоветском духе лиц обращающихся к нему, как к **ЧКЗ**;

б/ в смазывании дел кулаков и зажиточных привлекаемых по закону от 7-го августа 1932 г. и по ст. 61 УК.

Этим путём **ТИТОВ В.А.** создавал недовольство сов. властью со стороны крестьян, а в лице защищаемых кулаков — опору на случай к/р восстания» (лист 30).

В тот же день в Бежецкое райотделение ПП ОГПУ МО отправляется указание: «Арестуйте **ЧКЗ г.Бежецка ТИТОВА Василия Арсеньевича** и направьте спец. конвоем в Оперсектор» (лист 31).

22 декабря 1933 г. сотруднику райотдела ОГПУ Павлову выписывается ордер на арест «**Титова Василия (зачёркнуто) Дмитрия Арс. ЧКЗ**» (лист 32).

26 декабря 1933 г. Дмитрия Арсеньевича Титова арестовывают. В анкете арестованного:

«...родился 1 июня 1884 г. Московск. обл. р-н Бежецкого село Сулега... местожительство г.Бежецк, Гражданская, 8... защитник нарсуд. Г.Бежецк... Недвижимого имущества не имею. Средства к жизни — заработок 600 р. в месяц... сын псаломщика... русский, гр-н СССР, беспартийный... высшее. В 1912 году окончил Ярославский Демидовский лицей... жена — Валентина Ивановна Титова, 33, домохозяйка, дочь Инна Дм. 5, Леонилла Дм. 2...» (лист 34).

28 декабря 1933 г. «Постановление... Титов входил в к/р группу... вел антисоветскую работу... избрать содержание под стражей. Уполномоченный Н. Андреев» (лист 35).

3 января 1934 г. Постановление о продлении ведения следствия по делу № 1254 по обв. Рогова В.А., Титова Д.А. по ст. 58 п. п. 10 и 11 УК (лист 38). Тогда же, 3 января, Титов начинает давать показания, в которых признаёт себя виновным по 58-й статье, п. 10, 11 УК, в работе в группе антисоветски настроенных защитников Рогова и Коптилова и взглядах и действиях контрреволюционных и вредных соц. строительству (лист 37).

Судя по листам дела, уполномоченный Андреев, который допрашивал арестованных и свидетелей, предпочитал, чтоб они сами

записывали свои показания. А потом в дело подшивались как листы этих рукописей, так и машинописные копии.

В результате первые показания Титова имеют три похожих варианта: 3 января и два 10 января (листы 37, 40–48). В них он раскаивается в своих взглядах, пишет о «...пути по которому дошёл до борьбы с советской властью и борьбы за её свержение...», указывает состав группы: Рогов, Драницын, Коптилов. А также упоминает несколько дел, когда удалось оправдать или отменить приговоры в отношении «кулаков». В основном использовались справки, которые выдавались в сельсоветах, представлявшие «кулаков» в виде «середняков». Почему-то ОГПУ заинтересовало дело ЧИЖОВА Ивана Михайловича из дер. Ждени Морозовского с/совета Краснохолмского района. «...В настоящее время проживает в Ленинграде, работает в типографии, проживает по адресу: Петроградская сторона, Петровский пер. д. №2, кв. 56» (лист 86). Потом ведётся переписка с ОГПУ Краснохолмского района, запрашиваются копии приговора (листы 85–90). Судя по этим документам, Чижова пытались осудить совершенно необоснованно, даже в какой-то мере абсурдно. Семья Чижовых имела крепкое хозяйство («кулацкое», конечно), но отец Чижова умирает, ещё был пожар, и Чижов сдаёт землю, ликвидировал хозяйство, продаёт скот, льномялку, сеялку и уезжает в Ленинград, где устраивается на работу печатником в литографии (зарплата 160 руб. в месяц). 7 мая 1932 года приезжает в родное село в отпуск на месяц. «...Ничего не делая и лишь наблюдает и судит работу в полях колхозников, спокойно относясь к этому... 23/V–32 Морозовским с/советом до Чижова доводится твёрдое задание по яровому севу, индивидуальное обложение и лишение гр. прав. Задание: льна 1.5 га, овса 1.5 га и все — полная возможность выполнить, категорически отказывается... наличествует явная злость...» (лист 88).

С/совет доводит до Чижова задание, 25 мая «снимают допрос и подвергают судебной ответственности за отказ и 26/V– 1932 г. Чижов осуждён» (лист 93).

«Руководствуясь ст. 61 ч. 3 УК — ПРИГОВОРИЛ ЧИЖОВА Ивана Михайловича — подвергнуть ССЫЛКЕ в места, указанные НКЮ и ЕВД, сроком на 4/четыре/ ГОДА, с конфискацией всего имущества в доход Республики... Приговор входит в силу через 14 суток.

П. п. Раз. Н. Судья /Соколов/ Нарзаседатели: /Сопегин, Ежов/» (лист 88).

Вот этот приговор, благодаря ЧКЗ Титову, был отменён в Мос. обл. суде, дело прекращается, и Чижов по суду оправдывается.

В обвинительное заключение дело Чигова не попадет, но упоминается в очной ставке Титова и Рогова.

15 января 1934 г. Появляется справка на арест Драницына. «Показания свидетелей, а также и сознавшегося участника указанной к/р группы ЧКЗ — **ТИТОВА Д.А.** — характеризуют **ДРАНИЦЫНА** враждебно настроенным к советской власти...» (листы 57, 64).

17 января 1934 г. В Красном Холме уполномоченный ОГПУ допрашивает свидетеля «*Котина Николая Петровича, 1895 г.р., происхождением г.Весьегонск, Московской области, мещанин, великорусс, место жительства Красный Холм, Садовая, №19. Род занятий завмаг № 8 Кр. Холмское Горно. Семейное положение: жена Котина Александра Матвеевна, дочь Котина Инна, сын Котин Николай, образовательный ценз: Три класса приходского училища и два класса городского в 1913 году...*

Показания по существу дела: В 1933 году... бывал в квартире Рогова, встречал там защитников Федорова, Ковалёва и Андрианова, врача Постникова. Не помню 12 июля или 12 августа проезжая на велосипеде мимо квартиры Рогова остановился у окна и вижу полное застолье защитников кроме того присутствовали и другие — Лукашов, Глазунов, с первыми тремя т. е. защитниками Федоровым, Ковалевым, Постниковым и Андриановым иногда в квартире Рогова выпивали. Рогов и Федоров рассказывали о своих выступлениях в суде, как выигрывали дела от 7 августа привлекаемых кулацко зажиточную часть деревни за развал колхозов по словам Рогова и Федорова эти дела они выигрывали, тем самым срывали мероприятия колхозов...» (лист 71—72).

18 января 1934 г. В Красном Холме уполномоченный ОГПУ допрашивает свидетеля «*Жирнова Ивана Федоровича, 59 лет, из д. Фоминка, Гнездовского с/совета, Краснохолмского района, работающий в колхозе рядовым колхозником. Семейное положение: жена Авдотья Потаповна, дочь Анна и ещё трое детей от 10 до 14 лет, все живут при мне и работают в колхозе. До революции имел средняцкое хозяйство, после революции состою в колхозе. Судим в 1933 году за халатное отношение к уходу за свиньями, дано 1 год принудработ.*

Показания по существу дела: В марте месяце 1933 года меня исключили из колхоза за плохой уход за свиньями. Я тогда... у защитника Андрианова с просьбой написать в Район об неправильном исключении меня из колхоза, в это время у Андрианова в кабинете был и защитник Рогов, который мне и присутствующим говорил «Сталин скоро выпустит постановление, что колхозники сами должны покрывать маток, и дальше говорил, тогда мы будем покрывать Сталина. Вы дураки ещё плачете, что исключили из колхоза; больше исключат — скорей Ста-

лина снимут и распадется вся коллективизация. Дураки колхозники, на них сели и поехали»...» (листы 73–74).

Получается, что малограмотный колхозник слово в слово повторяет показания Андрианова, так что, скорее всего, он кое-как подписал то, что уполномоченный переписал с присланной из Калинина бумаги.

26 января 1934 г. Драницын арестован. В анкете, которая заполнялась 28 января:

«Драницын Борис Иванович, родился 8 июня 1894 г. Московск. обл. гор. Кашин, местожительство: г. Весьегонск, Кузнецкая ул., д. №30, место службы 6 до 10/XI 1933 г. ЧКЗ г. Весьегонска, снят в связи с привлечением по ст. 169 ч. 1 УК, социальное происхождение: сын священника. Образование: высшее, в 1924 г. 1-й Московский Университет. Состав семьи: жена — Драницына Зоя Петровна, учительница 1 ст., дочь Валентина, 12, учащаяся, дочь Галина, 9, учащаяся» (лист 68).

29 января 1934 г. Драницыну предъявлено обвинение: «...входил в к/р группу Бежецкого Межрайонного коллектива защитников и, как таковой, вел антисоветскую работу» (лист 69).

1 февраля 1934 г. Титов даёт показания против Драницына.

«При участии Драницына происходили разговоры о необходимости проведения в наибольшем количестве защит кулаков и антиколхозных элементов... Судя по высказываниям Драницына, он к политике индустриализации и коллективизации относился отрицательно... Я считаю Драницына участником контр-революционной группы защитников нашего коллектива, судя по его настроенности и высказываниям...» (листы 78–81).

7 февраля 1934 г. Очная ставка Титова и Драницына.

Титов подтверждает, что входил в контрреволюционную группу, ставящую своей задачей борьбу с советской властью, и что в эту группу входил и Драницын. Драницын отвечал: «Я даже о такой группе не слышал» (листы 100–101).

8 февраля 1934 г. В ОГПУ по Краснохолмскому и Весьегонскому району высылают телефонограммы с вызовом в Калинин Андрианова 10 февраля и Коптилова 11 февраля для допросов (лист 94).

9 февраля 1934 г. Ответными телефонограммами сообщают, что Андрианов выезжает первым отходящим поездом 11 февраля, а Коптилов болеет и выехать раньше, чем через неделю, не может. (листы 98,99). Драницын начинает давать признательные показания (лист 102–104).

10 февраля 1934 г.

Драницын продолжает писать показания: «...В нашем коллективе

защитников с момента организации в 1930-х г.г. его было деление на защитников наиболее квалифицированных среди которых были лица имевшие большой круг клиентуры. В первой группе были Рогов, Титов, я, Коптилов и впоследствии Федоров (вошёл в коллектив в 1931). При проведении коллективизации в 1930 г., при раскулачивании и др. политических этапах жизни страны, недовольная часть населения — ущемлённая в своих интересах искали выхода и естественно обращались в коллектив защитников и искали среди нас наиболее авторитетных и сильных защитников...» (листы 105,106).

«Справка. Подвергнутый медосвидетельствованию лишенный свободы Титов Д.А страдает миокардитом, прободением барабанной перепонки, х. растяж. пах. колец суст. А посему годен к легкому труду. Врач (подпись)» (лист 36).

Возможно, арестантов били, так как до ареста у Д.А. Титова не было прободения барабанной перепонки.

«Справка. Подвергнутый медосвидетельствованию лишенный свободы Драницын страдает туберкулёзом легких субкомпенсирован. А посему годен к легкому труду. Врач (подпись)» (лист 70).

11 февраля 1934 г. Допрашивают Андрианова, приехавшего из Вёсёгонска. (Видимо, за это время он переехал из Красного Холма в Вёсёгонск, так как Драницына, защитника, работавшего в Вёсёгонске, арестовали.) Андрианов в основном повторяет свои показания от 16 октября, но добавляет разоблачения: *«Квартира Рогова в г. Красный Холм являлась местом, где не только проходили официальные совещания коллектива, но и собрания антисоветской его части. Рогов в целях поддержания связей с людьми разделявшими его а/с взгляды, все расходы по устраиваемым в его квартире выпивок всегда брал на свой счет, говоря: «Денег у меня хватит»...Для характеристики а/с бесед в квартире Рогова приведу имевшие место там высказывания (в данном случае они принадлежат Рогову, присутствующие лишь соглашались): «...коллективизация являлась первой и основной причиной голода. Коллективизация уморит всех. Коллективизация создаёт неустойчивость соввласти. В планах 1-й и 2-й пятилетки кроется тоже неустойчивость соввласти, как результат вызываемого ими недовольства масс. Вот это и есть самая основная наша опора в борьбе с соввластью... Власть слетит и тогда мы поработаем над теми, кто работает сейчас. Хотя и в настоящее время мы не спим». За защиту кулацких и вредительских элементов Рогов В.А. брался всегда с особой охотой. По этому поводу Рогов однажды в канцелярии суда выразился, что поскольку кулаки и вредители из одной с нами среды — их охотно я защищаю.*

Антисоветское лицо Рогова для меня вполне ясно. Дело в том, что Рогов, Федоров и другие антисоветски настроенные юристы считали меня своим человеком, поскольку я им никогда не возражал, — а поэтому моим присутствием не стеснялись и даже более — делились со мною.

...через ЧКЗ Коптилова С.И. я знаю, что ЧКЗ Драницын Б.И. в своей ненависти к советской власти доходил до того, что заявлял: «Сталин — бродяга. Разве могут бродяги занимать руководящие должности?»

Ко всему изложенному я считаю необходимым добавить, что Рогов... с целью... замаскировать свою контр-революционную работу принимал все меры к тому, чтобы быть в хороших дружеских отношениях с судебными работниками. Для достижения этой последней цели, Рогов из средств коллектива неоднократно отпускал деньги на покупку мебели для судов и ремонта» (листы 107—113).

Тогда же, 11 февраля, проходит очная ставка обвиняемого Рогова и свидетеля Андрианова. Андрианов подтверждает цитаты из своих показаний, а Рогов ответ: «Я заявляю, что это ложь... Нет, не говорил и вообще в таком разрезе разговоров не было... Нет, не произносились... Подобного разговора не было... Нет, не говорил, сомневаюсь, что беседовал по делу... вообще... Все ясно, но категорически отрицаю» (листы 114—118).

12 февраля 1934 г. Драницын продолжает давать признательные показания, это уже третий вариант, в отличие от первых двух, он перепечатывается на машинке (видимо, такая была манера ведения дела уполномоченным Андреевым).

«...По происхождению я, сын священника (умершего в 1903 г.). Среда, в которой я вращался, состояла из лиц враждебно относящихся к соввласти... признаю себя виновным по ст. 58 п. 10 и 11 УК. Я приношу глубокое покаяние... конкретно свою преступную деятельность... Протокол записан собственноручно. Драницын» (листы 119—122).

13 февраля 1934 г. Уполномоченный Андреев ещё раз допрашивает Драницына, на этот раз протокол пишет Андреев, а Драницын подписывает. Драницын поясняет, почему он отрицал существование организации на очной ставке с Титовым. «...Объясняю тем, что п. 11 ст 58 УК говорит о нечто оформленном с определенной программой к/р действий и целей. В дальнейшем я уяснил себе, что группировка не обязательно должна быть оформленной организационно. Что касается контрреволюционных бесед, имевших место на квартире у Рогова В.А. в г. красный Холм и ранее в Бежецке, я должен сказать, что они безусловно имели место и в большинстве велись на фоне проводимых нами, как защитниками, дел. Конкретных разговоров на чисто политические темы я не вспоминаю. К тому я должен сказать, что бывать

на квартире Рогова мне приходилось очень редко, — раза два-три в год...» (лист 122 а).

13 февраля проводится очная ставка обвиняемых Титова и Рогова. Очную ставку проводили нач. СПО оперсектора Сикорский, уполномоченный Андреев, в присутствии прокурора оперсектора Бобкова.

«Вопрос Титову Д.А. — Подтверждаете ли Вы свои показания о том, что среди части ЧКЗ... существовала к-р группа, в состав которой входили Вы, Драницын, Рогов В.А. и др.

Ответ Титова: — Да, подтверждаю, причём группировка была на почве общности антисоветских настроений.

Вопрос Рогову: — Подтверждаете ли Вы это.

Ответ Рогова: — Я категорически это отрицаю....»

Титов подтверждает свои показания, Рогов отрицает, заявляя, что «никаких указаний, кроме официальных, как Уполномоченный МКЗ по Бежецкому коллективу я никому не давал» (листы 123—127).

13 февраля выпускается постановление: «...материал на ФЕДОРОВА А.А., КОВАЛЁВА М.И., КОТИНА Н.П. и КОПТИЛОВА С.О. из следственного дела №1254 выделить в самостоятельное производство. Уполномоченный Андреев, «Согласен» Нач. СПО Оперсектора Сикорский» (лист 127 а).

Так что, возможно, потом будут арестованы и осуждены и другие участники «к/р группировки».

14 февраля 1934 г. Титов дает показания: «Я с Роговым в присутствии других товарищей по коллективу нередко, а чаще всего на квартире Рогова, вел такие антисоветские разговоры а/ о нерентабельности коллективной формы хозяйства... б/ Разговоры о том, что масса продовольственных продуктов, вырабатываемых в России, вывозится за границу, а остальные — в большинстве идут в магазины Торгсина и массе трудящихся они поступают в продажу в широких размерах лишь в том случае, когда их бракуют (экспортные галоши, яйца и т.п.) в/ разговоры о том, как хорошо жилось во время НЭПа, всего было много, всё было дешево, а теперь, из-за того, что убита честная инициатива, ничего не достанешь...» (листы 128—133).

Устраивается новая очная ставка меж Титовым и Роговым, в которой спрашивают о разговорах, упомянутых в показаниях Титова 14 февраля. Титов подтверждает, а Рогов отрицает: «...Разговоры на эту тему были, принимали в них участие кроме меня, Титова — Федоров, Драницын и др. (обычно после официальной части совещаний), но не в том разрезе, как говорит Титов» (листы 134—136).

Обвиняемым Рогову, Титову, Драницыну объявляют об окончании следственного дела. (В стандартных протоколах допроса.) (листы 137–139).

Титов и Драницын пишут, что *«об окончании следствия мне объявлено, никаких заявлений и дополнений следствию не имею, 14/II 34 г.»*.

А Рогов пишет: *«В предъявленном мне обвинении по ст. 58 пп 10 и 11 УК виновным себя не признаю. Рогов»*.

Об окончании следствия мне объявлено, в качестве дополнения прошу поверить показания Андрианова путём опроса людей, на которых он ссылается. Рогов».

15 февраля 1934 г. уполномоченный Андреев пишет обвинительное заключение. Рогов, Титов, Драницын *«...обвиняются в том, что враждебно относясь к совстрою, входили в к-р группу Бежецкого Межрайонного Коллектива Защитников, деятельность которой была направлена на борьбу с Соввластью и, как участники к-р группы, вели антисоветскую агитацию, а так же занимались срывом дел по обвинению кулаков, чем срывали хоз. полит. компании — т.е. по ст. 58 п.п. 10 и 11 УК»*.

Дело направляють «на рассмотрение Суд. Тройки ПП ОГПУ МО» (листы 140–147).

17 февраля 1934 г. С обвинительным заключением соглашается прокурор Бобков (лист 148).

25 февраля 1934 г. «Тройка» при ПП ОГПУ МО на заседании постановляет: Рогова, Титова и Драницына *«заключить в исправтруд-лагерь, сроком на ТРИ года, считая срок с...»* (листы 150, 152, 153).

Рогову считают срок с 13 ноября 1933 года, а Титову и Драницыну с 26 декабря 1933 г. (Видимо, ошиблись и приписали Драницыну дату ареста Титова, а Драницын был арестован ровно месяц спустя, 26 января 1934 года.)

«Означенных надлежит направить первым отходящим этапом в СЕВВОСТЛАГ г. Владивосток... Основание: наряд ГУЛАГа №1061» (лист 151).

2 марта 1934 г. Калининский оперсектор рапортует в Москву, что *«...последние 2/III.— 34 г. этапным порядком отправлены в рас-поряжение СЕВВОСТЛАГ ОГПУ г. Владивосток. Нач. Калининского оперсектора ППОГПУ МО (подпись) Андреев, оперуполномоченный УСГ (подпись) Лугинин»* (лист 158).

Как сложилась дальше судьба Рогова, по документам не прослеживается. Возможно, информация есть в тех листах, которые скрыты работницами архивной службы ФСБ в 2013 году. Таких листов более двадцати.

Несмотря на то, что первоначально все отправлялись в СЕВВОСТЛАГ, во Владивосток (и далее), туда точно направили Титова, а Драницын отбывал заключение в Западной Сибири, в Мариинском отделении ИТЛ. Из места заключения Драницына, видимо, приходит ходатайство о его досрочном освобождении. На что высылается заключение:

11 декабря 1935 г. «Я, Уполномоченный 3 Отд. СПО УГБ УНКВД по КО ЕВДОКИМОВ, рассмотрев архивные следственные материалы на гр-на ДРАНИЦЫНА Бориса Ивановича... ПОЛАГАЛ-БЫ:

В ходатайстве о досрочном освобождении из ИТЛ ДРАНИЦЫНУ Б.И. — отказать.

Уполномоченный 3 ОТД. СПО (подпись) ЕВДОКИМОВ, Нач. 3 ОТД. СПО (подпись) ДЕРБЕНЕВ».

3 июля 1936 г. Драницына освобождают из лагеря. Ему выдаётся справка: «...Если семья находится в труд посёлке надлежит направлению для соединения с семьёй по отбытии срока меры соцзащиты с зачётом 173 рабочих дней из Сибирского лагеря. Освобождён 3-го июля 1936 года на проезд выданное требование ф. №5 за № 760706 до ст. Калинин Октябрьских ж. д. Видом на жительство служить не может при утере не возобновляется». (Ошибка в дате ареста при выписке из протокола «тройки» позволила освободиться на месяц раньше.)

Дмитрий Арсеньевич Титов был отправлен в СЕВВОСТЛАГ, прибыл в бухту Нагаева 5 июня 1934 г.

В деле есть заключение (лист 172) — ответ на запрос от 21/IV — 35 г. Видимо, в запросе из Магадана выяснялась возможность досрочного освобождения Титова. В ответном заключении особоуполномоченный УНКВД МО ст. лейтенант Госбезопасности Ипполитов указывает, что «досрочное освобождение — нежелательно» «ноября 1936 года».

Однако Д.А. Титов был освобождён ещё 27 января 1936 года.

15 апреля 1946 г. Особое совещание при Министре внутренних дел СССР слушает дело о снятии судимости с ТИТОВА Д.А. Постановляет: «Судимость и связанные с нею ограничения с Титова Дмитрия Арсеньевича снять».

11 ноября 1989 г. Прокуратура Калининской области выносит заключение в отношении Титова Дмитрия Арсеньевича. «...Заявительница — дочь Широкова Леонида Дмитриевна... Титов Дмитрий Арсеньевич попадет под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Пом. Прокурора Калининской обл. Артемьев Е.П., Нач. под-ния УКГБ Туркевич А.Б.»

Что касается других участников дела, то их реабилитации и восстановления в правах в деле нет.

О жизни Дмитрия Арсеньевича Титова написано его дочерью, моей мамой, Л.Д. Широковой в №3 альманаха «Бежецкий край». После освобождения Дмитрий Арсеньевич продолжал работать в Магадане, в «Дальстрое», уже вольнонаёмным, так как дожидался навигации. После возвращения ему не сразу удалось добиться права жить в Бежецке, но в 1937 приезжает в Бежецк, где живёт и работает до 1951 года, когда он скончался.

Оба дела, и Ивана, и Дмитрия Титова, достаточно уникальны. В первом случае священник отказывается обслуживать всеильную организацию, порабошавшую и превращавшую людей в заключённых, во втором — юристы, видевшие систему осуждения и наказания в действии, сами попадают в жернова уничтожающей машины «за разговоры» — разговоры, которые только отражают существующую действительность. И вместе с тем дела достаточно обычные, где кто-то готов донести и «разоблачить», кто-то сразу признаётся и оговаривает себя и других, а у кого-то, как у смелого человека Василия Алексеевича Рогова, хватает сил стоять до конца не ломаясь.

В делах видны черты своего времени, истории — жизни в тридцатых годах советского времени в Бежецке и округе. Можно представить работу коллегии защитников, тяжёлую участь колхозников. К сожалению, память о многих людях не сохранилась и развеена так, что её приходится собирать по архивам репрессивных ведомств.

Полётная душа

Евгения Фарманянц

Моё заочное знакомство с Евгенией Карапетовной Фарманянц началось довольно давно. Несколько лет назад, собирая материалы о деятелях искусства и культуры, родившихся на тверской земле, в энциклопедии «Русский балет» я нашла две небольшие статьи о ней и её брате Георгии — артистах балета Большого театра. А спустя некоторое время состоялась и личная встреча с блистательной исполнительницей характерных танцев, заслуженной артисткой РСФСР, заслуженным деятелем искусств, лауреатом премии «Душа танца», заведующей кафедрой народно-сценического, историко-бытового и современного танца Московской государственной академии хореографии профессором Е.К. Фарманянц.

Листая и просматривая старые альбомы с фотографиями, Евгения Карапетовна вспоминала события своей жизни и жизни брата Георгия, которого, к сожалению, уже нет в живых. Всё в их судьбах связано с Большим театром. Поэтому и биографии похожи. Но у каждого в балете был свой путь.

«Мы с братом родились в небольшом провинциальном городе Бежецке Тверской губернии. Оттуда была родом наша мама Екатерина Васильевна. Туда же она вернулась после замужества. В Бежецке было много родственников. Помню, что брат нашей бабушки был очень известный врач. Родители нашего папы Карапета Погосовича жили в Армении. К сожалению, я слишком мало знаю о прошлом своих родителей. Бабушка рассказывала, что ее дочь (нашу маму) обучал музыке Василий Васильевич Андреев. Катя очень хотела учиться балету. В.В. Андреев возил её к балетным педагогам в Санкт-Петербург. Но мечта нашей мамы осталась неосуществлённой. Семья была против такой карьеры. В доме стояло прекрасное пианино, поэтому Катя, к тому времени уже достаточно хорошо игравшая на фортепиано, поступила в Московскую консерваторию. Будучи

***Арсений Гневышев
с женой Марией***

студенткой, она и познакомилась с нашим папой, тоже студентом, который закончил своё обучение раньше, чем она должна была окончить консерваторию. Они решили соединить свои судьбы и вернулись в Бежецк, где папа стал работать инженером на заводе.

3 сентября 1920 года родилась я, а через год, 4 ноября 1921 года — мой брат Георгий. В Бежецке мы прожили недолго, до 1924 года. Причиной переезда в Москву стал случившийся в городе сильнейший пожар. Он начался на спичечной фабрике и очень скоро перекинулся на жилые дома. В числе многих сгорел и наш дом. Спасая от огня наши вещи, все кто мог, помогали вытащить со второго этажа пианино».

Бабушка Евгении Карапетовны Фарманянц Елена Михай-

ловна Соловьева¹ происходила из бежецкой старинной купеческой фамилии Гневышевых. До сих пор среди бежечан бытует легенда о трех беглецах из Новгорода Великого, основавших Бежецк. Это были Петух, Неворот и Гневаш. Они и положили начало почтенным династиям бежецких купцов Петуховых, Неворотиных и Гневышевых. Среди Гневышевых к концу XIX столетия прослеживались несколько ветвей, представителями которых были: Гневышев Иван Андреевич (мещанин) и Гневышев Арсений Андреевич (купец); купеческие братья Сергей и Иван Алексеевичи Гневышевы, имевшие два больших дома на Кашинской и на Большой улицах; купец Михаил Васильевич Гневышев (дом на Воздвиженской и на Никольской площадях) с потомками — Михаилом Михайловичем и Арсением Михайловичем².

Думается, что бабушка Евгении и Георгия Фарманянц Елена Михайловна Соловьева (ур. Гневышева) проживала со своим мужем Василием Соловьевым в родительском доме, принадлежавшем купцу Михаилу Васильевичу Гневышеву, на Никольской площади в Бежецке. Дом был двухэтажный, с двумя квартирами; верхняя

квартира состояла из четырех комнат. Именно в этот дом вернулась после учебы в Москве их дочь Екатерина³ вместе с мужем Карапетом Фарманянцем⁴.

Гневышевы были весьма состоятельным семейством и могли позволить себе обучение внучки Екатерины в Московской консерватории,

Арсений Гневышев с женой Натальей

что в те времена составляло немалую сумму. Заветной мечтой внучки был балет, однако она была и музыкально одаренной барышней, поэтому выбор семьи был сделан в пользу музыки. Тем не менее дети Екатерины Васильевны впоследствии осуществили ее мечту и стали известными балетными танцовщиками.

Брат Елены Михайловны Соловьевой Арсений Михайлович Гневышев был весьма популярным в Бежецке врачом, многих своих пациентов он буквально вытащил с того света. Привожу две фотографии А.М. Гневышева, сделанные в разные годы. На одной Арсений Михайлович запечатлен со своей первой женой, бежечанкой Марией Николаевной Климовой. Он молод и в военной форме, возможно потому, что как врач был призван в армию. Следовательно, фото можно датировать 1914–1916 гг. М.Н. Климова впоследствии трагически погибла, и А.М. Гневышев женился вторично на ее сестре Наталье. На второй фотографии, датированной 25.03.1938 г., Арсений Михайлович снят вместе с ней⁵.

Во время знаменитого пожара в Бежецке 6 сентября 1920 года дом Гневышевых на Никольской площади сгорел, сгорела и Никольская церковь, возле которой он стоял. Этот пожар бежечане запомнили надолго. Он начался на спичечной фабрике, расположенной недалеко от села Княжево, в полукилометре от Кашинской улицы, с которой начинался Бежецк. Лето было жаркое и сухое, сильный ветер гнал огонь прямо на Кашинскую, которая вскоре запылала. Буквально в один день длинная и застроенная красивыми деревянными домами Кашинская улица полностью выгорела. Пожар уничтожил 255 домов, а также два храма — кроме Никольской церкви сгорел и Бежецкий собор. Примечательно, что Евгения Фарманянц родилась в Бежецке за три дня до пожара, 3 сентября 1920 года.

Через несколько лет семья Фарманянц решила переехать в Москву. С ними отправилась и бабушка Елена Михайловна. Дед Василий Соловьев остался в Бежецке, и дальнейшая судьба его остается неизвестной.

«Жизнь в Москве постепенно налаживалась, — продолжает Евгения Карапетовна. — Папа получил квартиру. Мы с братом подрастали, и пора было думать о школе. Родители очень хотели, чтобы мы занимались музыкой и танцами. Поэтому сначала нас повели на экзамен в музыкальную школу. Я говорю нас, потому, что мой брат везде был со мной как «хвостик». Экзамен был сдан успешно, но документы из школы родители забрали и повели меня в хореографическое училище при Большом театре, где учащиеся изучали все общеобразовательные предметы и одновременно занимались хореографией и музыкой.

Документы мы отнесли, но сразу в училище не принимали. Некоторое время все поступающие должны были заниматься на подготовительных курсах, где преподаватели определяли наши способности и физические возможности. На этих курсах занимались дети разных возрастов. Более старших по возрасту брали потом в другие классы. Вместе со мной занималась на этих курсах Татьяна Алексеевна Устинова. Лидия Абрамовна Устинова, её дочь, впоследствии стала моей ученицей. По окончании курсов меня приняли в первый класс, а Татьяну Алексеевну — в старший, поэтому я с ней встречалась редко.

И вот наконец начались занятия в школе. В ней было 7 классов, а затем учащихся переводили на 1-й курс техникума. Именно тогда нас и готовили к работе в Большом театре, хотя на сцену мы выходили уже в младших классах. Мы танцевали практически во всех спектаклях — амуров, медуз, зайчиков, рыбок... Арапчатами я и Василий Макаров были где только можно. В старших классах мы готовили сольные партии — кто был посильнее, или кордебалетные — кто был слабее. Школу возглавлял тогда Виктор Александрович Семёнов — очень строгий и требовательный руководитель. А курировал школу А.К. Луначарский. Он часто бывал на наших концертах.

Мне повезло с учителями. Моей первой учительницей была Вера Ильинична Мосолова, прекрасная балерина и педагог. У Елизаветы Александровны Шарпантье я занималась три года. Она прекрасно «ставила» нам спину, позиции ног. Аделина Антоновна Джури давала нам уроки пальцевой техники. Она брала из классических вариаций маленькие кусочки, и мы танцевали их на пуантах. Под её вниманием постоянно находились наши руки, которые она называла «языком балета».

Марию Александровну Кожухову привёз из Ленинграда В.А. Семёнов. Своей огромной эмоциональной экспрессией она сумела заразить и нас, научила в прыжках «летать» по сцене, занимая всю её площадку, научила не бояться падать, не бояться зрительного зала, помогла обрести свободу и естественность на сцене.

Из преподавателей-мужчин хочу отметить Касьяна Ярославовича Голейзовского, Виктора Александровича Семёнова и Петра Андреевича Гусева. Основы актёрского мастерства вела у нас одна из последних учениц Евгения Вахтангова — Вера Константиновна Львова. Этот предмет был впервые введён в Московском хореографическом училище и дал нам очень много для дальнейшей работы над ролью. Позже В.А. Семёнов ввёл ещё один предмет — «хореодрама». Его вёл Игорь Александрович Моисеев. Его внук Владимир тоже впоследствии стал моим учеником.

На сцену Большого театра я впервые вышла в 1928 году. В балете «Красный мак» исполняла эпизодическую роль Маленького кули: держала и подавала Екатерине Васильевне Гельцер, которая танцевала роль Тао Хоа, красный цветок. Причём на эту роль она проводила маленький кастинг из учениц нашего класса и выбрала в результате меня. В 1930 году, когда в театре был поставлен балет «Футболист», Игорь Александрович занял нас с братом в сцене «В магазине», где Георгий был куклой-мальчиком в русском костюме, а я куклой-девочкой в балетной пачке. В 1935 году в балете В.А. Оранского «Три толстяка» танцевали все учащиеся школы.

На втором курсе училища нас взяла в свой класс Елизавета Павловна Герд. Это был человек высочайшей культуры. Она знала несколько иностранных языков, музыку, живопись. Помимо профессиональных знаний она привила нам любовь к музыке. Всем своим педагогам я бесконечно благодарна. Они помогли мне стать балериной, разглядели во мне педагогические способности. Первым сказал об этом Петр Андреевич Гусев. И уже через год, после окончания МХУ и работая в Большом театре, я стала преподавать там классический танец, а затем и народно-сценический. Приём на работу в МХУ стал для меня неожиданностью. Прихожу я после отпуска в театр в конце августа, и мне курьер даёт письмо. Открываю, читаю: «Женька, первого числа у тебя урок в 4 «А». Зал № 4, в 9 утра. Целую. Гусев». Он был солистом Большого театра и художественным руководителем МХУ. Мой педагогический стаж составляет более 70 лет.

Мой первый выпуск состоялся в июне 1941 года. А через некоторое время началась Великая Отечественная война.

***Евгения Фарманяниц
с братом Георгием
в балете «Медный всадник»***

Учеников школы война за- стала в подмосковном пионер- ском лагере «Поленово». Детей решили вывезти в Васильсурск, небольшой городок, располо- женный на месте слияния реки Суры и Волги. С началом войны артистов Большого театра распу- стили на летний отдых. Но через месяц немцы начали бомбить Москву. Бомба попала и в здание Большого театра. 13 октября те- атр получил правительственное распоряжение об эвакуации в Куйбышев. Я поехала вместе с театром, но долго мне там про- жить не пришлось: я сломала ногу. Пришлось возвращаться в Москву. Возвратились и Ольга Лепешинская, и Софья Головки- на, т. к. уже в ноябре 1941 года от- крылся филиал Большого театра (художественным руководителем

и директором стал Михаил Габович). Спектакли шли в помещении Театра оперетты.

Основной состав театра вернулся из эвакуации в 1943 году, но спек- такли продолжали идти на двух сценах. В 1942 году был объявлен набор в МХУ. Связь училища с Большим театром постепенно восстанавли- валась. В это время у нас училась Майя Плисецкая. Будучи ученицей, она танцевала в спектаклях театра, выступала с отдельными номерами».

Евгения Карапетовна танцевала в театре до 1959 года. Вся её арти- стическая деятельность прошла на сцене этого прославленного театра.

Она танцевала Лизу в «Тщетной предосторожности», Жуаниту в «Дон Кихоте», Коломбину в «Медном Всаднике» и Китайскую куклу в «Щелкунчике». Среди её работ — партии классического, деми-ха- рактерного и характерного репертуара.

Её танцевальную манеру отличал огромный сцениче- ский темперамент, полное погружение в сам процесс танца. «Я словно ныряла в море танца и купалась в атмосфере сцены и спектакля» — так образно говорила о своих ощущениях Евгения Карапетовна.

«Мне довелось работать почти со всеми выдающимися балетмейстерами того времени. Каждый из них — своеобразная эпоха в постановках Большого театра. Но больше всего мне запомнился Касьян Голейзовский. Это — чудо в хореографии и вообще в искусстве. В его постановке я танцевала Чагу в «Половецких плясках» в опере Бородина «Князь Игорь».

В Большом театре работали прекрасные художники. С некоторыми меня связывали тёплые дружеские отношения. Особенно я дружила с Фёдором Фёдоровичем Федоровским (мы жили рядом). Кроме балетных он оформлял и оперные спектакли («Князя Игоря» и «Хованщину»). В театре многие артисты балета и оркестра любили живопись. У нас даже обзаводился своеобразный кружок. Я тоже пыталась рисовать».

Евгения Карапетовна бережно хранит один из рисунков в рамке на стене. Её любовь к живописи передалась ей, видимо, по наследству от родителей. Её мама прекрасно вышивала картины. Причём эти вышивки выполнялись в какой-то особенной технике. Оформленные в старинные рамы, они и сейчас украшают стены. Занималась Екатерина Васильевна и росписью по шёлку. Карапет Погосович сам не рисовал, но старался по возможности покупать картины, майолику.

«Творческая судьба дала мне возможность поработать не только со всеми балетмейстерами, художниками, артистами, но и со всеми дирижёрами: Юрием Фёдоровичем Файером, который дирижировал балетными постановками, Александром Шамильевичем Мелик-Пашаевым, Кириллом Петровичем Кондрашиным. Я хорошо знала Евгения Светланова, работала с театральными режиссёрами Юрием Завадским, Евгением Симоновым, Борисом Равенских. После окончания МХУ, я три года изучала режиссуру у Е. Симонова в училище при театре им. Вахтангова и стала там работать: ставила танцы, вела сценическое движение, как балетмейстер ставила танцевальные сцены в спектаклях «Память сердца», «Неоконченный диалог». В Малом театре я участвовала в постановках спектаклей «Человек из Стратфорда», «Умные вещи», «Джон Рид». Два года преподавала в школе Малого театра. Там у меня был потрясающий класс: в нём были Олег Даль, Виктор Павлов, Виталий Соломин, Михаил Кононов. Я с ними даже поставила спектакль по новой системе, которую сама придумала. На репетициях они ходили, двигаясь под определённую музыку, а перед тем, как сводить спектакль, я всю музыку убрала и их заставила ходить так, как они ходили под неё. То есть мы создали образ балета, но без музыкального сопровождения. Это было очень интересно.

Ещё в 1938 году меня приняли в Союз театральных деятелей. При Доме актёра существовала «Секция молодёжи». Это был сво-

еобразный клуб, куда могли вступить, имея на руках две рекомендации от членов этой секции. На наши заседания собирались не только артисты Московских театров. Приезжали гости из Ленинграда и других городов. Они показывали свои новые работы. Так, Евгений Светланов, тогда ещё молодой дирижёр и композитор, исполнял рапсодию «Картины Испании». Так как его родители были артистами Большого театра и сам он с раннего детства постоянно был в театре, пел в детском хоре, участвовал в мимансе в операх и балетах, знакомство с ним было для меня естественным, несмотря на то, что я была старше его на восемь лет. Часто выступал у нас Олег Ефремов. Обычно он устраивал экспозиции новых постановок. Кроме серьёзных показов мы устраивали различные театрализованные праздники с сюрпризами, капустники и т. д. Порой наши заседания затягивались до глубокой ночи.

Вообще, вся моя жизнь была до краёв заполненной профессиональной работой, общественной деятельностью и самообразованием. Меня влекла философия. Только в балете мне было скучно. Меня приглашали на философский факультет МГУ. Профессор Авнер Яковлевич Зись, известный философ, литературовед и искусствовед, для своей книги об искусстве попросил меня написать статью о балете. Начала писать, но закончить не сумела: очень много времени отнимала работа в театре, в МХУ, гастроли... Все же я осталась в балете, хотя всерьёз сомневалась: остаться или уйти.

Я много работала в комсомольских организациях, курировала хореографические коллективы художественной самодеятельности. Мне приходилось ставить танцевальные номера для больших концертов и спектаклей в Большом театре, его филиале, в концертном зале имени П.И. Чайковского. Вместе с театром выезжать на гастроли по стране и за рубежом. Кроме того, артисты театра постоянно выступали в сборных концертах на различных площадках Москвы.

После того как я закончила танцевать, педагогическая деятельность стала для меня основной. В 1964 году на МХУ были возложены обязанности методического центра по хореографии. Поэтому помимо учебной работы мне и другим преподавателям приходилось много выступать на семинарах, готовить различные методические пособия, оказывать практическую помощь непосредственно в других училищах. Я преподавала в Тбилиси, Ереване, Кишинёве. Приходилось мне работать и за рубежом — в Торонто (Канада), Китае, Монголии, Корее, Кубе. Но больше всего мне пришлось работать в Японии, где был открыт филиал МГАХ. Я вела классический танец у учащихся и проводила семинары по характерному танцу для преподавателей.

Общалась с ними на английском языке. Японцы же с интересом осваивали русский язык».

В 1991 году Евгении Карапетовне Фарманянц было присвоено звание доцента, а в 1995 — профессора. В 2001 году она стала лауреатом премии «Душа танца» в номинации «Учитель», которую присуждает журнал «Балет».

Через её классы прошли многие знаменитые балерины и танцовщики (более 150 человек). Среди них классические: Михаил Лавровский, Маргарита Дроздова, Нина Ананиашвили, Илзе и Андрис Лиела, Николай Цискаридзе, Наталия Бессмертнова, Мария Александрова — и характерные: Николай и Анатолий Симачёвы, Александр Петухов, Елена Ахулкова, Агнесса Белиева, Юлиана Малхасянц, Владимир Моисеев и другие. Многие стали лауреатами международных конкурсов.

В сентябре 2009 года исполнилось 70 лет её педагогической деятельности. Несмотря на свой солидный возраст, Евгения Карапетовна продолжает много работать. А наша беседа, к сожалению, подходит к концу. Покидая этот уютный дом, прощаясь с его необыкновенной хозяйкой, я уже мысленно готовлюсь к нашей новой встрече. Теперь я надеюсь услышать рассказ о её брате Георгии Карапетовиче, с которым она танцевала на сцене Большого театра.

Король воздуха Георгий Фарманянц

«Мы были очень разными по характеру, — начала свой рассказ Евгения Карапетовна. Я была более решительной, смелой. Георгий — более мягкий, хотя часто хулиганил. Я дружила преимущественно с мальчишками. Девочки сами искали дружбы с Георгием. Когда мы переехали в Москву, у него появилось больше возможностей для шалостей. Например, покататься с мальчишками на сетке трамвая. Особого желания заниматься танцами он не изъяслял, но вместе со мной пошёл сдавать экзамен в хореографическое училище. Его, конечно, не приняли, так как он был ещё маленьким. Но на все занятия он ходил вместе со мной как ученик. Поэтому на следующий год его взяли туда без экзамена.

Первый его педагог по классическому танцу Николай Иванович Тарасов считал Георгия бездарем, не смог найти к нему подхода. Видя такое к себе отношение, и Гога (так его все называли) не очень старался. В 6—7 классе к ним пришёл Пётр Андреевич Гусев. Он сумел увидеть в хулиганистом мальчишке способного танцора, а Георгий беззаветно увлёкся педагогом, и в руках опытного наставника стал одним из лучших учеников».

Василий Макаров, балетный критик, в 1943 году писал: «Вспоминается один из школьных концертов МХУ. Был объявлен «Учебный этюд» в постановке П. Гусева. Юный конферансье с красным пионерским галстуком на шее с трудом выговорил фамилию исполнителя. Под незатейливую музыку на миниатюрной сцене появился юноша в лёгкой рубашке, с обнажёнными руками и шеей, в перехваченных в нескольких местах шальварах, с женским обручем на голове, схватывавшем длинные волосы... Этот танец был действительно учебным этюдом, но очень хорошо было видно, что юной стройной фигурке явно не хватает места на сцене».

Очень хорошо занималась с их классом по ритмике Вера Алексеевна Яновская. Историко-бытовой танец в МХУ вела Маргарита Васильевна Васильева-Рождественская. В своё время она танцевала на сцене Большого театра, а в молодости участвовала в Русских сезонах С. Дягилева в Париже и Лондоне. Она была выдающимся педагогом по историко-бытовому танцу и автором учебника, в котором воссоздаются образцы танцевальной культуры прошлого в их теснейшей связи с историей и музыкальной культурой каждой эпохи.

Все предметы общеобразовательного цикла давались брату легко, особенно математика. Но вот с русским языком были проблемы. Георгий очень хорошо играл на фортепиано, рисовал (предмет рисование вёлся в школе три года), был частым гостем в Третьяковской галерее, увлекался верховой ездой, футболом, волейболом, коньками. Вообще, со спортом мы все дружили. Очень часто воспитанники школы и училища становились победителями различных спортивных соревнований. Да и потом, уже работая в театре, артисты спорт не бросали.

Очень быстро Георгий выучился водить машину. У нас в семье была «эмка», которую наш отец получил в подарок от Орджоникидзе. Карапет Погосович сам боялся садиться за руль и отдал машину Георгию. В начале Великой Отечественной войны эту машину забрали на нужды фронта. Вернули уже после войны, только другую — «мерседес».

В последних классах Георгия считали наиболее подающим надежды среди лучших учеников. На выпуске он вместе с двумя своими одноклассниками танцевал вариацию в одном из актов «Эсмеральды». В кордебалете он не танцевал.

Для дебюта в Большом театре ему была дана партия Нурали в балете Асафьева «Бахчисарайский фонтан». В этой партии он дублировал знаменитого Асафа Мессерера. За дебютом последовал ряд выступлений в отдельных танцах. Успех был большой.

Затем молодой артист получил очень трудную партию атамана Шило в балете «Тарас Бульба». Эта партия принесла ему успех. В прессе появились положительные рецензии. В одной из них писали: «Эта партия открыла Георгию широкие перспективы уже на ведущие роли в балетах. И следующей его большой работой был Колен в «Тщетной предосторожности». Именно в этой партии юный артист удостоился чести быть партнёром О. Лепешинской, отлично провёл и танцевальную и актёрскую часть партии».

После Колена была партия Базиля в балете «Дон Кихот». Эта партия — пробный шар для каждого балетного премьера. И Георгий с честью выдержал это испытание.

С первых дней работы в театре он завоевал горячие симпатии коллектива театра и зрителей. Коллеги называли его ласково Гошей за добродушный и спокойный нрав. Он умел ладить со всеми — от простого рабочего сцены до министра.

Когда началась Великая Отечественная война, Евгения уехала с театром в Куйбышев. Георгий был призван на военную службу в кавалерийский полк. Не последнюю роль сыграла в этом его любовь к лошадям и умение ездить верхом. Вскоре он был переведён в ансамбль песни и пляски НКВД, созданный в 1939 году по указанию народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии.

Коллектив ансамбля был поистине уникальным. Начальником был назначен Борис Тимофеев. Ансамбль был задуман как большой многожанровый эстрадный коллектив с привлечением самых громких имён. В качестве сценаристов пригласили бывших ссыльных, литератора и художника Михаила Давыдовича Вольпина и Николая Робертовича Эрдмана, которые в 1937 году после лагерного срока поселились в Вышнем Волочке. Сергей Юткович и Рубен Симонов были постановщиками программ. Художественным оформлением постановок занимался Пётр Вильямс, прославленный декоратор Большого театра. Хором руководил Александр Свешников. Танцами заведовал Асаф Мессерер, балетмейстером был Касьян Голейзовский. Популярный гитарист Иванов-Крамской руководил оркестром народных инструментов, симфоническим оркестром дирижировал Михаил Бек. Первая скрипка в оркестре была у Юрия Силантьева. В качестве конференсье выступал Юрий Любимов. Театральную труппу возглавлял Михаил Тарханов, а хударком был брат знаменитого композитора Зиновий Дунаевский. Музыкальным консультантом выступал Арам Хачатурян. Даже Дмитрию Шостаковичу приходилось писать музыку для ансамбля. Позже Эрдман скажет: «Если бы в помещение клуба НКВД, где мы репетировали, попала бомба, советское искусство прекратило бы своё течение». Коллектив выступал не с обычными программами, а с театрализованными представлениями. Здесь ставили даже оперы и балеты.

Георгий Фарманянц, несмотря на свою молодость, был уже блестящим танцором. Но в ансамбле песни и пляски НКВД он проработал не очень долго. Уже в конце 1941 года он был затребован и возвращён снова в Большой театр Михаилом Габовичем, который возглавил его филиал.

Артисты жили в общежитии театра. Тот же В.В. Макаров писал: «Он (Фарманянц) весел, бодр и счастлив, обедает с Суламифь Мессерер». Она была его партнёршей в балете «Дон Кихот», и к ней он питал самые нежные чувства.

«Когда в Москву возвратился из эвакуации основной состав, труппы слились, — рассказывает Евгения Карапетовна. — Но спектакли продолжали идти на двух сценах. Георгий перетанцевал всех «шутов», а их целая серия: в двух редакциях «Лебединого озера» А. Горского, в «Ромео и Джульетте» Л. Лавровского, в «Мирандолине» В. Вайонена. Настоящим шедевром стало исполнение Сарацинского танца в «Раймонде», Китайского в «Щелкунчике», Кумана в «Половецких танцах» из «Князя Игоря» (вместе с сестрой. — Е.Л.). Он был непременным участником всех парадных праздничных концертов и, конечно же, гастролей за рубежом. Выезжал он не только с театром, но и в составе небольших групп, а также были и сольные выезды в ряд стран, когда Большой театр ещё не выезжал в зарубежные гастроли. Состав участников сборных групп был очень разнообразный. Вместе с артистами балета выезжал, например, хор имени Пятницкого вместе с Татьяной Алексеевной Устиновой. На гастролях в Англии Георгий познакомился и подружился с солистом танцевальной группы хора Владимиром Шубариным, о чём танцор написал в своей книге».

Под большим впечатлением от увиденного на гастролях в Англии Георгий Фарманянц написал статью, которую назвал «В старой Англии».

В 1956 году состоялись первые за почти 200летнюю историю полноценные зарубежные гастроли Большого театра. В Лондон приехала балетная труппа. В КовентГардене давали «Жизель», Бахчисарайский фонтан» и «Ромео и Джульетту». Успех был ошеломляющий. В гастрольных выступлениях была занята Г.С. Уланова.

Рецензенты отмечали, что люди ночевали на улицах, чтобы достать билет на выступления Большого театра, хотя стояла промозглая осень... В Москве не продавались стоячие билеты, а Ковент-Гарден буквально ломился: люди стояли в проходах между рядами, сидели перед оркестровой ямой, буквально свисали с балконов. Артистов вызывали на поклоны несчётное количество раз! Занавес открывался и закрывался бесконечно, под конец оваций он уже не двигался!»

Георгий Фарманянц выезжал не только с театром. Артисты принимали участие в Международных фестивалях молодёжи и студентов. Для фестиваля в Будапеште специально для него Захаровым был поставлен «Гопак». Этот номер пользовался огромным успехом и всегда сопровождался двумя, а то и тремя бисами. Солистка Большого театра Сусанна Звягина писала: «Когда Фарманянц из задней кулисы на невероятной высоте вылетал на сцену в жете, в огненных, как шар, шароварах, в зрительном зале наступал шок... Этот шедевр создателя

и исполнителя, прошеествовав по всему миру, принёс немалую славу нашей балетной труппе».

Репертуар Георгия Фарманянца постепенно разрастался. Самыми значительными ролями стали Голубая птица в «Спящей красавице», Океан в «Коньке-Горбунке», Франц в «Коппелии», Филипп в «Пламени Парижа». В 1951 году он вместе с другими артистами балета снялся в фильме «Большой концерт», а в 1961-м вместе с Майей Плисецкой – в «Коньке-Горбунке».

Помимо выступлений в текущем репертуаре театра, многочисленных концертах, гастролях, Георгий занимался и педагогической работой. Как и сестра, он начал её рано, в 17 лет, и продолжалась она всю жизнь. В Большом театре он заменял Асафа Мессерера, когда тот отсутствовал. Приказом по театру Георгий вёл мужской урок классического танца, на который приходили не только солисты-мужчины, но и балерины: Галина Уланова, Майя Плисецкая, Ирина Тихомирова и другие.

Под руководством своего педагога Петра Андреевича Гусева, который сам был идеальным кавалером-партнёром, Фарманянц прекрасно овладел искусством поддержки. Многие ведущие балерины театра хотели танцевать самые сложные спектакли только с ним.

В Большом театре он танцевал до 1962 года. Но с уходом из театра его карьера не завершилась. Более 20 лет (1962–1984) он отдал работе в качестве солиста, балетмейстера и педагога-репетитора в Краснознамённом ансамбле песни и пляски имени Александра. Артисты очень его любили и называли Батей за спокойный характер и преданность своему делу и людям.

Репертуар танцевальной группы ансамбля пополнился новыми танцевальными композициями и сюитами. Артисты выступали во многих странах: Корее, Англии, Швейцарии и др. В 1984 году Г. Фарманянц переходит на работу в ансамбль песни и пляски Московского военного округа в качестве педагога и хореографа. Он сумел заразить коллектив своим трудолюбием и увлечённостью профессией, сделать артистов своими единомышленниками. Зрительский успех коллектива значительно возрос.

Благодаря человеческому обаянию, доброте и удивительной скромности он не имел ни врагов, ни завистников.

Георгий Карапетович Фарманянц умер 10 июля 1995 года, став родоначальником балетной династии. Его дочь Екатерина, окончив МХУ, танцевала в Большом театре. В настоящее время работает старшим преподавателем в хореографической школе, которую открыла Илзе Лиена. Внук Дмитрий Загребин – лауреат международных

конкурсов артистов балета, был солистом балета Большого театра. В настоящее время он солист балета музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

1. Соловьева (ур. Гневышева) Елена Михайловна (1875–1939) похоронена на Донском кладбище в Москве.

2. См.: ГАТО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 72. Опись домов Бежецка за 1898, 1900, 1901 гг.

3. Фарманянц Екатерина Васильевна (1898–1980) похоронена на Донском кладбище в Москве.

4. Фарманянц Карапет Погосович (1898–1961) похоронен на Донском кладбище в Москве.

5. Обе фотографии из семейного архива любезно предоставлены Борисом Анатольевичем Исаковым, бежечанином по происхождению, ныне проживающим в Санкт-Петербурге.

Как Пётр Фомин Америку спас

Когда я узнал, что создатель ядерного полигона Новая Земля вице-адмирал Пётр Фомин родился рядом с усадьбой Слепнёво, первое, что пришло в голову, было: «Он же видел Ахматову и Гумилёва!» То есть, конечно, мог видеть, но не наверняка.

Пётр Фомин родился 4 января 1904 года в деревне Терехово Бежецкого уезда (ныне территория Сонковского района). Деревня эта, ныне не существующая, стояла на той самой «Акинихской дороге», по которой любила гулять Анна Андреевна, о чём писала в воспоминаниях. По ней она ездила семь лет из Слепнёва на станцию Подобино, чтобы отправиться в Петербург, и по ней возвращалась со станции в имение. Пейзажи и впечатления отразились в стихах, вошедших в её лучший сборник «Белая стая» (1917).

Пётр покинул родную деревню в том же 1918 году, когда национализировали Слепнёво. Ни Гумилёвы, ни Ахматова больше никогда не бывали здесь. Фомин тоже уехал в Петроград, где случайно оказался в профессорской семье, которая приютила его и обучила грамоте. В 1919 году он добровольцем ушёл в Красную Армию, служил помощником машиниста на бронелетучке, получил ранение и был демобилизован.

С начала 1920-х годов и до конца жизни судьба бежечанина оказалась связана с Военно-Морским флотом. В 1924 году он поступил на кораблестроительное отделение Морского инженерного училища, во время учебной практики плавал на эскадренном миноносце «Сталин» и на линейном корабле «Октябрьская Революция». По окончании училища Пётр Фомич служил военным приёмщиком на Николаевском и Севастопольском морских заводах, военпредом группы московских судостроительных заводов. Он успешно занимался конструкторской работой и за

разработку одного из проектов элементов корабля был награждён большой премией.

В 1938 году наш земляк окончил факультет военного кораблестроения военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова, был прямым и любимым учеником выдающегося кораблестроителя, академика Алексея Николаевича Крылова. После выпуска его направили уполномоченным Управления кораблестроения Военно-Морского флота в Комсомольске-на-Амуре, где Фомин строил корабли и подводные лодки Тихоокеанского флота, которым командовал будущий нарком ВМФ Николай Кузнецов. Вице-адмирал Евгений Шитиков писал: «Служившие в то время в Комсомольске офицеры признавались впоследствии, что у Фомина они прошли настоящую школу не только кораблестроения, но и умения выходить из самых, казалось бы, неразрешимых с инженерной точки зрения ситуаций».

В годы Великой Отечественной войны он воевал на Черноморском флоте, был награждён орденами Красной Звезды (1942), Красного Знамени (1944) и Отечественной войны 1-й степени (1945). В 1944 году Фомину предложили перейти в аппарат Центрального комитета партии и курировать всё военное судостроение, но он попросился на практическую работу и после освобождения Николаева был назначен туда уполномоченным Управления кораблестроения ВМФ. Ему поставили задачу восстановить в короткие сроки судостроительные заводы, начать ремонт и строительство кораблей.

Но всё это, как оказалось, было подготовкой к главному делу его жизни — созданию ядерного щита СССР. В марте 1946 года Фомина перевели в Москву, и он стал членом Научно-технического комитета ВМФ, а вскоре заместителем начальника.

После проведённых 29 августа 1949 года успешных испытаний первой советской атомной бомбы было решено создать в Военно-Морском флоте специальный отдел для обеспечения разработки атомного оружия для флота, способов его применения в боевых действиях на море, а также для защиты объектов флота от атомного оружия противника. В ноябре 1949 года капитан 1-го ранга Фомин был назначен начальником этого 6-го отдела при военно-морском министре СССР.

Вице-адмирал Шитиков вспоминал: «Отдел в прямом смысле был при министре, занимая 4 комнаты и кабинет одного из его заместителей. Тем самым подчёркивалась важность отдела, деятельность которого регламентировалась особым режимом секретности... Начальный период работы отдела был сложным, так как ни один из офицеров и служащих отдела не имел ни специального образования по атомной и ядерной физике, ни опыта работы в

этих областях. Никаких сведений об устройстве и эксплуатации ядерных зарядов не было, кроме скудных сведений о взрывах на Семипалатинском полигоне, который условно назывался Учебным полигоном № 2. Не существовало и разработанной концепции того, какое ядерное оружие необходимо нашему флоту. Неясно было, как защищаться от этого грозного оружия. Только по подводным лодкам можно было дать рекомендацию — погружаться на глубину, то есть прятаться под толщей воды. И тут важную роль сыграла высокая общая инженерная и военная подготовка морских офицеров и умелый подбор кадров...

П.Ф. Фомин умел подбирать людей, бездельники у него не задерживались, трудолюбивых старался чаще поощрять. У подчинённых воспитывал самостоятельность, разъясняя, что каждый должен решать большинство вопросов по своей специальности на уровне начальника отдела. Человек внешне строгий, суровый, любивший во всём ясность и чёткость, по-военному обязательный, он был требовательным руководителем, но в то же время обладал чувством юмора и был по-товарищески доступен для подчинённых. Его, как правило, окружало множество друзей — и его возраста, и особенно молодёжи, которую он собирал вокруг себя. Самых талантливых, оригинально мыслящих, высокообразованных он находил на флоте, в училищах, в физических и технических институтах. Где бы ни работал Фомин, коллектив у него был слаженный, дисциплинированный и максимально работоспособный. Между собой мы его звали ласково и уважительно — «Фомич». Хотя 6-й отдел ВМФ оказался крайне разношёрстным по составу специалистов, опыту службы, семейному положению, Фомину удалось сколотить коллектив, сплочённость которого была подтверждена и делом, и временем... К ответственным докладам Главкому ВМФ и более высокому начальству, а их в период становления системы ядерно-технического обеспечения флотов было предостаточно, П.Ф. Фомин готовился тщательно, волновался и много курил, до тех пор, пока не были отшлифованы обоснования новых предложений, а потом уже шёл напролом... На новом месте, в отделе при Главнокомандующем ВМФ, у Фомина сразу сложились хорошие отношения с крупными учёными. Академики довольно быстро признали Петра Фомича, и это создало ему авторитет среди атомщиков». 27 января 1951 года ему было присвоено звание контр-адмирала.

В сентябре 1952 года началась новая эпоха в советском кораблестроении. По инициативе академиков Александрова, Курчатова и

Доллежалю И.В. Сталин подписал решение о создании первой атомной подводной лодки. 6-й отдел был подключён к её проектированию, а со следующего года Фомин возглавил общее руководство над всеми работами по ней и комплектование лодки личным составом (два экипажа). Под его руководством отдел организовал и укомплектовал контрольно-приёмный аппарат на всех предприятиях, участвовавших в создании ядерной энергетики для подводной лодки.

Учитывая исключительную важность задачи, отдел был преобразован в 1954 году в 6-е управление Военно-Морского флота СССР, и Фомин стал его первым начальником. Тогда же при его участии была создана Центральная научно-исследовательская лаборатория № 14 ВМФ (затем — Центральный научно-исследовательский институт ВМФ).

9 августа 1957 года атомная подводная лодка проекта 627 была спущена на воду, а в начале 1959 года принята флотом в опытную эксплуатацию.

Эпохальным событием стало открытие 17 сентября 1954 года на Новой Земле советского ядерного полигона. Вскоре постановлением Совета министров СССР Военно-Морскому флоту было поручено провести на нём испытания ядерных зарядов и кораблей. Ответственность за подготовку и проведение испытаний была возложена на адмирала флота Советского Союза Николая Кузнецова и контр-адмирала Петра Фомина. Но вскоре Кузнецов перенёс инфаркт, и всё руководство этим направлением легло на плечи нашего земляка.

В апреле 1956 года Пётр Фомин возглавил Специальную северную экспедицию по выбору и оборудованию боевого поля на Новой Земле для испытаний сверхмощных ядерных зарядов, а также зарядов малой мощности. Он принимал участие во всех ответственных испытаниях, включая подрыв 30 октября 1961 года самой мощной в мире 58-мегатонной бомбы, боевые стрельбы баллистическими ракетами, крылатой ракетой и торпедами нескольких типов, был награждён тремя орденами Ленина. В 1958 году ему было присвоено звание вице-адмирала.

Как правило, Фомин был первым заместителем председателя Государственной комиссии, ответственным за все полигонные дела, включая безопасность проведения испытаний. Наибольшая плотность испытаний ядерных зарядов пришлась на октябрь 1958 года (17 взрывов), сентябрь — ноябрь 1961 года (26 взрывов) и август — декабрь 1962 года (36 взрывов). В этот период в основном был достигнут качественный паритет в ядерных вооружениях с США. За серию испытаний вице-адмиралу Фомину был вручён третий орден

Ленина. Он возглавлял 6-е управление до 1966 года.

Конечно, Пётр Фомич достоин книги в «ЖЗЛ», но пока что о нём есть только несколько страниц в цитированной выше книге вице-адмирала Шитикова «История ядерного оружия флота». Автор резюмирует: «Таким образом, кораблестроитель П.Ф. Фомин возглавил ядерное вооружение флота благодаря умению отстаивать интересы флота, большой самостоятельности в работе, постоянному стремлению к новому, безупречной с точки зрения советской власти биографии, а также умению работать с людьми. Немаловажное значение имело и то, что его деловые качества были известны главнокомандующим ВМФ Н.Г. Кузнецову, И.С. Юмашеву и С.Г. Горшкову».

Преемник Фомина на должности начальника 6-го управления ВМФ вице-адмирал Александр Вошинин писал в 1981 году: «В ознаменование заслуг Фомина П.Ф. в работах по созданию «Объекта-700» (полигон Новая Земля. — В.В.), организации и проведении на нём первых испытаний изделий... для торпед Т-5 и других, а также ракет Р-13 и Р-21 со специзделиями надо городок испытателей назвать “город Петрофоминск”». Идея не была реализована, но в «столице» Новой Земли посёлке Белушье его именем названа главная улица, а на доме, где жил Пётр Фомич, укреплен барельеф.

Приведу в завершение один полузабытый факт. После успешных испытаний оружия чудовищной разрушительной силы — термоядерной бомбы один из её создателей 32-летний академик Андрей Сахаров предложил в качестве «средства доставки» использовать атомные подводные лодки проекта 627, строительство которых курировал Фомин, оснатив каждую из них гигантской торпедой под термоядерный 100-мегатонный заряд (примерно в 6000 раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму). По замыслу Сахарова, эти торпеды, взорванные у океанских берегов США, должны были вызвать цунами невиданной мощи — высотой 300 метров, которое просто смыло бы американские города, нанеся США невосполнимый ущерб. Начались проектные разработки, но против них жёстко выступил начальник 6-го управления ВМФ контр-адмирал Пётр Фомин, и в 1955 году работы над торпедой Т-15 были прекращены.

Сам Сахаров вспоминал это так: «После испытания «большого» изделия меня беспокоило, что для него не существует хорошего носителя (бомбардировщики не в счёт, их легко сбить), — то есть в военном смысле мы работали впустую. Я решил, что таким носителем может явиться большая торпеда, запускаемая с подводной лодки...

Одним из первых, с кем я обсуждал этот проект, был контр-адмирал Ф. Фомин (ошибка памяти: Пётр Фомин. — В.В.), в прошлом — боевой командир... Он был шокирован «людоедским» характером проекта, заметил в разговоре со мной, что военные моряки привыкли бороться с вооружённым противником в открытом бою и что для него отвратительна сама мысль о таком массовом убийстве. Я устыдился и больше никогда ни с кем не обсуждал своего проекта».

Так что американцы имеют полное основание заменить статую Свободы в гавани Нью-Йорка на таких же размеров памятник сыну бежецкого крестьянина, вице-адмиралу советского Военно-Морского флота Петру Фомину. Не будь его — смыл бы Америку академик Сахаров, будущий лауреат Нобелевской премии мира.

Коротко об авторах

Гусева (Алексеева) Светлана Владимировна, кандидат исторических наук. Научный сотрудник МГОМЗ.

Воробьёв Вячеслав Михайлович, профессор Государственной академии славянской культуры, г. Тверь.

Дауи Вера Константиновна, заведующая сектором отдела редких книг Научной библиотеки Тверского госуниверситета.

Дроздецкая Нина Константиновна, музыковед, кандидат искусствоведения. Преподаватель Тверского музыкального колледжа имени М.П. Мусоргского.

Коньшева Наталья Александровна, научный сотрудник Камчатского краевого объединенного музея.

Кузьмин Лев Иванович, краевед-исследователь. Тверь.

Лебедева Елена Михайловна, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин. Имеет ряд публикаций, посвященных артистам балета, балетмейстерам, хореографам, которые родились на тверской земле. Печатные издания: «Музыкальный мир Тверской земли». Словарь-справочник. Книга «Муза танца — тверские династии» (автор-составитель).

Путыр Валентина Константиновна, ведущий специалист — маркетолог, бакалавр сознаниеведения и социальной психологии (МАФО, 2003). Увлечения: генеалогия и краеведение.

Широков Дмитрий, член Союза художников России, керамист. Москва.

Содержание

Вячеслав Воробьёв. Мир и слово как вечные ценности. Владимир Вениаминович Биbihин.	3
Светлана Гусева (Алексеева). Д. А. Золотарев и А. Г. Кирсанов — студенты физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета начала XX в.	7
Вячеслав Воробьёв. Античность мы учили по Коровкину.	14
Валентина Путыр. Дмитрий Федорович Мольков.	17
Валентина Путыр. Сельский библиотекарь. Мария Михайловна Молькова.	28
Наталья Коньшева. От сельской учительницы — до кандидата наук. Елизавета Порфирьевна Орлова.	36
Вера Дауи. Епископ Хрисанф — уроженец села Еськи Владимир Николаевич Ретивцев.	47
Лев Кузьмин. Забытый герой тверской земли. Николай Степанович Рыкачёв.	53
Нина Дроздецкая. Педагог с большой буквы. Мстислав Владимирович Семёнов.	63
Валентина Путыр. Род Титовых из села Сулеги. Илья Арсеньевич Титов.	79
Валентина Путыр. Протоиерей Иван Арсеньевич Титов и его семья.	91
Дмитрий Широков. Следственные дела Ивана и Дмитрия Титовых.	101
Елена Лебедева. Полётная душа. Евгения Фарманянц.	121
Елена Лебедева. Король воздуха. Георгий Фарманянц.	130
Вячеслав Воробьёв. Как Пётр Фомин Америку спас.	136
Коротко об авторах.	142

**Историко-краеведческий альманах
«Бежецкий край»
Выпуск №12**

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
Компьютерный набор и верстка В.В. Козырев

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И. Ступкин
Корректор Ф.Е. Мочалова
Компьютерная верстка И.Р. Франэк

Адрес:
171163, Тверская обл., г. Вышний Волочёк,
Ванчакова линия, 17.
Тел. (48 233) 6 11 62
E-mail: wikavol@mail.ru

Усл. печ. листов 9. Печать офсетная. Заказ № 000
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «ТОТ» Ржевская типография
172390, Тверская область, г. Ржев, ул. Урицкого, 91

Историко-краеведческий альманах
Бежецкий край

